

войны
будущего

Федор БЕРЕЗИН

ОГРОМНЫЙ ЧЕРНЫЙ КОРАБЛЬ

ПОЛЕ БИТВЫ - ГЕИ!

Федор Дмитриевич Березин

Огромный черный корабль

Серия «Огромный черный корабль», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127214

Аннотация

Есть много романов и фильмов о постядерном мире. Когда все уже случилось и жалкие остатки человечества алчно делят между собой внезапно ставшие сокровищами обыденные вещи довоенного мира. Ходят по миру банды оборванцев с автоматами, а простые обыватели мигом превращаются в опасных животных...

Перед вами нечто другое! Эта книга именно о самой термоядерной войне. Здесь продемонстрирован процесс ее планирования, развязывания и ведения. Вся цепочка от солдата до генералиссимуса. Две ужасные империи-монстра делят между собой столь большую, но внезапно ставшую маленькой планету. Они будут биться до последнего – никто не отступит, ибо они накопили арсеналы и надеются раскатать конкурента в радиоактивную пыль.

Бухают пепельными облаками огромные города. Или их топят искусственные двухсотметровые цунами, когда от

тысячегатонных чудовищ вскипают целые моря. Это уже не страшно, ибо все в окрестностях четырехсот километров уже ослепли от первичной вспышки. А в небе новые армады гиперзвуковых ядерных носителей. Жуткая лазерная пушка шинкует их в винегрет с загоризонтной дальности. Но успеет ли она перехватить хотя бы что-нибудь? Подводные артиллеристские системы сверхбольшого калибра уже задирают форштевни для запуска оружия «последнего расчета» – кобальтовых бомб.

И вот что странно, когда это начинается, и генералитет и даже императоры превращаются просто в винтики большого страшного механизма под названием **ЯДЕРНАЯ ВОЙНА**.

Перед вами самая страшная сага известного мастера фантастического технотриллера Фёдора Березина.

Содержание

Часть первая	6
1. Звезды	7
2. Инструкции	10
3. Ночные города	14
4. Ворота леса	22
5. Мирные города	28
6. Пирамида власти	45
7. Транспортные артерии	50
8. Исторический срез по живому	57
9. Городские пересечения	61
10. Исторический срез по живому	68
11. Вечерние города	74
12. Исторический срез по живому	83
13. Срочная смена декораций	90
14. Исторический срез по живому	94
15. Города-мегалополисы	97
16. Исторический срез по живому	103
17. Города-курорты	105
18. Исторический срез по живому	110
19. Ширмы городов	113
20. Пирамида власти	115
21. Исторический срез по живому	121
22. Джунгли городов	123

23. Исторический срез по живому	140
24. Легенды леса	173
25. Пирамида власти. ГГ	180
26. Спокойные маленькие города	183
27. Рутинa леса	191
28. Большая стратегия. Урок первый	193
Конец ознакомительного фрагмента.	200

Фёдор Березин

Огромный чёрный корабль

Измеряй микрометром.

Отмечай мелом.

Отрубай топором.

Из законов Мерфи.

Мы жили в страшном мире. Он был точно огромный чёрный корабль, он покинул берега разума и цивилизации и мчался во тьму, трубя в чёрный рог, и уносил с собою два миллиарда людей, за грань суши и моря, в пропасть...

Рэй Брэдбери «Кошки-мышки»

*Посвящается выпускникам-курсантам
ЭВЗРКУ – Энгельсского Высшего
Зенитного Ракетного Командного Училища
противовоздушной обороны страны – ставших в
1981 году – лейтенантами вооружённых сил.*

Часть первая

ЗАРЯД ОБОЙМЫ

*Моим современникам трудно поверить
В железных амфибий морей и земли,
Но эти чудовища выйдут на берег,*

1. Звезды

Сегодня красный гигант Эрр поблек, почти потух, заслоненный сияющей, ослепительной звездой-солнцем Фиоль накатившейся на его размытый приплюснутый диск. И теперь она будет катиться по нему, долго-долго катиться, красный гигант Эрр велик, очень велик. Давно, давно такого не случалось. Обычно все-таки солнце чиркало вскользь. Зашевелились, выползли на страницы газет-журналов, пропахшие нафталином астрономы, надо же, еще водились такие птицы, древние такие птицы-нелёты. Расправили, отряхнули перышки, прочистили глотки астрологи, оттеснили, отволокли за ножки потоптали и бросили прорвавшихся нелётов, запели трелями, рассортировали карты-схемы без циркулей из головы построенные и без калькуляторов рассчитанные, за-го-во-ри-ли таинственным шепотом, часто повторяясь, дабы вникли, уши развесившие, загипнотизированные неучи; развернули талмуды предсказатели, изречения наспех ночью сочиненные, и в старинные обложки завернутые; разложили карты гадалки, стали гадать на них и на чем придется, что под руку попадет. Гадание на пауке: берем паука, садим в банку, держим так дней шесть под тряпкой

(можно двенадцать, не суть важно, главное принцип), затем тряпку поднимаем и смотрим, если жив паук – то жив на кого гадаем, а если мертв паук, тогда и... Принцип ясен, возможности безграничны. Так же по собачьему лаю. Выходим утречком во двор, слушаем, просим: ну-ка, собаченька, полай на суженого, или на звезду Фиоль (без разницы, суть не в том). Если долго лает собачка и близко, то близко суженый, уже после опохмелки подбирается к дому родному, или звезда Фиоль уже опасно близко к красному гиганту, может и упасть, нырнуть в газовый шлейф, в массе увеличиться и бубухнуть сверхновой, гореть нам тогда в аду крошечном тысячу лет и еще две остывать; а если далеко собаченька лает и коротко, то далеко суженый-ряженный, может и куда в другой домик забрел по ошибке впотьмах, или звездочка родная, ясно солнышко Фиоль, исказила орбиту, от происков гравитационного разбойника Эрр, удаляется теперь в дали неведомые и жить нам теперече без нее, сухари сушить, от ледника погибать, в цунами купаться; ну а если собаченька белая, да еще и большая, и вдруг она хромот на ногу заднюю левую, тогда... Суть методов ясна, возможности возрастают по экспоненте с увеличением исходных данных. Главное все всем понятно, зависимость прямая, а не какая-то косвенная, вероятностная, как у этих выскочек астрономов, ух, глаза бы не видели, спустились со своих гор, обсерваторий – кто вас звал? Кто на вас денежки государственные давал? Где результат – четкий однозначный? Какова зависимость меж-

ду лаем и... Нет зависимости! Как нет зависимости? А вот один мой знакомый загадал и... Получилось же точь-в-точь. Флюктуация вероятности, говорите? А вот другая моя подруга взяла паука, держала его год (нет не кормила, так же нельзя, нарушится весь ход процесса, тряпку то нельзя до срока поднимать). Ну, а когда подняла... Где паук? Так ведь и суженый же ряженный исчез. А вы флюктуация. Навыдумывают всякой галиматьи, слов вычурных, а сами бездельничают на государственной шее.

2. Инструкции

Однако настоящая наука занималась воистину серьезными вещами, а не какими-то парадами кратных звезд. Ведь, по логике вещей, те без нее успешно обходились многие миллионы лет, влиять на них непосредственно она покуда не могла, а потому и распылять свои силы на бессмысленное созерцание не собиралась.

Сегодня министр Науки был в приподнятом настроении, и дело было не в банкете, он ушел оттуда в самый разгар веселья, староват стал для оргий ученого совета, нет, ему очень понравилось утреннее совещание на кафедре Стратегии. Вначале все было как обычно, скучная рутина повторяющаяся всегда: доклад о неуклонном росте мощи и о том, что надо крепить и крепить ее родную; о вероломстве Республики, о ее реваншистских поползновениях, ползущих все дальше; о возможности адекватного, сокрушительного ответа-привета, если позовет труба; о том, сколько надо их – родимых кровинушек, собранных руками умелыми, сколько их требуется для полной адекватности с перевыполнением и о всяких таких прочих скучных, набивших оскомину вещах. А вот прения получились интересными. Рассмешил этот, как его бишь, подающий до сего момента надежды, бас-доцент. Весь зал рассмешил, даже заулюлюкали, когда увидели, что и министр, в гостевой ложе сидящий, слезы вытирает от сме-

ха. Надо же такое выдумать? И ведь главное серьезно так говорил. Потому, наверное, и смешно получилось, если бы улыбался, эффекта бы не получилось. Может, его в министерство Культуры перевести, поспособствовать, все равно накрылась его карьера научно-исследовательская, пусть там каким-нибудь цирком заведует, вдруг, будет больше толку, найдет свое новое призвание. Ну, надо же, что предложил: теоретически рассмотреть возможность ведения войны без ядерного оружия. Ой, рассмешил.

Поднимаясь в индивидуальном лифте, министр все еще улыбался. Он перестал улыбаться только когда зазвонил телефон. Обычно никто так поздно его не беспокоил. Улыбка совсем пропала, когда он понял *что* звонит: звонил, подпрыгивал на столе от нетерпения, красный телефон. Дрожащей рукой, моментально вспотев, министр Науки поднял трубку:

– Слушаю, Вас, Ваше Величество.

– Так, э-э, – сказали в трубке. Они были знакомы с говорившим очень долгое время, но тот опять запомнил его имя. Министр подсказал.

– Да. Так вот. Подумайте там, у себя в министерстве, о таких вопросах. Первое, возможности ведения войны без ядерного оружия.

Министр Науки похолодел, он заподозрил чьим выдвиженцем являлся тот, кого они в спешном порядке, волевым решением, сняли с должности без всяких проволочек.

– Второе, вероятность ведения чисто оборонительной

войны.

Министр открыл рот, челюсть его отвисла.

– Третье, прикиньте, с какой стороны подойти к задаче, заключения между нами и Республикой всеобъемлющего мирного договора.

У министра поплыло перед глазами, он наклонился проверить, с того ли телефона снял трубку, оказалось с того.

– И еще одно дополнение к последнему: нужно особо подработать взаимное запрещение на боевые действия на суше, включая не только материки, но и острова; на воде, охватывая всю толщу океанов, морей, озер и рек; в воздухе, имея в виду всю среду, вплоть до ионосферы и далее.

Министр лишился сознания, или ему просто хотелось этого. Он очнулся лежа животом на столе. Телефон еще говорил.

– Вам все ясно, э-э? – министр подсказал. – Срок, примерно три-четыре недели.

Министру стало легче. Телефон отключился. И все-таки конец карьере, подумал министр Науки водружая трубку на место. Вся жизнь, вся его долгая, счастливая трудовым подвигом жизнь насмарку. А если Республика согласится? Куда тогда девать все институты, занимающиеся разработкой всего того что нажили? Всего что накопили?

Внезапно он побледнел и тут же покраснел, скакнуло давление. Господи, Великий бог Эрр, как он мог поверить – совсем старый стал. Разучился читать между строк. Для че-

го заключается мир? Что есть мир? Мир заключается для... Мир есть... Подготовка! Подготовки! Хочешь мира, готовься к... Один из важных моментов подготовки чего либо, будь то атака или нечто более глобальное – скрытый подход, за полосой тумана, за дымовой... а в данном случае за словесной завесой.

Министр стал хохотать, прямо лежа на столе, хохотать над собой.

3. Ночные города

Так случилось, что это убийство было первым за очень продолжительный период. И нужно было не стрелять куда-то с дальней дистанции, в едва различимый, плоский, выплывающий из тени силуэт, когда только воображение может ставить препоны, будоража совесть, нет, нужно было убить глаза в глаза, к тому же голыми руками, потому как никакого оружия в наличии сегодня не имелось. У него не имелось, а вот у жертвы? Этого он не знал, и это еще более увеличивало диапазон вероятностного исхода. А еще, ко всему прочему, нужно было действовать тихо. Не безразличные горы и молчаливые овраги расстилались вокруг – город, большой, новый для него город. И нужно было решаться быстрее, он и так потерял около часа, кружа по улицам, простейшим способом проверяя свои подозрения. Лумис плохо знал Эйрегиберг, особенно те районы в которые забрался сейчас. В ночной тишине громко отдавались его ритмичные шаги и стекломилметоловое покрытие чуть-чуть пружинило под толстой подошвой сандалий военного образца. Теперь он шел прямо, не оглядываясь. В правой руке, словно игрушка, в его огромной сжатой ладони, покачивался миниатюрный, черный, с зелеными полосами чемоданчик. Лумис прибыл в этот старинный город по очень деликатному делу, но уже высаживаясь из подвешного монорельсового вагона,

он понял, что планы придется менять. Этот тип никак не желал отставать и, ясное дело, что-то замыслил.

Лумис скосил глаза и справа, в фосфоресцирующем сиянии рекламы, с изображением чего-то наиновейшего, наивкуснейшего, найдешевейшего и наинужнейшего, увидел низкое здание входа в «пневмо». Людей, в такое время, рядом не наблюдалось. Он понял, что не зря выжидал, подготавливал, пестовал своими блужданиями госпожу Удачу. Эта маленькая история двигалась к завершению и надо было постараться, чтобы вход в ловушку выглядел естественным продолжением прогулки. Лумис осмотрелся вокруг, делая это намеренно заметно, а затем упругим шагом направился в сторону подземной станции. Но он не вошел внутрь, а двинулся вдоль строения, нарочно громко стуча сандалиями. Шаги его зависали, таинственно звенели в ночной прохладе, заманивая жертву, приближая ее к тайне, подсовывая крючок-приманку. Обойдя сооружение Лумис поставил чемоданчик и неслышно приблизился к стене. На мгновение он замешкался, извлекая из кармана и разворачивая, очень тонкие, почти невесомые, но хитро устроенные перчатки. Он замер, прижал раскрытые ладони к гладкой, вертикальной поверхности, а затем, упираясь ногами в стену, повис на ней, словно приклеенный. Отлипла от камня правая ладонь и поползла, нащупывая, быстро перебирающими пальцами, самые малые впадины и выпуклости. Она оцепенела найдя трещинку, за которую можно зацепиться, и сразу двинулась

вверх левая нога и обнаружив устойчивое положение застыла. Теперь это же действие произвела левая рука, затем правая нога и снова человек затаился, словно огромное насекомое, вжавшись в отвесную стену. Вновь пошла вперед правая ладонь.

Уже слышались быстрые чужие шаги. И надо было спешить: незнакомый субъект, по-видимому, являлся новичком в охотничьих делах, он не догадался о маневре, решив, что жертва пытается ускользнуть, или, наконец-то, добралась до своей тайной цели. А наживке, меняющейся с преследователем местами, нужно было использовать случай – подсекать. Трудное, опасное это дело – охота на человека, дилетантский подход чреват... Полезла вверх левая рука. Шаги становились громче. А пальцы нащупали край сферической крыши. Вот и все, подумал Лумис и, подтянувшись, тихо опустился на живот. Шаги замерли. Этот тип что-то заподозрил, а было важно чтобы он не струсил и не пошел назад. Но теперь, в дело вмешивался господин Случай. Лумис на четвереньках заскользил в сторону, откуда доносились, ставшие более осторожными, шаги. Лумис искусственно разжигал в себе ненависть, подбрасывал в мышцы адреналин. Глупости, что убивать можно холодно, и даже если это выглядит так, там под слоем льда кипит плазма. Этот подонок, паршивое, убогое, недоделанное творение, смело преследовать его. Он замер на краю здания впившись взглядом в идущего внизу человека. В полумраке, сверху нельзя было рассмотреть его лицо, но

это сейчас не имело значения. Существовал противник, подлежащий уничтожению, охотник-любитель, которого необходимо превратить в бездыханный труп. А лицо – разве оно имеет значение. Лучше не видеть его, потому что в глазах можно прочесть растерянность, мольбу, ужас, вызванные таким резким поворотом жизненной трассы. Но прочь, прочь ненужные мысли, он должен сделать это и сделать быстро. Теперь на крыше не осталось человека, лишь сжатая пружина нависала, изучала границы своей зоны поражения. Стукали каблуки о тротуар. Маленький, неопытный человечек приближался к своей смерти. Он еще не догадывался о своей судьбе, хотя колени замедляли ход, тормозили, но он еще не научился распознавать голос тела, и уже никогда не научится, не даст ему судьба такого права. Может его случай был предрешен, предсказан в книге судеб, в которую каждый может взглянуть только один раз. Один раз, в момент, когда это произойдет. Тук-тук, подошвы касались тротуара и с ними стучало, поворачиваясь колесо времени, часы отсчитывали последние мгновения жизни этого индивида. Таинственные силы распоряджающиеся смертью уже присутствовали здесь. Тук, произошло пересечение незримой границы. Ботинок оторвался от мостовой, а вверху сработала, привела отработанную механику в действие, пружина. Лумис отделился от крыши. Человек оказался внизу, прямо под ногами. Оттуда, с бездонной для него теперь ямы, приговоренный успел поднять голову – все же водились у него в мозгах зачат-

ки интуиции. В этот момент в воздухе возник нарастающий посторонний шум, а полумрак ночного города залил мертвенно белый свет. Тени описали полукруг. Немигающие глаза уставились снизу на Лумиса. Время останавливалось, он рассмотрел сжатые губы. Время дробилось на мельчайшие дискретные отрезки темноты и света. Во тьме носок сандалии коснулся горла, а в молочном мерцающем освещении он уже наблюдал перекошенный рот и прижатые к незащитной шее руки. Тени вновь описали свой узор. Лумис приземлился на четыре конечности, а перепонки все еще давил невыносимый свист. Зрачки не успевали перестраиваться в этом частокле сияния и призрачных теней, но на стекломилметоловом покрытии извивался, бьющийся в судорогах организм.

Нужно было убрать его и при этом постараться не испачкаться в крови и не увидеть лица, но последнее, конечно чисто для психологического комфорта. Похожая на привидение тень переместилась по кругу. В полной тьме Лумис стащил и аккуратно сложил перчатки-прилипалы, а уже после нащупал вздрагивающие плечи. Но гигантский калейдоскоп продолжал изменять рисунки и, в слепящей яркости ночи, Лумис невольно рассмотрел то, что не хотел – лицо. В нем было выражено все, смерть уже коснулась его, но оно еще жило и Лумис наблюдал, не слышное в окружающем гуле, захлебывающееся дыхание. И чтобы продолжать действовать, нужно было неотрывно держать в мозгу импульс-строб

с надписью пояснением о том, что это враг, и если бы у него имелось больше опыта, они могли бы поменяться местами, но из подсознания выплывали вредные мысли, к примеру о том, что этот человек мог уже покончить с ним, но не сделал этого, там у памятника жертвам войны за Мирандолу. Быстрые тени снова описали полукруг. Надо было тащить и не думать: ведь неизвестный не воспользовался возможностью только потому, что хотел выследить, выследить, не только Лумиса – их всех. Не смотря на отвлекающие размышления, Лумис лихорадочно шарит по карманам убитого. Он никак не мог найти это проклятое оружие. Снова воцарился предательский свет. Этот чертов, подвешенный к высотному монорельсу, сияющий поезд, все никак не хотел кончаться. Поезд был пассажирский, теоретически его могли увидеть, но практически он за это не опасался, что можно рассмотреть в мешанине, раздробленных на составляющие, сумерек без специальных приборов? Абсолютно ничего. Совмещенные вагоны продолжали разгон и отдельные пылающие окна слились в непрерывную цепочку. Двести пятьдесят километров в час. Лумис наконец нащупал тоненький металлический ствол. Ему стало легче: преследователь был вооружен и это несколько заглушало совесть. Он отстегнул от кисти умирающего игломет и сунул в карман своей туники. Свист затихал, но звон все еще стоял в ушах. Длиннющий обтекаемый снаряд монотрона с сотнями людей внутри уносился во тьму, он проскочил между пирамидальными, закрученными

спиралью минаретами и исчез.

Поскольку главное было сделано и сделано быстро (в голове Лумиса, с момента начала процесса четко заработал и затикал хронометр, регистрируя секунды), он решил бросить труп под пневмотрон для полного запутывания будущих следопытов. Он уже прикинул, что на это уйдет минуты две, никак не меньше и надо было спешить. Лумис приподнял теплое податливое тело. До входа он тащил его двадцать секунд. На станции продолговатые лампы заливали все окружающее голубоватым огнем. Он радовался, что здесь никого нет, он вовсе не собирался расправляться с какими-нибудь свидетелями, да и наверняка не стал бы это делать. Но зато он снова невольно пронаблюдал агонию. На него смотрели уже потускневшие глаза. При последних конвульсиях Лумис едва не уронил свою ношу. В момент когда смерть забира-ла дань, Лумис начал спускаться по лестнице неподвижного эскалатора, уходящей в глубину. Остекленевшие зрачки все еще смотрели на него. Лумис бежал мимо стен, расписанных изображениями древних битв, но они оставались за границей его восприятия. Сквозь собственное оглушительное дыхание и рев потока лейкоцитов в артериях он услышал мелодичный сигнал. Приближался маршрутный пневмотрон. Лумис уже ни о чем не думал, он торопился. Бросив тело на пол, он достал из своего неистощимого кармана продолговатый предмет. Это была всесокрушающая отмычка, в умелых руках творящая чудеса. Он вставил ее в отверстие двери

с предостерегающей надписью: «Входить только при полной остановке транспорта». Еще через секунду дверь ушла вниз. Воздух с шумом устремился в отверстие. Едва держась на ногах, упираясь в стену, Лумис подтолкнул покойника в эту страшную дыру. Он еще успел заметить как закипает, в разряженном воздухе туннеля, вытекающая из убитого кровь. Когда створка закрылась, Лумис уже штурмовал эскалатор, а включившееся воображение выдавало ему цветную картинку удара остроносого, снарядообразного пневмотрона о тело, удара, который он не мог слышать сквозь толстую стену тоннеля.

4. Ворота леса

Металлические заслонки медленно разошлись в стороны. Первое, что он увидел, было ночное небо, казавшееся светлым на фоне абсолютной темноты трюма. Затем темнота надринулась снизу: небо исчезло. Дико заревела трансмиссия и гусеницы, лязгая, поползли по внутренней палубе. Браст почувствовал, как рука Пексмана легла ему на плечо. Он рванул рычаги на себя и молча надавил на «газ». Это была условность, старинное название: на самом деле, никакого «газа» или чего-то похожего не было, все работало на совершенно других принципах. За спиной рыкнул и содрогнулся тысячесильный двигатель и Браст ощутил привычное подрагивание сиденья. Темный силуэт впереди приобрел четкие очертания – покатая башня с торчащим сверху угловатым пеленгатором. Башня резка ушла вниз и на миг исчезла из виду. Впереди осталось только небо. Звезд на нем не было, никто и никогда не наблюдал с этой планеты звезд. Браст отпустил педаль. Как всегда ноги действовали привычно, автоматически.

– До берега девятьсот двадцать метров, – металлическим голосом произнес Пексман. – Но нам достаточно пятнадцати блоков.

– Понял, Пекс, – Браст нащупал рукоятку и нажал тумблер.

Что-то зарычало вверху и опорная плоскость пошла вперед постепенно заслоняя собой небо. Одновременно из-за горизонта взошла Страница. Это было хорошей приметой, по всем поверьям, хотя Браст относился ко всяким пред-рассудкам с сомнением, но если бы на небе сейчас засияла Мятая, второй, уродливый спутник Геи, несущий несчастья, он бы наверняка призадумался. Темная поверхность воды засверкала изумрудными бликами, а впереди, вырисовалась стена тропического леса. Где-то в искрящихся блесках, растворился плавающий транспортер разведчик. Опорная плита полностью отрезала небо. Браст расслабился в кресле водителя, а сзади Пексман, шмыгая носом, шарил по карманам, по-видимому, искал носовыжималку – «соплесос», по народному. «Снова у него насморк, – подумал Браст и расплылся в улыбке, – бедненький, бедненький Пекс». Неожиданно в сознании всплыл и овладел им образ Маарми. «Девочка моя, сколько же мы с тобой не виделись? Кажется очень, очень долго». И прощание было кратким: словно растались на день. Он просто позвонил и когда люк ушел вниз, он увидел ее всю целиком: короткая зеленоватая туника выше колен, распущенные золотистые волосы, торчащая в них брошь. Ему почему-то больше всего запомнилась эта дорогая безделушка, он еще подумал, что в ней можно уместить десяток магнитофонов и передатчиков на ульма-схемах. Она ждала его прихода. Она протянула к нему свою необычайно горячую, всю в браслетах руку и повлекла в дом. А он не дви-

нулся с места, только взял ее миниатюрную ладошку в свою большую, страшно грубую и шершавую, но сказать ничего не смог, а только отвел взгляд в сторону. А она еще что-то лепетала о том, что отец уехал по срочному делу и не вернется до утра. А ее, отливающая бронзой, тоненькая, но сильная рука все еще пыталась увлечь его за собой, когда внезапно ослабла... Она уже поняла. И он, облизнув, неожиданно пересохшие, губы посмотрел ей в глаза: бездонные, голубые и ужасно манящие. И тогда он сказал. И красивые, бездонные глаза вдруг стали необычайно тоскливыми, и ее чувственные губы страшно тихо и совсем незнакомым голосом спросили: «Когда?». И он, глядя мимо, скороговоркой произнес что-то о том, что через несколько часов, и, даже не попытавшись поцеловать ее, шагнул в сторону и уже на ходу бросил: «Пока». И затем, не оглядываясь, ничего не видя перед собой шел по стекломилитоловому покрытию мостовой, и чувствовал на себе ее взгляд.

Перчатка Пексмана вновь коснулась плеча. Это вывело Браста из дремотного состояния. Впереди вода переливалась золотистыми бликами и прямо по ней рассекая светящуюся дорожку протянулся идеально прямой отливающий перламутром мост. Браст произвел манипуляцию рычагами и тяжелый мостоукладчик, лязгая гусеницами, пополз по металлическому тракту. В перископе заднего вида Браст наблюдал, как, соблюдая дистанцию в пятьдесят метров, из шлюза выползла следующая боевая машина, а за ней еще и еще.

Темная стена леса надвигалась стремительно, она уже за-слонила собой восходящую луну, и как Браст не напрягал зрение, ему ничего не удавалось разглядеть в этой стене, никаких деталей. Как всегда механически, его рука повернула тумблер, включая прибор ночного видения. Мост кончился, но до берега оставалось еще довольно далеко. Мостоукладчик с разгона врезался в воду, подняв двадцать миллионов брызг. Он повернулся, отъехал в сторону и замер на глубине полутора метров. Одна за одной перед ним промчались гусеничные чудовища и когда последний бронетранспортер плюхнулся в воду Браст снова положил руки на рычаги. Теперь пятисотметровую переправу нужно было вновь водрузить на транспортер и следовать за моторизованным отрядом, боевые единицы которого последовательно исчезали в непроницаемой стене тропических джунглей. Снова взревел двигатель, давя уши сидящим внутри людям, но совсем не слышно для теоретически недопустимого внешнего наблюдателя – рев подавлялся специальным массивным устройством – противофазником. По воде пробежала мелкая рябь. Браст подвел машину вплотную к краю моста, невидимого под помутневшим слоем морской воды, смешавшейся с поднятым гусеницами илом. Что-то щелкнуло: сработал приемный механизм, стальные стержни вошли в пазы, негромко заурчал титанический подъемник, край моста вынырнул из-под воды и пошел вверх, закрыв собой темно-фиолет выси. Миг, и весь пятисотметровый монолит завис на высоте семи

метров над уровнем моря. «Сколько не смотри, а все равно это зрелище кажется нереальным, – подумал Браст. – Мистика технологии». Где-то во тьме, там у противоположного конца этой самоскладывающейся дороги, на мгновение, четко обозначилось темно-зеленое вытянутое тело большущей атомной субмарины-танковоза. «Вот и все, – констатировал Браст, – теперь мы отрезаны от цивилизации и, возможно, навсегда». Он глянул на пустующую, неразличимую сейчас, ячейку в блоке управления: здесь должен находиться радиопередатчик. Но его нет, из опасения, что он – Браст может самовольно выйти в эфир. Еще бы. Это же сорвет всю операцию, перервет планируемые наперед события и разразиться такой международный скандал, что военный конфликт будет неизбежен. Браст кисло улыбнулся. А ведь он и так неминуем, но начать его должны эйрарбаки и начать так, чтобы исход борьбы был заранее предрешен. Война запланирована. Ее сложный, многоуровневый механизм включится в тот день, когда их вездеходы-танки пройдут эти тысячи миль зеленых джунглей, удушливых болот, бездонных топей с ундоциллионами ядовитых скорпионов, ненасытных вампиров и плюющихся, разъедающей пластик, слюной шестикрылых тараканов и самое страшное: с неуловимыми племенами мератропов о которых рассказывают такое...

Мост снова стал транспортабельным и контейнер, вдвинулся в пазы на крыше инженерной машины. Браст развернул транспортер на месте и тяжелые гусеницы, подымая тон-

ны донного ила, поползли к темному пологому берегу, ясно различимому даже без инфракрасной техники в виде четкой полосы.

– Хлопни меня по голове Мятая луна! – шмыгнув носом, произнес Пексман, – темно словно в гробнице и свет нельзя включать. Может, я хочу взглянуть на свою Магди перед этим погружением в ад.

Браст промолчал. Было слышно как Пексман снова зашелестел одеждой, доставая «соплесос».

– Проклятый климат, – пробормотал он, словно хотел извиниться, затем смачно высморкался помогая медицинской машинке, утерся платком, и блаженно откинулся в кресле.

Красно-желтое пятно впереди приобрело очертания газораспылителя. Браст отвернул в сторону и гусеницы, со скрежетом, вынесли мостовкладчик на берег, наполовину погрузившись в борозды оставленные передними машинами. Танк перевалил через поваленное тысячелетнее дерево, одним своим весом превратив его прессованные опилки и погрузился в заросли высоченных папоротников. В перископе заднего вида Браст успел заметить, как из башни газораспылителя ударила шипящая струя воды.

Через некоторое время ничто на берегу не говорило о том, что здесь произошла высадка особого механизированного отряда.

5. Мирные города

Радлиф Тоу волновался. Внешне это было ничем не выражено, для всех окружающих, особенно для соучастников их тайной организации, он представлялся непоколебимым скальным монолитом, посреди бушующей вокруг песчаной бури, бушующей много дней, месяцев, а может и циклолетий, бури желающей сломать, перелопатить его в пыль. Они называли его Стариком, мало кто из них видел его лично, но имя его было известно многим и многим. Для тех из них, кто его никогда не встречал, он вообще был легендой. Однако для внешнего, ничего не ведающего о его тайной жизни наблюдателя, он являл собой образ примерного потребителя. У него была только одна странность, он жил вместе со своей дочерью, правда те кто не знал этого точно считали ее малолетней любовницей и для них он становился вообще идеально нормален.

Сегодня он ждал связного. В принципе он ждал его со вчерашнего вечера, он так и не смог ночью задремать. Всю длинную ночь он ходил из угла в угол и так и не сумел заставить себя чем-то заняться, он просто убил время. Какими длинными теперь стали ночи, небывало длинными. Обычно или та или другая звезда сияли в небесах: гигант Эрр, конечно, не давал ощущение полноценного дня, так, скользкие розовые сумерки, однако все же не тьма. Было особо обидно не

спать добросовестно эти благодные месяцы пока оба светила находились в одном ракурсе.

Всю ночь он посматривал на приоткрытый ящик тумбы в углу кабинета. Один раз, он даже достал оттуда прибор. К этой заразе – психоменитометру он пристрастился давно. Тогда они даже были не такие совершенные. Случилось это после тюрьмы, маленького лагеря смерти Завеса-3 под городом Эльбломг. Его смогли оттуда вытащить, пришлось делать пластическую операцию, маскировать внешность, чтобы снова вписаться в общество обывателей без риска быть возвращенным назад. И сейчас, он знал это доподлинно, у «патриотов» хранилось его не закрытое досье. Именно после того случая, он вынужден был стать навсегда лысым. Впрочем, давно привык. И также тогда, возвращая его к нормальной жизни, после месяцев пыток, доктора вынуждены были прибегнуть к электро-наркотику – психоменитометру, восстанавливая нормальную мозговую активность, ликвидируя кошмары. Потом, со временем, все это вмешательство требовалось все реже и реже, но наркотик, он и есть наркотик, какой бы природы он ни был – создалось привыкание. Он не знал всей природы происходящих в мозгу процессов, но кто их, в принципе, знает? То ли нейроны без периодического стимулирования прекращали общаться между собой, то ли мозг разучился (совершенно позабыл, как это делается) вырабатывать медиаторы – вещества необходимые для образования новых информационных связей, главным теперь бы-

ло то, что Радлиф Тоу, таково было его теперешнее имя, вынужден был прибегать к психоменитометру вновь и вновь. Это могло кончиться только одним – полной зависимостью, когда мозг функционирует лишь подключенный к прибору, стоит оборвать эту связь, и наступает помешательство, навсегда. Это было одно из немногих вещей в жизни, которых боялся нестигаемый Старик.

Ночью он выдержал, не натянул на голову эту дьявольскую сеть. Но уже светало, а ожидаемого посланца с информацией не предвиделось. Возможно, они потеряли еще одного человека, и, вполне может быть, сейчас, его уже обрабатывает «патриотическая полиция». Радлиф Тоу не мог об этом думать. Он открыл ящик.

* * *

Когда зазвонил дверной звонок, Радлиф Тоу находился в некоем пространстве, доступном только его воображению. Какие-то сложнейшие фигуры переплетались в узлы, и каждая сама по себе и тем более вместе (он знал это) представляла собой умопомрачительно доступную его разуму формулу. Это была стадия эйфории, как у курильщика при первой затяжке после долгого воздержания, только выражена она была много ярче и очень специфически, все-таки происходило прямое воздействие на мозг, без промежуточных этапов – чувств.

Мелодичный звон вновь разнесся по просторной комнате и замолк, поглощенный обитыми звуко-поглотителем стенами. Загорелся красный плафон на стене. Радлиф Тоу заставил себя приподнять веки, он все еще ритмично покачивал головой в соответствии с некоей слышимой только ему музыкой сфер.

– Маарми, – позвал он дочь, – сделай милость – открой.

Но, она была уже в комнате, высокая красавица в ниспадающей ниже колен тунике, так похожая на мать, которую она не помнит.

– Прибыл Лумис, папа. А ты опять, я вижу, нацепил на голову эту мерзость? Я когда-нибудь ее уничтожу. Сколько раз я тебя просила, держаться. Если тебе плохо, ты что не мог меня позвать, я сплю чутко. Поговорили бы о чем-нибудь, отвлеклись, – она неслышно (ступни утонули в рыжей шкуре мерзодонта, крупного хищника, вымершего уже при жизни Старика) приблизилась к креслу похожему на полусферу.

– Все, все, дорогая, – он поднялся, – уже снимаю.

«Ой, молодость, что она может понимать?» – поворчал он про себя. Она уже помогала ему укладывать, стаскивать с черепа провода.

– Маарми, ты же знаешь, мне это необходимо, чтобы восстановить душевное равновесие, иначе я не могу работать.

– Брось, это нужно, но не в таких дозах, – она подбросила пучок проводов.

Снова раздался звонок.

– Все, успокойся. Иди, открой наконец, нельзя же держать гостя за дверью.

Когда Лумис шагнул в комнату, следы наркомании были тщательно убраны.

– Пусть солнцеликие боги будут благосклонны к хозяину дома! – гость поднял растопыренную ладонь над головой.

– Входи, и да будешь ты счастлив в нем, – хрипло произнес Старик и улыбнулся обнажив, вставные зубы из кости желтого пермалогуса. – Я всегда рад тебе Лумис, присаживайся.

Он указал на пустое пространство перед собой. Лумис опустил на шкуру меразодонта и поставил перед собой полосатый чемоданчик.

– Ты немного запоздал?

– Да, были проблемы. Но, слава Эрр, обошлось. Я принес все данные о бароне.

Старик жестом остановил его.

– Маарми! Приготовь гостю крепкий крапс, ведь он прибыл издалека.

Девушка, наклонив голову, вышла. Люк моментально задвинулся.

– Дочь у Вас, совсем взрослая стала, давно я ее не видел.

– Ты прав, Лумис, но можешь не любезничать со мной, я тебе ни какой-нибудь имперский чиновник, которому нужно угождать. Я представляю, как ты устал, но давай решим проблемы. Я слушаю.

– Я принес все данные о бароне Гуррара и точный график

его передвижения, по стране, ну и, разумеется, текущую информацию.

– Прекрасно, – хозяин протянул тонкую, костистую руку.

Лумис быстро прислонил указательный и большой пальцы левой руки к двум круглым окошкам на чемодане: саквояж моментально распался напополам. Из одной половины Лумис достал кипу шифрованных хронопластин и передал их Старiku.

– Открывается только твоими отпечатками пальцев? – заметил тот, уже впившись глазами в документы.

– Точно, – Лумис прикрыл веки, была возможность расслабиться, снять напряжение пока Старик работает. Он попытался войти, погрузится в некое состояние, называемое нейтральным парением, нейропаром, по-простому. Начал мысленно произносить формулу внедрения с временной настройкой выхода, как будильник: «Мои веки тяжелы как свинец. Тело теплое и расслабленное. Я хочу спать. Спать. Дыхание ровное и спокойное. Я очнусь через пять минут».

Он осознал себя скользящим в небе, в свободном падении. Волны тихонько приподнимали тело. Нет, у него не было тела. Он ощутил себя духом. Он был и его не существовало. Он оглянулся, что-то осталось там, позади. Темная тень. Вспышка света. Он ясно увидел незнакомое, но мгновенно опознанное лицо. Пенилась, кипящая, льющаяся изо рта, кровь. Все вокруг озарилось багровым пламенем. Лицо увеличивалось, катилось на него. Нет! Он успел поднырнуть,

умчаться в подвернувшийся к месту водоворот. Он снова парил в небе. Он снова являлся бестелесный духом, несущимся над зеленым морем зарослей. И все это долго, очень долго. Что-то ворвалось в его грезы. Словно тиканье часов. Все пора. Лумис приоткрыл глаза. Он действительно успел несколько отдохнуть.

Радлиф Тоу держал перед собой последнюю хронопластину, затем он откинулся в кресле и, закрыв глаза, просидел минуту. Лумис знал о его феноменальной памяти, но всегда продолжал удивляться, наблюдая это наяву.

– Все, – отметил Старик поднимая веки. – Можешь уничтожать.

Лумис собрал прочитанную пачку пластин, в ней было листов сто, не меньше, и провел поверху маленьким плоским прибором, стирая верхний слой информации. Затем он положил ее обратно в саквояж, теперь внутри были простые деловые бумаги, зато в голове Радлифа Тоу уже созревал план устранения господина Гуррара. Начало было положено, механизм включился. Очень скоро, в центральных газетах на первой полосе, Лумис надеялся прочитать о скоропостижном окончании карьеры одного из рук-щупалец имперской машины подавления и слежки.

В этот момент снова раздался мелодичный звон и замерцал малиновый плафон. Конспираторы насторожились.

– Кто там, Маарми? – Радлиф Тоу хотел встать, но подавил порыв.

Он нажал какую-то клавишу в подлокотнике кресла. Когда темная пластиковая штора ушла вверх, они увидели за окном разворачивающийся трехосный электро-броневик. Двое солдат в униформе двигались к дому, а значит около дверей был еще кто-то.

– Это «патриотическая полиция»! – крикнула из прихожей Маарми.

– Открой внешний люк и задержи их в прихожей, – бросил Старик, вскакивая с кресла, с удивительной для его возраста прытью. – Лумис, за мной.

Они влетели в соседнюю комнату.

– Старик, сегодня меня сопровождал хвост, – абсолютно спокойным голосом сообщил Лумис. – Я убрал его.

Радлиф Тоу на мгновение замер и посмотрел на товарища удивленным взглядом.

– Почему ты сразу не предупредил? О, Великий Эрр, ты действуешь вначале руками, а потом головой.

– Мне казалось, я проделал все чисто. Я просто не успел подробно доложить.

Радлиф Тоу уже открыл камеру товаропровода. Товаропровод был мощный, доступный только людям с большим достатком.

– Я думаю, ты поместишься в контейнере. Полезай. Оставь чемодан, я отправлю его следующим рейсом.

Тоу быстро отстучал на клавиатуре код, пока Лумис с трудом втискивался в стальную капсулу. Когда где-то на спи-

не завинчивалась крышка, Лумис подумал о восьмикратном ускорении без спасительной мягкости газолита.

А на пороге уже велась беседа.

– Пусть солнцеликие боги будут благосклонны к хозяину дома, – самоуверенно улыбаясь широким ртом, отчеканил лейтенант «патриотической полиции», оценивающе уставясь на бледную Маарми. – Долго заставляете ждать. И не отвечаете на приветствие. Жители окраин обычно отличались вежливостью, – он снова окинул взором девушку, а позади скалили зубы трое пехотинцев с иглометами на ремнях. – Имею честь, баритон-лейтенант Принт. Так вы пропустите нас в дом, выпить чашечку крапса?

– Что вам угодно? – наконец выдавила из себя Маарми. – Вы, наверное, ошиблись адресом?

Радлиф Тоу нажал кнопку и услышал приглушенное гудение. В этот момент у Лумиса тошнота подступила к самому горлу и он погрузился в небытие. Пневмо-контейнер понеся, разгоняясь сжатым воздухом, по заданному заранее маршруту. А Радлиф Тоу, поблекшим взглядом, осмотрел комнату, вложил чемоданчик в следующий контейнер и туда же затолкал брошенные сандалии военного образца. Он отстучал код, нажал кнопку и вновь услышал урчание индивидуальной транспортной артерии. Он осмотрелся, все было в порядке. Он хотел включить кондиционер, чтобы выветрить даже посторонние запахи, но все поплыло перед глазами. Тоу, шаркая ногами, возвратился в свой кабинет. Он по-

пробовал добраться до ящичка с лекарствами, но что-то опередило его – кольнуло в груди. Он оперся о кресло. Он явно переволновался – проклятый возраст давал о себе знать. Перехватило дыхание, а в глазах поплыли фиолетовые круги. Багровый загривок мерзодонта стремительно понесся на него.

А полиция все еще никак не могла попасть в дом.

– Послушай, крошка, где ты слышала, чтобы наше ведомство ошибалось. Запомни, мы не ошибаемся. И сейчас не ошиблись. Мы никогда не путаем адреса. Пройдемте в дом, малютка, – офицер потрепал Маарми за порозовевшую щечку.

– Отстаньте, я вам не девица из «веселенького клуба», – она оттолкнула руку баритон-лейтенанта.

– Это можно трактовать, как сопротивление органам правопорядка. Вы в сговоре с мятежниками, детка? – лейтенант скалился, а кто-то из рядовых уже ржал во всю мощь.

Он повернулся к солдатам:

– Обыскать, перевернуть все вверх дном! Живо ребята, – офицер переступил через порог.

Вообще-то подвижный патруль заглянул сюда без всякого дела, но поскольку полиция в данный момент не была занята, они решили поразвлечься, заодно выполняя давнюю негласную инструкцию по запугиванию семей. Этот архаичный институт воспитания все еще продолжал конкурировать с прогрессивными тенденциями общества.

– Ого, а это что? – офицер полиции презрительно посмотрел сверху вниз на скорчившегося Радлифа Тоу. – Что за цирк? Встать!

Он даже отвел ногу назад, нацелив острый носок сапога в печень.

– Вы, что. Не трогайте, это мой отец! – Маарми, широко раскрытыми глазами взидала на распростертое на полу тело.

– А я думал любовник, – баритон-лейтенант Принт рассмешил себя и рядовых полицейских до слез. – А, это оказывается отец. Бас-сержант, вы своего отца знаете?

– Никак нет, лейтенант, но подозреваю, что это сам Император.

Все присутствующие, кроме Маарми и лежащего без сознания, закатились хохотом.

– Ну, давай, детка, приведи его в себя, я должен задать ему несколько вопросов.

Старший полицейский взглядом показал солдатам на соседнюю комнату. Один остался в дверях, на его поясе покачивалась разрядно-ударная булава. А другие уже переворачивали мебель в доме: осуществлялся внеплановый обыск. В жилище вершилось правое «патриотическое» дело.

Несмотря на старания Маарми, Радлиф Тоу так и не пришел в сознание. Его уложили на выдвинутую из стены кровать и Маарми пришлось надеть на его голову психоменитометр.

– Думаю, скоро очнется, – поделилась она надеждой.

– Ничего, мы подождем. Найдем какое-нибудь развлечение. – Принт нахально рассматривал ноги сидящей рядом девушки.

– Бас-сержант, ну-ка принесите сюда чего-нибудь вкусненького.

Офицеру немедленно доставили серебряную чашу, рядовые уже ориентировались на кухне, как у себя дома. Причмокивая, он отпил первый глоток.

– Отличный крапс. Это вы приготовили? – он отхлебнул еще глоток – Ваш отец любит крапс. Для частого употребления нужно иметь крепкий организм. Неужели он употреблял... употребляет его такими порциями.

– Да, отец любит крапс. А какое это имеет значение?

Принт чувствовал ее смятение и еще он ощущал, что это беспокойство имеет под собой какие-то серьезные основания. Возможно, он ошибался, но что-то было не так. Он решил нажать на девушку пока не очнулся старик, а потом сверить их показания.

– У вашего отца приличный доход?

– Да он один из главных акционеров «Джейт-Эндис-Грир» – фирмы по заготовке питательных белков.

– Я знаю, знаю знаменитая ДЭГ... Все это странно, такой влиятельный человек занимается странными делами.

– Какими? – девушка посмотрела ему в глаза.

– Ну, этими, например: финансирование антивоенных организаций, сочувствующих террористическим группиров-

кам...

– Вы говорите ерунду, – Маарми перевела дыхание.

Принт с интересом пронаблюдал, как поднялась и опустилась высокая девичья грудь.

– Вы не смеете клеветать на отца. Вы...

– Успокойтесь, – Принт закрыл ей рот ладонью. – Это только подозрение и не более, – его рука быстро заскользила по белой точеной шее, нащупывая бриллиантовую заколку туники.

Маарми резко оттолкнула его руку и, отпрыгнув в сторону, замерла в воинственной позе. Ее золотистые волосы разметались по плечам и она зло, как загнанный зверь, посмотрела на офицера.

Принт оскалился.

– Нельзя же все принимать всерьез, девочка. Так вот, а как на счет вот этого приборчика? Разве он не попадает под запрет, на хранение специальных медицинских средств?

Он снова приблизился к ней, но Маарми мгновенно отступила к двери. Принт сделал обманное движение правой рукой, а другой попытался ухватить ее. Она ловко уклонилась, в последний момент. Получив резкий удар по бицепсу, Принт сконфужено отступил, массируя онемевшую руку. Она недвижно стояла напротив, сжав белые красивые руки в маленькие кулаки. Светлый локон прикрыл левый глаз. Она злорадно улыбнулась, слишком натянуто для истинной радости, но бой был не окончен. У баритон-лейтенанта все за-

кипело от ее улыбки и он снова перешел в наступление. Она, смотря ему в глаза, пятясь задом, переступила через порог.

– Хек! – Принт резко выбросил левую руку вбок. Когда ее взгляд на мгновение отклонился в сторону, он толкнул ее раскрытой ладонью в живот и она упала, теряя равновесие, в распахнутый люк, за которым оскалив зубы стоял бас-сержант. Волосатая рука схватила ее за талию, а другой он уже заламывал ей руки за голову.

– А девчонка что надо, не правда ли, лейтенант? – он довольно заржал. – Она еще и кусается. Прямо ведьма с луны Мятой, – он ударил ее по щеке.

– Вот и все детка, – Принт приподнял ей подбородок. – Я с тобой могу сделать что угодно. Ты совершила нападение на офицера «патриотической полиции».

Он сомкнул наручники на ее вывернутых за голову запястьях.

– Ну-ка привяжи ее к этому креслу, – лейтенант пальцем указал на сиденье посреди комнаты.

Сержант молча подтолкнул Маарми, незаметно сдавив налитую грудь.

– Ты можешь быть свободен, бас-сержант Гарц.

Солдат явно разочарованный вышел. Беззвучно закрылся люк.

– Все, птенчик, – лейтенант отцепил от ремня небольшой металлический предмет. – Сейчас я задам тебе несколько вопросов и ты ответишь на них. Разве нет?

Он огромной ладонью отыскал почти детское плечико. Раздался треск рвущейся материи. Принт снова окинул Маарми жадным взглядом: теперь туника скрывала только одно плечо, а оторванный клоч материи лежал на животе. Розовый сосок бесстыдно выглядывал из-под остатков одежды. Принт, молча сопя, размотал толстую проволоку. Он умело прикрепил кусочком пластыря один из проводов к обнаженному предплечью, другой провод, оголенным концом, резко воткнул в ровно поднимающуюся девичью грудь. Она тихонько вскрикнула.

– Ты знаешь, что это такое? – Принт воодушевленно посмотрел на ее побледневшее личико. – Это машина для развязывания языков. Вначале сознаешься во всем ты, а потом твой папа. Поверь моему опыту, я проделывал это много раз. До тех пор пока...

Его прервал мелодичный звон, под экраном видеофона загорелась лампочка. Принт подошел, нажал кнопку и, стал так, чтобы загородить собой вид комнаты. Когда изображение, приобрело четкость, на экране возник пожилой мужчина. Он непонимающе воззрился на полицейского, явно забыв заготовленную заранее фразу.

– Что вам угодно? – резко спросил офицер.

– Мне нужен Радлиф. Но я вижу, что не вовремя. Тысячу извинений.

Вся картина на экране сошлась в точку и погасла. Принт обернулся к креслу: Маарми сидела в подавленном состо-

янии. Он набрал на панели видеофона номер. Появилось изображение сидящей за столом женщины.

– Чем могу служить? – она со скукой посмотрела на «патриота».

– Мне необходим код абонента, который только что разговаривал со мной, – Принт любезно улыбнулся и немного подождал. На экране было видно, как женщина работает.

– Классная штука, видеофон, – прокомментировал баритон-лейтенант, неизвестно для кого, – и дорогая к тому же. Я, наверное, возьму у вас попользоваться.

– Код абонента: четырнадцать тысяч...

Позади пронзительно закричала Маарми. Принт увидел, как удивленно приподнялись брови телефонистки: на секунду он испугался, все же он серьезно превышал сегодня собственные полномочия. Тут же разъединившись, он бешено посмотрел на девушку:

– Сейчас ты у меня попляшешь, – изрек он поднимая свой прибор.

Раскрутилась рукоятка и электрические разряды забежали по телу пленницы. Принт разгорячился наблюдая за ее судорогами.

– Это только начало, – злобно пояснил офицер.

Он сделал еще несколько поворотов колеса и Маарми, как безумная забилась в кресле. Но его снова прервали, не дав спокойно насладиться упоительной процедурой.

– Вас требуют к рации, что-то серьезное, – передали из-

за двери.

Лейтенанту опять пришлось выключать свою адскую машинку, весь мир был сегодня против его радостных начинаний. Он вышел. Внутри бронетранспортера он протиснулся между сиденьями и в, услужливо поданном наушнике, испил прелесть неудовольствия штаб-майора Питцера.

– Сколько вас можно ждать, лейтенант? Чем вы там занимаетесь?

– Виноват, господин майор, – скороговоркой ответил Принт, меняясь в лице.

– Немедленно в квадрат шестнадцать – тридцать два. Там какие-то подонки забаррикадировались в помещении банка и «белые каски» без нас не справляются, никак не выбьют их оттуда. Берите всех солдат.

– Все понял, господин штаб-майор.

Принт вытер пот и облегченно вздохнул. Он высунул голову в люк:

– Эй, Гарц, всех сюда. И развяжите эту стерву.

Через полторы минуты, электро-броневик, взыв, тронулся с места.

И Маарми и ее отцу, можно сказать, сильно повезло – баритон-лейтенант полиции Принт оказался загруженным в этот день по уши, а далее он сменился с дежурства, а еще далее слишком много воды утекло, момент был окончательно упущен и интересы «патриотов» расплылись на другие, не имеющие касательства к ним дела.

6. Пирамида власти

Вершина

Нынешний владыка Империи Эйрарбаков, самой большой по площади и самой многонаселенной страны планеты, занимающей, почти целиком, наибольший материк, оказался у власти, скорее, стечением обстоятельств, чем благодаря происхождению: отпрысков предшествующего императора Масиса Семнадцатого в державе имелось достаточно много, слишком любвеобильным властелином был его отец. Являлся он сыном некой малоприметной фрейлины, воспитывался все свое отрочество кое-как и где-то на задворках метрополии. Судьба не наградила его никакими выдающимися способностями, был он не болезненным, но и здоровьем не блистал, образование он получил, но было это скорее одно название, вернее титул, чем суть. Пока, после загадочной смерти Масиса, шла тайная борьба за престол, в которой, как известно, все средства хороши, и смерть, с избирательностью гурмана, выдергивала в свои объятья самых чистокровных и наделенных честолюбием отпрысков древнего рода, проявляя в этом промысле изрядную изобретательность, будущий повелитель совсем не готовил себя к служению родине, рос он подобно траве и в голове его был такой же дремучий бурьян. Однако проносились циклы: власть в гигантской империи-монстре временно захватывали различные коалиции, не

достигая в этой борьбе значительного преимущества над соперниками; очередных властителей косили несчастные случаи в виде ядов, бомб, дворцовых импичментов и скандальных разоблачений. Страна содрогалась от всех этих внутренних распей; под шумок, от нее смогли преспокойно отвалиться несколько небольших колоний, а излюбленные расовые враги – браши, взять под контроль, на сколько это было возможно, экваториальный материк. И вот, после очередного правительственного кризиса, ни одна из группировок не смогла представить ни единого достойного кандидата на трон. Тут и вспомнили о Грауприсе. Был он настолько малоизвестен и производил впечатление такого дебила, что сразу расположил к себе великое множество доселе непримиримых врагов. Стали они его обхаживать, посулами и подарками задаривать и каждый в свою веру обращать. Первый раз попав в столицу, был он, поначалу, несколько ошарашен, но в силу природной тугодумности, как-то быстро перестал удивляться и ходить открывши рот, а видя всеобщее раболепие и восхищение своим существованием, решил, что оно имеет под собой реальное основание. Понял он, что является человеком выдающимся – просто солнцем снизошедшим к смертным, не зря же его по всей метрополии разыскивали, и стал он смотреть на все почести, как на вещи само собой разумеющиеся, а на поклоны подданных, как на естественное состояние человеческой фигуры. Из советов, тут и там ему подаваемых, и нашептываний министров друг другу проти-

воречащих, вовсе у него в голове все перемешалось. Сделал он вывод, что собрались вокруг него люди малограмотные и недалекие, а поскольку вспылал он задачами грандиозными, всегосударственными, глобально-перестроечными, решил он их помаленьку из дворца удалить: подарками он несколько пресытился, а собеседники постоянные были ему в тягость. Друзей у него никогда не было, посему, привык он все свои мысли и чувства сам собой переваривать, а в силу этого, обладал скрытностью невероятной, потому как разум его недоразвитый не всегда контролировал процессы мышления, проносились они, как бы, на подсознательном уровне и порой рождали таких чудовищ, коих другие, более умные, никогда бы не сумели дисциплинированными извилинами охватить. Не прошел он в детстве школу дворцовой интриги, но, в данном случае, свежий взгляд на вещи, природная угрюмость и подозрительность, воспитанные в детстве, сыграли свою положительную роль. Стал он создавать коалиции в правительстве, настолько несуразные, что когда об этом узнавали, то зубоскалили почти в открытую и гадали, кто его на эти мысли натолкнул. Был он лишен предрассудков, любви в своей жизни ни от кого особо не видел, а потому сам этим свойством не обладал, о совести как таковой не ведал, потому как предусматривает она под собой некий разум. Все эти стечения свойств души и обстоятельств очень помогали ему в осуществление целей, кои поначалу были мелки и противоречивы. Что он усвоил отлично, это то что здесь

ему нравится и нет в мире человека более достойного занять трон. А чтобы и поползновений не было, решил он, все-таки, себя обезопасить. Сошелся он сильно с начальником дворцовой охраны, стали они неразлучны как инопланетяне с летающей тарелкой. По его намеку, поистребляли по всей Империи и подчиненных за границам всех еще сохранившихся наследников обоего пола, а также косвенно имеющих отношение к этому родственников. Посмеялись министры, не слишком прячась, над мнительностью императорской, да только не долго это происходило. Стали они куда-то исчезать, радуя конкурентов и подчиненных теплыми местами освободившимися досрочно. Так и завертелось колесико, как это часто случается. Когда спохватились группировки враждебные, что не только по их советам, оказывается, новоиспеченный властитель действует – поздно стало: закрутило их колесико, закрутило и скушало.

Наведя порядок во дворце, занялся он делами покруче. Стал он лезть во все области, только от слишком уж мудреных шарахаясь. Промышленность, например, скуку на него навевала и посему более менее исправно функционировала. В науке он дров чуть-чуть наломал, кое-кого повесил, кое-кого сослал, затем успокоился. Ну, к ней, он все же иногда возвращался. Так, например, во дворце, в самом основании подземного города пирамиды, на отдельном этаже, содержались четырнадцать телепатов и предсказателей будущего, каждый в своих апартаментах и единственной их зада-

чей было заранее предвидеть ядерный удар брашей, коварных жителей одноименного государства – Республики Брашей. Были у всех параспсихологов прямые односторонние телефоны с командующими разных видов вооруженных сил. Здесь, как бы, произошел апофеоз императорских интересов, сошлись оба его посторонних увлечения, кроме борьбы за власть. Первое увлечение – вооружения он полюбил до жути, правда носил этот интерес несколько рассеянный характер, то он интересовался лодками подводными, то лазерами, но более всего нравились ему танки, любил он чтобы они были побольше и потяжелее, проходимость и скорость в счет никогда не шли. Была это головная боль конструкторских бюро, поскольку, в любой момент, мог Солнцеподобный прислать в секретный институт кого-то из лиц великой властью наделенных, либо начальников здешних, к себе в ноги, вместе с чертежами, его уму доступными, наискорейшим образом вызвать и начать снимать головы направо и налево.

Но вершиной его служения стране стало, конечно, «выкорчевывание корней». Кто подал ему идею, остается тайной по сию пору. Может, просто сказались детские комплексы, ходили слухи, что свою мать, он приговорил вместе с другой родней, как будто она, в старости, могла преподнести еще одного наследника-конкурента. Важно одно, он сумел начать осуществление этой бредовой идеи фикс.

7. Транспортные артерии

Лумис обвел взглядом пассажиров. Это был моно-вагон первого класса и в таком обществе он еще, наверное, не бывал. Священник культа бога Эрр дремал откинувшись в га-золитическом кресле. Парочка шикарных влюбленных, поглощенных друг другом, молча и как-то торжественно ли-стали ярко иллюстрированный журнал. Девушка одним ми-зинцем перебирала хронопластины со стерео-видами архи-тектурных памятников. Видимо, очень богатые люди, при-кинул Лумис. После того, как закон на запрет семей стал немного отпускать поводья, это дело разрешили, но с услови-ем выплаты гигантского налога и воспрещения найма на го-сударственную службу. Позади, трое молодых людей в цве-тастых костюмах, перетянутых в талии широкими серебри-стыми поясами, вели оживленную беседу. Вроде бы, никого подозрительного.

Лумис не зря опасался и перестраховывался. Труп шпи-она безусловно давно обнаружили и наверное с трудом, но опознали. Но прежде всего, хочется верить, следователи бу-дут подозревать какую-нибудь местную шайку. С другой сто-роны, если за ним следили, то почему же дали возможность выбраться из города. Не исключено, что за ним присматри-вали и сейчас, но более аккуратно. Через него «патриоты» вышли на Старика и теперь надеются найти и ухватить дру-

гие нити организации. Но уж слишком все это не стыкуется в одну связку. Если они сразу обнаружили явку, то зачем было нагло вваливаться туда с иглометами, тем самым выдав свою игру с головой. Хоть грубость у «патриотов» в порядке вещей, это совсем нелогично. Если их интересует он или документы, то они могли схватить его сразу же, на вокзальной платформе. Или просто произошла сложная накладка не зависимых событий? Могли ведь приглядывать не обязательно «патриоты», в Империи Эйрарбаков хватает спецслужб, а полицейские встряли, сбивая игру. Кому-то хорошо дают сейчас по шапке, если это так. Этот другой вариант интерпретации, невероятный, но страшно желанный, о цепи несвязанных между собой случайностей возможен, но не слишком ли притянут за уши. Тогда придется допустить, что он показался шпику подозрительным (сам собой вставал вопрос: почему?) и тот самовольно, на удачу, отслеживал его. На трупе не было передатчика, это совсем уж странно. Может, это не был агент «патриотов», а сотрудник какой либо другой охранной службы или же гангстер, или член секты «разрушителей», или убийца одиночка, либо кто угодно другой. Может, даже совсем невинный человек. При этой мысли Лумис до боли сомкнул челюсти. Нет, нет только не это. Какой же это ангел, на запястье которого болтается игломет.

В передней стене салона ушел вниз люк и в проеме двери появилась хорошенькая стюардесса в облегающем серебристом комбинезоне с нашивками «Компан-СИС». Она, раз-

брасывая ослепительные улыбки, грациозной походкой двинулась вдоль рядов кресел, предлагая оживившимся пассажирам последние выпуски солиднейших газет Империи.

Невозможно, чтобы полиция так быстро нашла убийцу. А исходя из этого, слежки за ним не было вовсе и это бред разгоряченного воображения. Тогда обыск в доме тоже нелепое совпадение. Старика заметили раньше и Лумис просто появился не в то время. Следовательно пока, он мог считать себя в безопасности.

– Не желаете взглянуть, – губы лучезарно расплылись, но глаза не выражали ничего, точнее это были глаза страшно уставшего человека, – «Имперские сплетни», «Проблемник» или вы предпочитаете «Сияние Пепермиды».

– Это пожалуйста, – Лумис, не менее артистично улыбаясь, наудачу прихватил цветастую обложку.

– Как вам угодно, – она уже спешила к следующему пассажиру – почтенной пожилой матроне в белом чепце.

Краем глаза Лумис видел, как та с жадностью ухватила очередной выпуск «Опередите моду» и потрясая пышными телесами, стянутыми явно узким корсетом, снова распласталась на газолите. Лумис развернул газету и быстро просмотрел яркие заголовки. Взгляд задержался на стерео фото: на переднем фоне, сжимая в руке десятиствольный игломет, красовался офицер органов правопорядка. Губы его скривились в усмешке. Позади него, лежал согнувшись пополам полицейский в черном плаще, каска валялась рядом, а вокруг

головы растеклось багряное пятно крови. Надпись слева от снимка гласила: «Этот brave парень – баритон-лейтенант Принт в освобожденном от террористов здании имперского банка». Короткая статейка внизу поясняла, что после двухчасового боя «Беспозвоночные» были выдворены из, нагло оккупированного ими, государственного учреждения. Рассказывалось, что фанатики успели уничтожить незначительное количество денежных акций, так как часовые мины были вовремя обезврежены полицией.

Просмотрев еще несколько столбцов, Лумис узнал, что большой торпедоносец брашей, вошедший в территориальные воды подвластных Империи островов, вопреки предупреждению, попытался безнаказанно убраться восвояси, за что был наказан залпом с крейсера «Генерал Мирсил», капитан которого, некий герцог Кил, распорядился, на радостях, не подбирать тонущих, и победа была отмечена в ближайшем порту великолепным банкетом на котором сам министр Связи вручил bravому вояке орден Грауприса степени «золото».

Так же сообщалось, что-то о курсах акций, но эти статьи Лумис пропустил, он никогда не имел такого добра. Здесь же была кратко изложена сенсационная теория бакалавра палеонтологии, с плохо запоминающейся и почти непроизносимой человеческими устами фамилией, о происхождении мерактропов, где оный бакалавр утверждал, что аборигены экваториального материка жалкие остатки некогда – предпо-

ложительно двадцать тысяч циклов назад – существовавшей расы гигантопитеков, достигшей высоких ступеней развития техники и уничтожившей саму себя по средством неограниченной ядерной войны, что само по себе доказывает безнадёжность археологических поисков следов этой цивилизации, так как все архитектурные сооружения и прочие объекты, могущие засвидетельствовать ее существование, были превращены в пыль. Но все же, по неизвестной причине, группа индивидов сохранилась и приспособилась к новым условиям существования. Поставленные один на один с тропической природой гигантопитеки постепенно превратились в мерактропов, что объясняет наличие несоизмеримо развитого мозга у варваров. Но человечеству Геи опасаться конкуренции дикарей не стоит так как они, дескать, органически ненавидят технику, а эта неприязнь передалась им в наследство от предков испытывавших ужасы искусственной катастрофы, виной коей является технический прогресс. Тут же наличествовала статья оппонента о том, что никакой культуры в Мерактропии никогда не существовало, а тем более не могло быть в прошлом глобальной войны, поскольку в любой войне, как известно кто-либо побеждает, а где же тогда сверхразвитые победители? Чем еще обращали на себя внимание обе статьи, это своей тематикой. Теперь не проходило дня чтобы где-то в прессе не упоминалось о ядерном конфликте, а ведь еще совсем недавно эта тема оставалась за семью печатями. Словно по команде, а ведь так, наверняка,

и было, если призадуматься, все газеты обратились к запрещенной ранее тематике. И ведь все равно подходят к ней за полосой тумана: мерактропы какие-то легендарные, нет бы четко дать соотношение арсеналов Республики и Империи, и обрисовать исход столкновения. А в общем газетенка оказалась интересной.

Корпус вагона начал заметно вибрировать. Перегрузка чуть вдавила Лумиса в газолитическое сидение. Оно представляло собой емкость, заполненную внутри полупрозрачной податливой слизию – мономолекулярной суспензией. Без вот этой смолянистой массы – газолита, для хрупкого человеческого тела, был бы недоступен ни пневмо, ни масса других транспортных средств, где применялись мгновенные ускорения и экстренные торможения. Лумис скосил глаза в широкое боковое окно. За счет возвышения монорельса над поверхностью Геи, ни холмам, ни деревьям не удавалось загородить линию горизонта. Сейчас наступил момент рождения нового дня. Рождение имело красный оттенок, в нынешний период Красный Гигант Эрр опережал в своем движении бело-желтую Звезду-Мать Фиоль, и потому победно красил утро в свой любимый цвет. В этом багрянце медленно блекли так непохожие друг на друга, близняшки луны – сегодня они находились в одном ракурсе. Во Вселенной происходили сплошные накладки, тут и впрямь можно было начать верить пророчествам.

Вот и конец приключениям, констатировал Лумис. Мож-

но некоторое время пожить в свое удовольствие, до поры до времени, пока его железные мышцы и сильные нервы не понадобятся для чего-то достаточно важного. Хорошо бы бросить весь этот балаган насовсем. Заняться только своими собственными делами. Конечно предварительно пришлось бы потрудиться чисто за деньги, дабы накопить достаточно платиновых грапуприсов. С его «талантами» это несложно. Наняться платным убийцей в гигантскую тайную «армию» Битса-Го, его возьмут, почему нет? Разве он не является убийцей сейчас? Разве убийство за идею много лучше просто платного? Да и гоняют гангстеров, похоже, меньше чем преобразователей общественного порядка. Но будет ли он считать себя потом человеком? Над этим стоило подумать.

Но в спокойствии уже не получалось – сверхскоростной моно-вагон начинал тормозить.

8. Исторический срез по живому

Одиннадцать циклов в прошлое

«Демографический перекос»

Он помнил, когда лезвие его жизненных устремлений из односторонне заточенного, стало превращаться в обоюдо-острый, ранящий ладонь инструмент. И чем больше грубела его внешняя оболочка, чем больше прочнел панцирь под градом жизненных коллизий, чем больше роговела совесть, для внешнего, случайного наблюдателя, тем глубже впивалась, утончаясь и твердея сталь разума. Скальпель опасная вещь не только в руке хирурга.

Одиннадцать циклов в прошлое – вот когда лезвие понимания проскочило слой кожи и резко придвинулось к жизненно необходимым органам.

Юй-юй-сян, бывшая колония, пятьдесят циклов назад полностью ассимилированная и слившаяся с метрополией. Кто-то говорил, что раньше там было совсем не плохо.

Тактическая операция, за участие в которой медали дают по другому поводу. Политико-историческая мимикрия. Анестезия памяти: свидетелей – нет, участники – молчат.

Лумис среди последних (судьбы вертящееся колесо – только лопасти мелькают, и куда-то несут).

Цель операции: силовое выполнение официальной доктрины по устранению «демографического перекоса».

«Демографический перекося»: нехватка сельских жителей – работников земли, и при том, переизбыток городских – любителей урбанизации, паразитов на теле родины. Призывами и увещеваниями дело почему-то не решается.

Теперь, глядя в прошлое с высоты жизненного и исторического опыта, понятно, почему именно тогда. Довыпотрошены последние сверхглубокие нефтяные скважины, новые урановые залежи в основном заграбастаны брашмами, возобновляемые источники энергии неразвиты, да и не могут покрыть дефицит газа, где-то нужно выискивать резервы, а их нет. Последний вариант экономия. Ликвидация основных потребителей электричества – городов, понятное дело – периферийных, с неразвитой военной промышленностью. Был ли эффект от акции? Кто теперь ведает.

Параллельно: в деревне действительно не осталось работников, особенно в Голубой долине, после вымирания, а может просто выселения капов, когда-то довольно многочисленного мирного народа, покоренного Империей еще в далеком туманном прошлом.

Попытки организовать огородное хозяйство на промышленной основе не только для разрешения продовольственного кризиса, но и с целью распространения нового, синтезированного передовой наукой Империи, энергоемкого овоща – тото-мака (будущего заменителя нефти – как полагали), в первую очередь натолкнулись на отсутствие этих самых работников.

Полиция и армия, маюшаяся без дела после сбрасывания республиканских войск в океан, заняты по уши. Любая проблема разрешима, если привлечь достаточно средств и людей, а если и неразрешима, то работы хватит на очень долгий срок.

Лумис в деле. Спец-подразделение «Шквал». Для «черных шлемов» работа непривычная, готовили ведь для войны в тылу брашей, против оснащенного и количественно превосходящего противника. А здесь совсем другое: не натаскивали их брать города штурмом, к тому же свои, да еще и к этому самому штурму неготовые. Зато масштабность, прикиньте, город – Цзен-юй, древняя столица, одно время крупный торговый узел, население – четыре миллиона с лишком; выселение – поголовное; срок – двое суток; начало – восход луны Мятая – середина ночи; предоставленный транспорт – никакого транспорта, можно пользоваться своим личным, но весь бензин изъят в пользу армии, тягловых животных в крупных городах нет, счастье у кого велосипед, но не очень удобно перемещаться с детьми, значит пешком (Что можно взять с собой? – Все что хотите. Много ли унесешь и далеко ли протащишь?); наказание за невыполнение мероприятия по устранению «демографического перекоса» – конечное вычеркивание из демографических списков.

По истечению отведенного срока: исполнителям выданы боевые иглы в обоймах (вещмешок, без счета и взвешивания); списки неблагонадежных с именами, но без фамилий;

карты города, поделенного на сектора. Сухой поек – не выдан – добудете на месте. Исполнителями дана подписка о неразглашении. Потом, еще через трое суток, команды огнеметчиков – на это бензина не жалко.

Оказано ли сопротивление акции? Оказано, отдельными сепаратистами и террористами, однако основные слои населения встретили решение проблемы «демографического перекоса» с воодушевлением. По окончании пустые мешки сданы, обмундирование исполнителям выдано новое. Потери среди личного состава – косвенные.

9. Городские пересечения

То, что случилось с ним на третий день, было просто невозможно. После стремительного бегства из Эйрегиберга, он ожидал чего угодно: ночного налета «белых касок», аккуратных соглядатаев с микро-фотоаппаратами, посланцев от собственного «повстанческого фронта». Однако ничего не происходило. Он, правда, так и не смог успокоиться, чувствовал, не получается прийти в норму. Волновала неизвестность: что стало со Стариком, арестован ли, с его дочерью, тоже сверх-разум, мог бы при своих опасных занятиях не держать ребенка поблизости, маскировка конечно, но не слишком ли велика плата. Еще, он просыпался ночами в панике, утром не хотел себе признаваться: давили кошмарные ведения, то последнее убийство, лицо, пенящаяся, кипящая, выстреливающая изо рта толчками кровь. А ведь, казалось бы, живи, покуда живется, и радуйся неожиданному отпуску. Никто тебе слова не скажет и не упрекнет потом, ты действуешь по инструкции – отсекаешь и отслеживаешь хвосты, после едва не случившегося провала. Или случившегося? В том-то и дело, что никто не знает.

То место, куда его занесла в этот раз судьба, после путешествия по городскому товаро-проводу в бессознательном состоянии (как древние летчики выдерживали перегрузки, без газолита?); после приведения в чувство незнакомым челове-

ком, каким-то акционерным партнером Старика, ни имеющим к политике никакого отношения (теперь имеет – участвовал в сокрытии преступника); после того, как его переделали и отправили вон, а должны бы были сдать «патриотам», то место называлось Эрфург – некрупный город (всего миллион с мелочью народу) на побережье Большого Внутреннего озера. Красивый, он так далеко от берега океана, что ни Первая, ни Вторая Атомная, сюда не докатились и даже послевоенные преобразования, переделка мира по-новому в условиях энергетического дефицита, словно обошли его стороной. Наверное, все-таки, не обошли, но так казалось. Огромное количество старых зданий, при взгляде на них сразу видно, что строились они давно, даже принципы постройки другие, несколько напоминает столицу – Пепермиду, но там это все чрезмерно массивно, общие размеры и грандиозность замысла древних подавляют детали, здесь детали наружу. Лумис даже несколько раз трогал, не верил: некоторые постройки возведены не только без стекломилметола, но даже без цемента, просто камни плотно подогнаны друг к другу по форме, щелей нет (совсем просто – ничего не скажешь).

На третий день он встретил её. Это случилось в крупной столовой-закусочной (маленьких он опасался, там слишком все на виду, маскировка в толпе надежней). Он всегда садился лицом ко входу, украдкой наблюдая реденький людской поток, эдакое профессиональное средство защиты. В решающий, судьбоносный момент, он как раз впился зуба-

ми во что-то вкусное, мясное с длинным названием, что-то из местной морской фауны, совсем не радиоактивное (когда, после кассы, проходишь с подносом снеди, можешь остановиться у детектора, сделать быстрый анализ; инструкция тут же). Лумис анализ не делал, мало ли как настроен счетчик, да и сколь не быстр анализ, а блюда успевают остыть, ну это конечно не главное, главное – он стал немножечко фаталистом: опасаться отравления черепашьего темпа, когда тебя в любой момент могут прихлопнуть, надо ли?

Она была красива, все еще красива для своих уже почти что, постойте-ка – двадцати циклов, мать честная!

На планете Гея не было известно деление времени на годы, поскольку период обращения вокруг ближайшего компонента тройной звездной системы медленно менялся, флюктуировал в ту и другую сторону, хотя для больших отрезков времени имелась шкала измерений сходная с земной. Возраст же человека измерялся в усредненных биологических циклах, то есть периода, в течение которого происходит почти полная замена клеточного материала в организме. Человеческое тело в процессе жизни перестраивается примерно пятьдесят раз, после чего теряет это качество и начинает изнашиваться, можно сказать, без замены запчастей. Поэтому в этом мире, даже шкала измерений времени частично исходила из антропного принципа, и возможно, это было правильным решением во Вселенной, не имеющей к живому никакого сочувствия.

Лумис смотрел на *нее* не отрываясь, подсознание, глубинные области мозга убеждали лобные доли, что опознание сделано верно и ошибки нет, а сознание пыталось логику, ища рациональные объяснения, а рот жевал, помогая себе вилкой, пользуясь бесконтрольностью хозяина, даже управление руками заграбастав. И *она* тоже смотрела, смотрела замерев.

Он опомнился, не крикнул, приглашая, сработало профессиональное качество человека живущего на нелегальном положении, просто отодвинул соседний стульчик, освобождая место. А *она* уже шла, и ее встречное узнавание окончательно добило логику. Он так давно вытравил ее образ из головы, тщательно затер, хотя вначале не получалось, только потом, как-то само собой, обнулилось, кануло вглубь. Оказывается ни куда не кануло, вот оно всплыло, материализовалось, словно дернули штору и солнце ударило по глазам. *Она* уже села. Рука ее нервно, сама собой, поправила лежащий на плечах мех гиплихксиниса, очень дорогой мех, между прочим. Никто из них еще ничего не сказал. Он пришел в себя, теперь уже сознательно, вспомнил о конспирации. Вскочил, промчался к стойке, протиснулся сквозь мизерную очередь, никто не возразил, все стерпели, уже заказывая, сообразил, что не поинтересовался что же надо, но это были такие мелочи; он уже расплатился; уже двигался держа поднос одной рукой, а другой запихивая в карманы это неудобное нововведение – объемные монеты, в виде головы Императора. Он уже боялся, поворачиваясь, что у него произошла

галлюцинация. Но *она* все еще существовала, и глаза ее, ее совсем не постаревшие глаза, светились ему на встречу. Он совершил посадку.

– Где ты пропадал эти дни, Мист? – спросила она, и он сразу вспомнил голос, – Я тебя не видела суток восемь.

Теперь до него дошел смысл ее речи. «Эти дни»? «Сутки восемь»? Какой, к Мятой луне, «Мист». Он был ошарашен, убит навывлет.

– Молодец, ты не успел забыть мое любимое блюдо. Я так голодна. Какой-то ты замученный, молчаливый сегодня, Мист, – говорили только ее губы, а глаза молчали, они просто впитывали его образ, стремясь втиснуть во внутрь максимум. Не можем мы повторить Вселенную, но хотя бы отобразить с предельной тщательностью можем?

«Она, что сумасшедшая, – паниковал он внутри, – путает меня с кем-то? Или она теперь вообще из... Воды-то много утекло, времена изменились. Человек не статуя, так – пластилин». Он чувствовал: мышцы лица больше не слушаются, и глупая улыбка исчезает сама собой. Допустим она из полиции, и что же? Схватить ее за горло и гаркнуть: «Кто тебя послал?». Затем, держа впереди игломет пятясь выйти из ресторана и бежать. Да только нет игломета и некуда бежать. А она все говорила, не умолкая, уже наливала в бокалы, себе и ему (оказывается, он взял что-то с градусами).

– За встречу, – она приподняла свой бокал с зеленоватым прозрачным напитком. – А миксикол здесь делать не умеют,

ни то что в столице. Помнишь, какой миксикол там? – она мечтательно закатила глаза.

«Какая «столица», к чертям Мятой луны», – он был готов удариться в панику. Она, правда, его не узнала и путает? Рукой он уже сграбастал бокал с начинающим пениться содержимым. Они выпили. Потом они ели. Они даже вели беседу о погоде, вернее кто-то внутри Лумиса вел беседу снаружи. Тому внутри было весело. Ими даже заинтересовался, дремавший доселе и никому не требующийся официант, теперь он забегал вокруг. Наконец, все кончилось.

– Мист, ты не проводишь меня, – она вновь обнажила свои белые ровные зубы, такие же как тогда.

– Разумеется... – Лумис замялся, он не знал как ее называть, хотя безусловно знал ее имя, но происходил какой-то нелепый цирк и он был нанят клоуном, без предварительной договоренности.

– Магриита, – она протянула руку, – ты что, совсем запутался в своих подружках?

Он не запутался, а имя было ее: цирк имел ограничения. Он встал, теперь она казалась очень маленькой и хрупкой. Они рука об руку двинулись к выходу, но не успели пройти и двух шагов, как кто-то за спиной громко сказал:

– Стойте!

Лумис похолодел и почувствовал, как вздрогнула ее рука.

– Извините, господа, но вы забыли расплатиться.

Он обернулся: официант победно держал светящуюся

хронопластину со счетом. Магриита, сзади, нервно и натянуто рассмеялась:

– Ну и память у тебя, Мист.

Лумис молча сунул две миниатюрные платиновые головки императора в жадную руку. В официанте, словно что-то щелкнуло, как в музыкальном автомате: в ладонь посыпалась сдача – семь серебряных ликов Граупприса Тридцать Первого. Лумис сунул монеты в карман и взял Магрииту под руку. Они молча вынырнули из помещения. Свежий ветерок дунул в лицо. Он ждал, куда она поведет, и вдруг она тихо сказала:

– Ты такой нервный. Я представляла нашу встречу несколько иначе, Лумис Диностарио. Я представляла ее себе почти каждый день.

10. Исторический срез по живому

Десять циклов в прошлое.

Второй слой бутерброда

Затем город Гаха-юй, теперешняя столица Юй-юй-сян. Население – семь миллионов, со слившимися пригородами – десять с половиной, срок – ... Вот здесь пошли срывы. Со времени начала «устранения перекоса» прошло три недели: перегруппировка сил, накопление резервов и все такое. Несмотря на секретность – естественная утечка информации: население готово, те, кто не дал стрекоча. Официально: имеются отдельные очаги сопротивления. Реально – сплошной очаг.

Лумис – штурм-капрал. Подразделение «Шквал». До этого потерь у них не было.

Лумис присел на корточках за покореженным грузовым автомобилем. Никто в него пока не стреляет, но забрало каски опущено, предохранитель нагнетания газа у игломета снят, он ждет команды из ушного телефона. Антенна передатчика торчит кверху, мотыляясь на уличном сквозняке, сама рации закреплена на спине – это сложная дорогая штукавина с блоком кодирования и сжатия голосовой информации, с автоматической системой скольжения диапазона излучаемой частоты. Такая цаца им на фик не требуется – здесь не война с

заклятым технически развитым врагом, однако выдали: теперь носите на загривке лишние килограммы, хотя это нудьга, лишь бы постонать, поплакаться, на самом деле не лишние, ни черта тут в каменном море не видать – ни своих, ни врагов, без корректировки невозможно работать.

Впереди, по ходу предполагаемого дальнейшего движения, пустая замусоренная улица, здания с первыми этажами без стекол. Все тихо, но два часа назад отсюда откатились «патриоты», можно сказать, бежали. Вояки, даже раненых побросали, счастье их лейтенанта, что он остался там, хотя, может, у «патриотической полиции» забывать раненых на поле боя в порядке вещей? Может, у них в наставлениях по рукопашным боям так и говорится: «попавший в плен – предатель; раненый – трус, пес смердящий; смелый – должен быть убитым»? Исключено? Почем знать. Лумис ждет команды вслушиваясь в завывание ветра. Его товарищи не видны, но с ними тоже радиосвязь. Почему нельзя обеспечить поддержку с воздуха, черт возьми, это же натуральная боевая операция, раз такие потери? Но нет дирижаблей поддержки, и тяжелой артиллерии нет – все эти средства, наверное, очень дороги в использовании? Посему, пользуем только дешевое: иглометы и людей. Даже странно, что выдали передатчики. Перекосы армейского снабжения: просишь одно – получишь то, чего на складе завались. Хорошо, дали рации – могли выдать микро-паяльники, бывает такое. Ожидает наушник:

– «Крупа», держать позиции!

А чего не подержать, никто не напирает.

– Скоро придут «семечки»!

Конспираторы чертовы, передатчик и так кодирует с помощью каких-то математических выкрутасов, так нет же, еще и термин воткнем: сказать бронетехника – нельзя, нужно – «семечки». Будем ждать, теперь есть определенность действий.

Ожидание долгое, иногда обмен короткими фразами с напарниками засевшими в зданиях с права и с лева – ничего не происходит.

Затем из развороченного подъезда появляется пешеход: в руках белая тряпка, сами руки вверху. Вектор движения прямоком на Лумиса, лицо напуганное, озирается кругом. Лумис смотрит на него из-за укрытия, да еще через риску прицела: местный явно не опасен – видно невооруженным глазом. Когда он семенит мимо мобиля, Лумис резко командует:

– Стоять! Не шевелиться!

Прохожий прирастает к стекломилметолу: наверное, наложил в штаны и сердце колотится о ребра, желая свободы – хочет умчаться отсюда напрочь, взвиться в синие небеса, маленький-маленький яркий клочок неба виден высоко между каменными громадами.

– Кто такой?

Фамилия не запоминается, имя стандартное для этих

мест. Адрес спрашивать не надо – сам докладывает. Адрес этот, тем более, ничегошеньки Лумису не говорит.

– Цель прогулки? – вопрос дурацкий, но, что изволите спрашивать в такой ситуации? Может о погоде с ним поболтать или пусть расскажет, как поживает. Как ему работается и спится в радость, в условиях устранения «демографического перекоса». Здесь война, а не игрушки. А он все равно что-то лепечет. Надо же, изобрел ответ. Ну что ж, играем в «знатоков»: следующий тур.

– Почему не выполняете постановление Императора о выселении?

И так ясно, почему не выполняет – потому же, что и «черные шлемы» не укладываются в сроки. Нет, оказывается дело еще интереснее, у него разрешение остаться на постоянном месте проживания от некоего Ракшиса-Тагди второго заместителя управляющего некоего департамента от такого то числа, может показать хронопластинку, но боится опустить руки без команды.

А сбоку, за углом, наконец-то, рычат двигатели. Подтягивается техника.

Лумис успевает видеть все сразу, он по прежнему львиную долю внимания уделяет опасному направлению, параллельно он, некоторое время, не торопясь раздумывает, смотреть ли это дурацкое разрешение. Оно ему, конечно, как собаке пятая нога, но глянуть стоит – для накопления опыта. Интересно, сколько этот человек отвалил за пустую, ничем

не обоснованную бумаженцию? Нужно глянуть, есть ли она в действительности и если есть, отправить его дальше, пусть разбирается полиция, не дело «черного шлема» заниматься бюрократической ерундой. Уже катится, тарыхтит, колыша стекломилметол, большая бронированная железяка, выныривает на свет божий из-за поворота. Надо быстрее кончать с этим гаха-юйцем.

– Показывай бумагу! Только медленно, и доставать одной рукой.

Лумис ждет. Человек краснеет, синеет, белеет, все сразу. Наверное, радуется продолжению жизни. Он ищет: ищет в одном кармане, теперь в другом, хочет улыбаться заискивающе – ничего не выходит – все равно натянуто. Ему очень неудобно рыть правой рукой в левом кармане в облегающих брюках. Он торопится и, в тоже время, боится шевелиться быстро. По глупой морде видно, что хронопластина у него действительно есть, а, может, была, да потерял в суматохе.

Боевая машина тяжелой пехоты (БМТП) «Коза-дереза» тормозит. Боковые люки уже настежь: сыпется, торопясь братия с десятиствольными иглометами и ранцевыми огнеметами. Сейчас будет наступление. А этот, наконец, нашел. Довольный, хочет протянуть, уже тащит из кармана свой глупый документ. Протянуть не успевает... Хлюпает прямо на прозрачное забрало Лумиса красная пена – все, что осталось от головы прохожего, все, что долетело в его сторону. И тут же по перепонкам, гахает, колотит воздух тяжелый пулемет

«Козы». Помогли братки, решили проблему, и без «патриотов» обошлось.

11. Вечерние города

Весь оставшийся день они смотрели друг на друга и говорили, а вечером они ужинали вместе. Блэй-бар встретил их оглушительным ревом квадрофоров, фиолетовой вспышкой, вызванной открывающимся шампанским-ослепилкой и острым щекочущим запахом ползучих настенных фиалок, завезенных из Мерактропии. Они сели за свободный столик и доверительный голос автомата, несшийся непонятно откуда, начал тихонько называть меню. Лумис сидел не слушая, глядя на извивающиеся, невероятно окрашенные человеческие фигуры, выплывающие из тьмы и вновь исчезающие в ней под ритмические, звенящие в ушах, звуковые удары. Автомат замолк, ожидая заказа. Лумис, обращаясь к сверкающей поверхности стола назвал несколько блюд и напитков.

– Я здесь не была, – сказала Магриита.

– Да и мне как-то в новинку, – признался Лумис, откидываясь на спинку кресла.

Они долго еще сидели говоря о всяких пустяках, потому что здесь безусловно были замаскированные кристаллофоны-передатчики и скрытые камеры, и нельзя было сказать о главном. Дважды в баре начиналась потасовка и оба раза откуда-то, появлялись полицейские в белых касках и молча растаскивали дерущихся. Лумис с безразличным лицом сосал крапс-колу. Он не пьянел, не считал, сколько пустых

бокалов отправилось в недра стола, только привставал, заказывая очередную порцию и снова откидывался в кресле. Когда они, наконец, вышли на улицу, над Эрфургом спускалась теплая летняя ночь. Прохожих на улицах не было, и в фиолетовой тьме лишь кое-где светили высоко подвешенные неоновые лампы. Лумис обнял Магрииту за тонкую, такую же как тогда, вроде и не миновало почти десяти циклов, талию, и она не отстранилась. Так, обнявшись и ничего не говоря, они шли, рассекая тяжелый, темно-фиолетовый, пахнущий морем воздух и скоро попали на пустынную набережную. Внизу громко шумело черное невидимое море-озеро, все еще храня память о далеком, еще дочеловеческом времени, когда оно соединялось с океаном в единое целое; сегодня оно до того впало в воспоминания, что где-то впереди, в слиянии с бездонным провалом неба, пыталось породить шторм, а в темноте неясно белели, несущиеся к берегу, барашки волн. Клок женских волос, поднятый ветром, невинно ласкал щеку Лумиса. Он вдохнул запах этих волос и наклонив голову, жаждущими губами, почувствовал ее маленькое ушко. Она тихонько потерлась о его щеку, а когда ее руки самостоятельно, наводясь своими собственными воспоминаниями, обвили его широкую мускулистую спину, он провалился во времени, очень глубоко по местной биологической шкале. А их раскрытые губы уже слились в поцелуе.

Краем уха он услышал топот нескольких ног, но ему было наплевать на происходящее в окружающем пространстве

– он уносился назад на машине времени, лишь когда сзади распорол вату безразличия нелепый идиотский смех, Лумис отстранился от женских губ и от прошлого. Он обернулся. Смех стих. На фоне фиолетовой тьмы, вырисовались черные человеческие фигуры. Они молча обходили парочку, беря в полукруг. В их молчании было, что-то зловещее и Магриита инстинктивно прижалась к Лумису еще сильнее. Это явно не была неорганизованная толпа бездельников, ищущих резких ощущений, он понял это и весь напрягся. Ох, зря он сегодня пил: он никак, никак не мог их пересчитать, все время сбивался. Он отстранился от Магрииты, и, отступив на пол шага, уперся в пластиковый бортик: тыл оказался в относительной безопасности. Он уже мало надеялся избежать продолжения.

– Что вам нужно? – спросил он, чувствуя, как внутри закипает злость.

Кто-то снова истерически захохотал.

Передний силуэт громко спросил:

– Чтишь ли ты, плебей, Святой орден Гелиотов.

– Разумеется, – ответил Лумис, криво улыбаясь темноте, ему наконец удалось пересчитать их: одиннадцать, не слишком много для того, кто всего десять циклов назад считался «ягуаром» у «черных шлемов», а вот кто такие гелиоты – он даже ради сияния луны Странницы припомнить что-то не мог, и это было плохо – всегда лучше знать с кем общаешься.

– Тогда покажи магический шар Тагаза, – потребовал гла-

варь, выступая вперед из общей массы. Он наслаждался эффектом – вопрос был на засыпку.

– Прости, благородный, но я оставил его дома, – страдальчески молвил Лумис. Он уже совсем не боялся будущего инцидента, но он приехал в этот город не для того чтобы изображать из себя держиморду, ему не нужны, совсем не нужны были неприятности с полицией.

Кто-то из фоновых участников вновь заржал, захлебываясь смехом.

– Ты совершил великий грех и за него надо расплачиваться, – заупокойным голосом, почти на распев, проговорил незнакомец и начал не торопясь, даже торжественно, доставать что-то из-за пазухи. Совершался какой-то ритуал и, видимо, жертва-участник должна была медленно умирать от страха в предчувствии неминуемого. А позади исполнителя уже действительно тянули хором – какой-то гимн, но вовсе не на эйрарбакском – на другом, непонятном языке.

Рука незнакомца уже почти завершила извлечение таинства из одежды, и тянуть более не имело смысла, игра в одни ворота завершалась: у этой толпы могло оказаться в запасниках все что угодно, даже иглометы. Увещевания не имели смысла – требовалась атака. Лумис быстро выбросил кисть вперед: раздался скрежет крошащихся зубов и он понял, что алкоголь оказал свое действие – удар получился слишком сильным. Туловище, так и не успевшего вытащить руку из складок, человека, ушло влево и, перемахнув через ограж-

дение, по неправильной траектории, провалилось вниз. Долгий, неожиданный крик – вот и все, что осталось от главаря. Они еще не поняли, еще переваривали, холодея, что произошло, когда кулак соприкоснулся с очередным подбородком. Поверженный, нелепо раскинув руки, грохнулся оземь. Смех оборвался, растворился в темноте. Из невидимого далека, снизу донесся гулкий удар, словно шлепнулся мешок с песком. Краем глаза Лумис видел, как стоящий слева выхватил из-за пояса небольшой предмет. Он не успел использовать оружие: кустарный игломет, звякнув металлом о стекломилмитол, откатился в сторону, а правая рука нападающего безжизненно свесилась вниз.

– Кто следующий? – спросил Лумис, тормозя свою застоявшуюся, раскручивающуюся мясорубку.

Они снова не поняли, не ощутили, каким усилием он держит вырывающийся маховик, всовывая собственные пальцы под движение винта. Он давал им шанс, им, и себе.

Но следующего не было, они набросились все сразу. Никто еще не успел к нему прикоснуться, а машина уже заработала. Один неудачно состыковался с носком сандалии воинского образца и, харкая кровью, рухнул под ноги нападающих, другому тоже было очень больно, так как локоть Лумиса некоторое время находился в его глазнице. Кто-то вскользь зацепил его спину, и резкая боль пронзила тело. Лумис, с поворота, рубанул ребром ладони и механически добавил каблуком по лежащему. Что-то хрустнуло, наверное,

ребра.

– Мист! – крик раздался сзади.

Ее крик, но к кому он относился, кто этот Мист? Мозги действовали очень лениво: забивали, затирали логику двигательные рефлексy. Он успел сделать еще два удара, прежде чем, медленные мысли докатились, уперлись в решение загадки. Конспирация, вошедшая в ее кровь конспирация – вот в чем было дело. Крик относился к нему, а он терял секунды на суету. Лумис обернулся, раскрытой ладонью двинулся в очередное выплывшее из тьмы лицо, прыжком перескочил через падающего и увидел: силуэт Магрииты уже свешивался с бортика, отстраняясь от темноты отводящей руку для удара. Лумис прыгнул, прессуя время, перестраивая в полете тело, толкнул нападающего обеими ногами, но он все равно не успел: нож уже прошел пространство, врезался... Но не в тело, нет – лишь в пластмассу ограды воткнулся он, как в масло: Магриита сама отвела в сторону смертельный удар. Да, они явно долго не виделись – жизнь научила ее многому. А силуэт, кувыркаясь, откатывался прочь. Лумис догнал, с некоторым удовольствием, потоптался по расprostертому на стекломилметоле телу.

За спиной было шумно: выплескивались эмоции; стоны, плачи и вдруг настораживающая, быстрая непонятная фраза на тарабарском языке. Оглянувшись, Лумис снова пересчитал... тех, что стояли. Он двинулся на них, переступая через поверженный, спокойно глядя в их темные одинаковые лица.

Чувствовалось, что эти четверо вот-вот ударятся в панику.

— Ну что, сами-то готовы предстать перед своим божком досрочно, — проронил он многозначительно.

Но они снова не бежали. Только один, находящийся ближе, дернулся и попятился. А в руках другого что-то зажужжало, и он молча встал в позе фехтовальщика. Лумис сделал еще шаг и остановился. Прямо перед лицом вертелось отточенное лезвие *виброножа*. Противник не нападал, явно трусил, хотя теперь имел безусловное преимущество: вибронож был адской штукой, здесь использовалось свойство электрической памяти металла, поэтому в своем вращении нож каждое мгновение изменял местоположение, но оставался единым монолитным целым с рукояткой; подчиняясь клавише в ручке-пульте он мог, в доли секунды, менять также и длину. Изобрели его для рубки тростника, но, ясное дело, благими помыслами выслана дорога, сами знаете куда. Лумис совершил несколько бесполезных выпадов, намеренно показывая свое бессилие и начал отступать мелкими шажками, поджидая удобного момента. Поклонник магического шара, глядя ему в лицо, будто через лопасти вентилятора, надвигался, затем, расхрабрившись, произвел выпад. Лумис присел, почти сложился вдвое, и когда кружащее лезвие последовало за ним, подпрыгнул, оттолкнувшись от чьей-то грудной клетки, и, кувыркнувшись, обрушился на плечи врага всем своим весом. Щелкнули ломающиеся ключицы и, отлетев в сторону, заскреб по земле не выключенный вибрационный

нож. Лумис сам не удержал равновесия и упал на руки, а когда вскочил, двое убегали, а один стоял уставясь в одну точку, видно, все еще не мог поверить в происходящее. Лумис не стал бы его трогать, но здесь оставалась Магриита. Первого убегającego он нагнал метров через пятьдесят и ловко подцепил его ногу, тот грохнулся лбом о мостовую и сумасшедшим голосом завопил:

– Прости меня холопа, да если бы я знал...

Лумис еще раз припечатал его лицом к стекломилметолу и бросился за следующим, но тот успел юркнуть в подъезд ближайшего спиралогрита. Лумис чуть не рванулся за ним, но одумался. Может быть, этот счастливчик и не ждал его у двери с метательным ножом, но кто знает? И тогда Лумис, пружинистым шагом, вернулся назад.

– Как ты, милая? – спокойным голосом произнес он и взял ее за руку. Она кивнула, еще не отдышалась, не могла говорить. – Пойдем, Магриита. Нам нельзя иметь дел с полицией.

– Куда же мы пойдем? – спросила она, все еще глядя на груды человеческих тел.

– Надо, как можно дальше. Обсудим по дороге.

Он обнял ее за талию, но она ладонью отстранила наклонившееся для поцелуя лицо.

– Что случилось? – спросил он целуя преграду.

– Ты знаешь, кто это были? – спросила она, заранее ведая, что он не ответит.

– Честное слово, без понятия. Я лично в этом городе еще

никого не обижал.

– Сегодня исполнилось сколько-то циклов со дня резни во славу Тёмного Бога, близнеца Великого Красного бога Эрр. Я сообразила, когда они начали петь жертвенную песнь. И теперь фанатики этой секты своеобразно отмечают эту дату – они делают маленькое подобие того случая.

– Припомнил! – сказал Лумис, действительно вспоминая. – Тогда, несмотря на действия полицейских, в одной Нумансии монахи-еретики ордена этих самых гелиотов, поклонники несуществующего светила, вырезали двадцать пять тысяч людей. Как же я мог забыть? Вот почему сегодня так мало прохожих.

– Их всегда мало, – пояснила Магриита. – Теперь редко кто отваживается выйти вечером из дому без надобности.

12. Исторический срез по живому

Десять циклов в прошлое.

Третий слой бутерброда

Противоправные силы, наконец, блокированы. Восемнадцать жилых кварталов взято в плотное кольцо — мышь не прошмыгнет. Но, только черти Мятой луны знают, что делать дальше? В этом маленьком пространстве, наверное, полмиллиона гаха-юйцев, это не браши какие-нибудь, свои имперские жители, их надо просто выселить, а не стирать в порошок. Но они же не хотят.

Над городом висят боевые дирижабли, обзор у них из-за высотных домов ограничен, потому толку для сбора разведывательной информации от них нет. БМТП «Коза-дереза» периодически постреливает, так, для порядка — имитация серьезной войны. Тяжелые пехотинцы, все — сплошь сопляки. Глаза бегающие, ни черта не понимают, наверное, спроси, не будут знать, в какой части Империи Эйрарбаков находятся. На «черных шлемов» смотрят с надеждой, эти ведь были на настоящей войне с заокеанскими агрессорами. А «черные шлемы» в свою очередь смотрят на «патриотов», помощи в бою от них нет, но их начальство решает, что делать и делать ли: армия так, исполнитель — пойди туда, не знаю куда, принеси то...

Армия стоит на этой позиции уже двое суток. Восставшие кварталы сдаваться не жаждут. Там, в еще целых корпусах зданий не только вооруженные мужчины, там женщины, там дети – очень-очень много и тех и других. Они тоже не сдаются. По мнению Лумиса – это верное решение. Ясное дело, что будет после выселения, он уже видел, принимал участие. Для быстрого (теоретически рассчитанного) подъема сельского хозяйства нужны рабочие руки. Семьи усложняют дело. Семьи делятся. Все мужчины сгоняются в одни деревни, женщины в другие, дети в универсальные школы. По отдельности им должно лучше работаться и лучше учиться, здоровый локоть товарища всегда под рукой. Мера конечно временная (так говорят).

Оживает рация. Слышит только Лумис и «черные шлемы» рядом, у тяжелой молоденькой пехоты чудо-раций нет.

– «Крупа», сбор всех «черных зерен», грузится в «семечки»! Бегом!

Лумис поднимает руку, командует условными знаками. Все свои в курсе, слышали.

«Коза» несется едва не сбрасывая гусеницы, стекломильметол даже искрит. Боковые люки-двери разверзлись в затихшие улицы, иглометы пялятся туда толстыми связками узеньких стволов, но кто может помешать кому-то опытному, сбросить с верхних этажей гранатовую связку? Такое уже бывало здесь в Юй-юй-сян. Надо смотреть в оба, можно успеть выпрыгнуть, предупредить – с высотного здания гра-

ната, а может мина, будет падать несколько секунд.

БМТП замирает, гасит двигатель, но рев мощного мотора все равно слышен. Отделение Лумиса уже рассыпалось, а ревет, оказывается, боевой дирижабль: совсем низко, винты прямо режут тяжелый воздух, навивая, вспучивая как сахарную вату – дрожит марево. «Патриотов» вокруг, видимо не видимо, все сидят вдоль широкой улицы – центральная часть свободна. Что-то готовится.

Неожиданно уши выдавливают тысячекратно усиленный мегафонами голос:

– Не вздумайте стрелять! Предупреждаем полицию и солдат еще раз! Это плохо кончится для всех, – дирижабль зависает над перекрестком, но голос идет не оттуда, он льется из-за угла. – Мощность нашей бомбы – пятьсот мегатонн. Весь город взлетит на воздух, как только вы стрельнете. Не пытайтесь загородить дорогу, дайте нам спокойно пройти.

Справа появляется странная процессия. Впереди едет открытый мобиль с громадными, подвешенными с боков, усиленными колонками квадрофоров, какая-то спецмашина для использования то ли в общенародных праздниках, то ли в рок концертах на площадях. В машине смело, ничуть не маскируясь, стоит оратор. А вот за ним, выдвигается на перекресток действительно что-то странное, вначале даже кажется, что это маленький дирижабль идущий совсем низко. Но это нечто наподобие большой цистерны и, что чудно, несут ее, можно сказать, на руках. Со всех сторон, словно муравьи,

ее облепили люди. Их, наверное, несколько сотен и на всех какие-то лямки.

– Куда вы направляетесь? – это уже рыкнули с небес, с боевого летательного аппарата, который легче воздуха.

– Мы желаем разговаривать и ставить условия только непосредственно представителю императора Грапуприса Тридцать Первого, или с ним самим, если ему будет угодно.

– Вы что, хотите взорвать его?

Загрохотал, понесся по оцепленной улице смех со спецмобиля.

– Вы хотите взорвать город?

Снова хохот, да такой, что аж мурашки по коже. И, наконец, ответили:

– Сразу видно, что говорит тупая полицейская каска. Если бы мы хотели взорвать город, мы бы инициировали запал прямо здесь, не только город, вся округа, будет в эпицентре.

– Какова же ваша цель?

– Остановить вашу негуманную акцию, но подробности мы обсудим уже доложено с кем. Вызывайте императора.

– А какую группировку вы представляете?

– Всех жителей Юй-юй-сян. Повторяю для солдат и полиции: не применяйте против нас оружие – это самоубийство. Вес бомбы равномерно распределен между всеми носильщиками, стоит убить хотя бы несколько и бомба упадет, остальные просто не удержат ее. Тут же начнется детонация.

Процессия продолжает, не торопясь, двигаться вперед.

Неслышно, в этом грохочущем между небом и землей диалоге, подъезжают еще две «Козы». Накапливаются силы. «Но что можно тут поделывать? А власти, все-таки, порядком струхнули, – думает Лумис. – Где же можно достать столь мощную бомбу?» Он даже не уверен, что такие бывают. Что-то здесь не так. В наушнике у Лумиса плачет. Он придвигает его к уху и слышит:

– Штурм-капрал, бегом сюда, вы нам нужны. Осмотритесь, мы у машины с поднятым боевым выпелом.

Лумис припускает бегом, происходит что-то действительно важное.

– Капрал, вы тут, скорее всего, один, по крайней мере, из тех, кто оказался ближе, в свое время имеющие дело с атомными бомбами, правильно? – спрашивает штаб-полковник «патриотической полиции», явно очень большая шишка.

– Честно говоря, очень косвенным образом. Я просто обеспечивал операцию, господин полковник.

– Но у вас же медали, мы сверялись с личным делом.

– Да, это так. Скажите, что вы хотите услышать конкретно?

– Что сделает такая бомба при взрыве?

– На то, чтобы разнести город, хватит десяти мегатонн.

«Патриот» уже открывает рот, дабы что-то сказать, но Лумис еще не закончил:

– Но понимаете в чем дело? Надо посчитать сколько человек несет эту штуковину, тогда мы узнаем ее максималь-

ный вес.

– Мы уже сделали это, капрал, – вмешивается групп-майор «стражей безопасности». – Вот, – он протягивает Лумису написанную на листке цифру.

Штурм-капрал размышляет две секунды. Никто ничего не говорит.

– Извините, господа офицеры, я думаю это все мистификация, такая мощная бомба, как они говорят, не может весить так мало.

– А может это быть какая-нибудь маленькая, но тоже атомная бомба.

– Да, конечно, например наш «будильник», со всеми причиндалами, могли транспортировать двое. Только зачем им врать, раздувая мощностъ. Скорее всего это полная афера. Они ни черта не соображают в этих делах и лягнули, что в голову придет.

– Спасибо за совет штурм-капрал. Вы пока свободны. Будьте со своим отделением наготове.

Но отделение Лумиса не привлекли к разрешению данного происшествие. Превентивное право на получение медалей в данной операции имели полицейские, да Лумис и не жалел.

А жизни всей когорты шантажистов трагически оборвались через час, их всех расстреляли в упор «белые каски» и «патриоты». Однако, по слухам, случилось непредвиденное: там, внутри «цистерны», все же оказалась взрывчатка, прав-

да, обыкновенная, не атомная. Когда носильщики выронили свою ношу – она рванула: несколько окружающих зданий рухнуло. Погибла куча полиции, боевой дирижабль. Так что Лумису, наверное, крайне повезло.

13. Срочная смена декораций

Другие города

И снова у них не получилась идиллия. Хотелось целоваться, хотелось спокойно говорить, не ради информации, а, просто, чтобы слышать друг друга, хотелось смотреть в глаза, простреливать встречными лучами, и снова чувствовать себя молодыми, сильными, у которых впереди целая бесконечность счастья, словно не было этих длинных-длинных циклов проведенных раздельно. И только об одном они не могли говорить, о самом главном, потому как, само молчание об этой теме выдавало незнание, маскировало тоску. Никто из них не спросил другого, потому что вопрос, выбил бы сейчас из-под ног последнюю опору, потому что любой из них, если бы знал и ведал что-либо, сам бы сразу выпалил, ошарашивая волной последнего сладкого знания. Ведь тогда счастье достигло бы апогея... Но никто не сказал, и внутри затаились мысли, спрятались, закопались поглубже в шубу безразличия надежды. Не нужны они были сейчас, необходимо было радоваться хотя бы этому странному и неожиданному подарку судьбы. Но и такое теперь было невозможно: им просто нельзя было иметь дел с полицией.

Они рванули из города, заматаив и путая след, используя свои знания приобретенные за долгие циклы раздельного существования. О, как они ловко это умели. Где-то там, внут-

ри, они восхищали и ошарашивали друг друга: ничто не требовалось разъяснять, нечему учить, просто встретились два одиночества, закаленные долгой внешней стужей и на пару обводили вокруг пальца этот страшный, схлопывающийся вокруг мир, две мышки, переплетаясь хвостами, бежали и бежали, обманывая глупых кошек. Только один ход они не хотели использовать и не применили, хотя он был логичен: они не разделились, они еще надеялись обмануть эту паршивку, предательницу судьбу, они верили...

Как они торопились, как тикали сердца внутри, как сообщения обрывались, когда рядом оказывался полицейский, или просто транспортный служащий... А лица их были бесстрастно-счастливы – третья линия обороны чувств: счастливая глупенькая улыбочка едущего на отдых курортника, радость только что познакомившихся любовников; под ней спокойствие профессионала-робота, хронометрирующего каждый шаг, жест, внешние взгляды и лица, связь-телепатия друг с другом; затем – душа в пятки, ступни на канате и пропасть с обеих сторон, и адреналин гигантскими порциями, завод по производству в три смены, без выходных; и только теперь – радость обладания, пусть не до конца и пусть мешает суэта вокруг, но ведь можно дотронуться и пусть говорить не то, что хочется, все равно ведь можно соприкоснуться руками невзначай и увидеть в глазах, сквозь оборонительный для других рубеж, то, что хочется. И это тоже было счастье, далекое от эйфории, но все-таки счастье.

Но вначале паспорта, новые документы. Явка, по его линии. Отсеивание подозрительных, все-таки пришлось расстаться на время, потерять друг друга из зоны видимости. «Зачем тебе два, Лумис?». «Один для женщины». Ухмылочка-понимание, благо, соленьючую шутку не добавил. Специалист хренов. Так бы и припечатал сверху по макушке, но драк на сегодня пожалуй хватит. Затем, другие спецы – по гриму. Быстро работают. И снова они вместе, и время, бегущее мимо время, совсем не в их пользу. Если только в той религиозной секте, с которой они сцепились нет осведомителей полиции. Ну, а если есть? Расчет на худшее.

Снова монорельсовый скоростной вагон. Вот здесь, деться некуда: стремительность древних летающих лайнеров, окно из сверхплотной пластмассы, как говорится в правилах поведения на транспорте: «Пассажиры не имеют права покидать самолет во время полета», что за умник писал – сам бы попробовал.

Они сошли на промежуточной станции. Здесь пересадка, а до этого маскировка в толпе. Людей, конечно, маловато для толпы, но где же их взять – ночь близится к завершению. И еще два транспорта. И прибытие: город-порт Горманту – один из крупнейших мегалополисов Империи, раннее утро, людей уже валом, проверка документов, чистая формальность – конец смены у полицейского, он откровенно зевает, смотрит с неприязнью и завистью: «курортнички». А ему уже тянут паспорта следом: даже глаза на Лумиса не под-

нял, только на Магрииту – блеснули.

Деньги имеются; отдых от забот – им все равно нужно куда отсидеться на дне: изображаем «курортничков» – отель «Бриллиантовая корона», один из лучших в городе. Все, упали: ванна и спать. Смешные! Разве получится – они, наконец, вместе.

14. Исторический срез по живому

Десять циклов в прошлое.

Гамбургер

Стволы медленно-медленно смещаются с заданного направления, они живут своей жизнью, ими правит случайность, но они уже держат в смертельной возможности наклоненную спину удаляющегося «патриота», затем другую спину. Достаточно просто надавить мертвым от безделья пальцем и плеснет в камеру-толкатель спрессованный газ. Лумис спохватывается, ловит себя на мысли-желании: это страшное ощущение возможности, которая не нужна, пугающая суть короткого всемогущества – так человек с ребенком на руках внезапно потеет под мышками, спеша отстранится от низких балконных перил пропасти вниз. На маленькое, забытое до осознания мгновение, мелькает будущее, страшное неведомое еще будущее, когда это станет в порядке вещей, когда теперешнее помутнение, пахнувшее предательством, станет нормой, и когда сегодняшнее прикрытие тыла полиции, будет предательством наизусть. Наивность, прощающая прошлое – убежденность управляющая сегодняшним.

Лумис уводит спаренные стволы выше, как можно выше, чуть ли не в зенит, лишь бы увести их с этой беспомощной камуфлированной спины. Они уже ничего не прикрывают,

не участвуют в поставленной задаче, но уже и не грозят. Лумис переводит дыхание, а сердце бухает, как на последних километрах изматывающего ночного марша. Он никуда не бежит, он борет внутри кровавое желание, оглушить криками боли эту давящую монотонность запущенной пружины наступления, воткнуть палку в колесо оперативного плана. А фигурки «патриотов» уменьшаются, режутся горами щебня, осколками зданий на маленькие кусочки людей – подвижные атрибуты ландшафта. Вот замерли, затираясь фоном. Теперь очередь «черных шлемов» топтать ногами остатки города Гаха-юй. Команды невидимых командиров в ушах; катящиеся на встречу, растопыривающие руки для объятий, развалины; прыжки, быстрые диагональные движения со сменой галса, бросок-песня, такое простое дело со стороны, и только слаженность выдает циклы мучительных тренировок, как далеко до нее «патриотам».

Первые кварталы уже пройдены. И вроде легче, в сотню раз легче, чем в том беспомощном ожидании начала, однако, совсем нет противодействия, сгинуло оно, испарилось начисто. Совсем это нехорошо, потому как некуда ему деваться – город Гаха-юй в кольце, даже не город, а маленькие части его в нескольких плотных кольцах, и нет оттуда выхода.

А потом наваливается *объяснение*. Лумис перелетает в очередной оконный проем и видит *его*, видит – везде. Растерянно и привычно он водит бессильным иглометом вокруг, не нажимая курка. Повсюду вокруг него только мертвые: де-

сятки, сотни, а за горизонтом стен, тысячи мертвых, вповалку и кучками они громоздятся на полу, и нет следов насилия. Он не верит, переворачивает... Здесь не было стрельбы, но где они добыли столько яда? И зачем? Зачем? Никто не связан – добровольное последнее действие. Он шарахается, спотыкается о чью-то руку, от понимания этого «*зачем*». Чтобы сделать *их* задачу, *их* наступательный, спланированный порыв бессмысленным. Чтобы умереть людьми, а не быть обращенными в смертельно напуганных животных.

Его выводят из транса взрывы и стрельба: где-то далеко впереди за новыми декорациями развалин еще есть живые, наверное, мужчины гаха-юйцы – остались, чтобы дать последний бой, остались освобожденные от заложников – собственных жен и детей – сразиться насмерть. И Лумис бежит вперед, прикрывать этих неумех – «патриотов».

15. Города-мегаполисы

И вот теперь целая неделя в городе-порте, городе-пляже, городе-сказке Горманту. Это лучшая неделя за долгую предыдущую бесконечность. Он совершенно свободен, дела не просто отложены в сторону – их нет. И главное – она тоже свободна, абсолютно. Кто-то, в кого он не верит, кто-то там, в недрах газовой пустоты Эрр или еще где-то глубже, почувствовал к нему симпатию, заметил, соединил две давным-давно разорванные нити. Может жертвы помогли? Он принес их достаточно, даже за последнее время: преследователь в Эйрегиберге; возможно, Старик; возможно, его дочь; несколько фанатиков на берегу Большого озера в Эрфурге; только солнцеликие боги знают, сколько жертв принесла Магриита, и спрашивать не стоит, заглядывать в бездну, надкусывать плод ненужного знания, есть такие пропасти перед которыми надо остановиться и, не вытягивая шею в любопытстве, уйти прочь. Хватит того, что оба они в курсе о своем незнании на счет третьей нити, того маленького живого комочка в прошлом, который он смутно помнит, больше воображает чем помнит, с которым нить Магрииты находилась в сплетение гораздо дольше, и не стоит теревить – именно потому что дольше – ей и тяжелее.

А Горманту райское место, да еще шикарный номер. Утром, на рассвете, или неважно когда, когда очнулся, струя

прохладного воздуха приятно обтекает лицо; можно лежать, сквозь сомкнутые веки медленно, как в песочных часах, просыпать изумрудный свет; неторопливая, ласковая музыка, сама собой из всех углов; можно открыть глаза, сновидения не исчезают – вот она – живая, доступная Магриита, из плоти; если опустить ноги на пол, ступни сразу утонут в мягчайшем ковре, он даже не знает из чего тот сделан. Окно во всю стену и вид... Можно любоваться не вскакивая с постели. Сияющий жидким золотом океан, отдельные волны не различимы с высоты, по идеально ровной поверхности, оставляя за кормой белый, пенистый след, величественно скользит громадный торговый парусник, а на самой границе неба и воды что-нибудь большое, такое красивое издали: синее обтекаемым корпусом какой-нибудь тяжелый линкор, стоит бедняга на страже родины, не смыкая глаз.

А в ванну-бассейн уже льется вода, и температуру можно задать заранее, еще с вечера, и уровень. Можно оживить стереовизор не вставая, никогда он его раньше не любил, а тут включает сам, пялится на какой-нибудь «матч цикла»: какие-то жилистые юнцы мутузят друг дружку почему зря, и все красивые объемные, кровушка хлещет как живая, врач бегают, суетится, делает искусственное дыхание.

А днем, купание в заливе. Давно он так не плавал. На третий день пришлось умерить пыл, заплыл слишком далеко. Город отсюда был виден почти весь, тянулся вдоль берега в обе стороны, даже военная база рисовалась четко, он ре-

шил поворачивать. И тут что-то обожгло спину, резкая боль прошла по телу. Он перевернулся и опустил лицо под воду. В зеленой пелене, в причудливом переплетении света и тени неясно вырисовалось громадное бесцветное движущееся пятно. Сердце екнуло, никогда он так не пугался – страх неизвестности, потусторонний ужас. Чуть флуоресцируя, плавно шевеля исполинским куполом мимо плыла колоссальная медуза. За ней словно мантия волочился целый лес ядовитых щупальцев. Не видно было где они заканчиваются, но там дальше они шли веером. Если бы не боль, он бы, наверное, только от страха утонул. Стремительная, пляшущая боль, прыжками растекшаяся по телу заставила плыть. Он спешил, ставил рекорды, а тело жгло, яд делал свое черное дело, сознание уплывало, но он боролся. Он почти не запомнил, как прорезал, раздвинул воду этого километра, как вывалился на берег. Магриита бросилась, подхватила, но боль уже уходила, а ужас растворился.

– Это была цианея, – пояснила потом Магриита, когда они кое-как добрались на такси до гостиницы. – Вообще, она не нападает на человека специально, он слишком велик для ее желудка. Но когда она расставляет щупальца, то десять тысяч квадратных метров становятся смертельно опасны.

– Откуда здесь эти твари? – прошептал он, лежа на животе: спина представляла собой обильно намазанную, пахнущую кремами и лекарствами бугристую поверхность. – Я даже не представлял, что такие есть.

– Знаешь, наши предки понятия не имели о том, что эти монстры будут плескаться у самого берега. Может они и существовали раньше, но скорей всего в неизвестных глубинах. Залив для них мелковат. Это все от загрязнения, ведь Горманту самая большая на материке база военного флота. Думаешь, куда девают отработанные реакторы? На переработку ведь денег никогда нет. Их просто вытаскивают немного поглубже и топят. Повышенная радиация пошла этим тварям на пользу, может погиб какой-то из их естественных врагов, или еще что-то нарушилось в природе. – Лумис посмотрел на нее с новым интересом, она еще и в таких вещах разбирается, как долго все-таки они не виделись. – Вообще, об опасных медузах написано предупреждение на пляжном стенде, но мы ведь с тобой ничего вокруг не видели, и никаким правительственным басням не верим. Профессиональное это у нас, лечиться надо, – она остановила развитие новой темы, не могло быть исключено, что в номере имелись подслушивающие устройства.

Лумис болел два дня. Как не странно в этом были свои прелести. Хорошо быть больным, когда возле тебя такая медсестра. Потом, когда они купались, он стал держаться у бережка. Смешно было подумать, что какое-то простейшее, лишенное интеллекта чудовище, могло совершить то, что до сих пор не сделала «патриотическая полиция».

Еще они много гуляли, не только потому, что им неинтересно было находиться в номере, как раз очень интересно, но

все из-за того же – конспирации. На прогулках можно было с опаской, но говорить.

– Ты долго меня искал? – глаза смотрят, ожидая определенного ответа, даже если он соврет, все равно поверят.

Зачем ему врать, он просто кивает, накатывается, накатывается снизу комок перехватывающий горло; так давно это было, а он едва сдерживается.

– Только ничего из этого не вышло, Магриита. Совсем ничего.

Она смотрит в одну точку, теперь уже мимо него, туда в канувшие времена.

– Вначале, когда *его* забрали, я едва не покончила с собой. Не помню, что удержало. У тебя тогда не случилось неприятностей по службе? Каждому встречному, поперечному чиновнику, я называла твое имя, фамилию часть, один раз даже удалось отправить письмо. Ничего не дошло, понятно, но я так старалась. Наивная была, дура: думала ошибка, скоро все прояснится, вспоминала твои страшные рассказы и по-прежнему не верила. Потом, деревня Куку-хото, да, так и называется. Впрочем, после, почти сразу, стало Энерго-поселение номер Восемьдесят. Там стало не до дум, я сделалась сельскохозяйственной рабыней, как и все остальные: с утра до поздней ночи мы сажали того-мак. Мне кажется, ничего не возшло.

– Когда ты присоединилась к движению?

– Наверное, и цикла не прошло. Потом, после первого на-

падения на полицейский патруль, я почувствовала вкус крови, око за око, впервые после выселения, я уловила цель. А ты то сам?

– Я...

16. Исторический срез по живому

Девять циклов в прошлое.

Осколки судеб

И эта сумасшедшая любовь. Он встретил ее в городе Макукута, когда его направили на переподготовку, перед повышением в должности. Он так давно не был в городах, спокойных живых городах, а не тех, что стираются с местности, а уже потом с карты. Он ходил по улицам и не верил, а заходя за угол, он невольно втягивал голову в плечи и напрягал мышцы, готовясь упасть или шарахнуться назад, за спасительную стену. Когда они увидели друг друга, все им стало ясно и окружающий мир послушно исчез. Это были самые счастливые месяцы в их жизни. Он едва сдал экзамены по теоретическим дисциплинам – он парил в облаках, спасли хорошие показатели в практике – тело, как всегда, не подвело.

Потом он снова попал в действующую часть. Отпуска им тогда давали часто, это был единственный, не слишком накладный для Империи пряник, которым их могли поощрить за службу. Деньги давали редко, почти не давали, но многим это было и не надо, кое-кто просто озолотился в процессе устранения «демографического перекаса» – они продавали или обменивали найденные в брошенных городах вещички,

для таких делишек, в первую очередь, и нужны были отпуска в нормальную жизнь.

Магриита трудилась во благо Империи на военном заводе гиганте «Пневмо-сила». Два его цеха выдавали стране пневмо-вагоны, а остальные восемнадцать – гига-снаряды и прочую сопутствующую дальнобойной артиллерии утварь. Когда беременность стала мешать работе, возникли сложности. В очередном отпуске, Лумис попытался уладить проблему с ее начальством. Подобрать-поздорову никак не получалось: глава цеха сборки боеприпасов, прикрывался какой-то хронопластиной, с перечислением пунктов, оказывается работник обязан их выполнить перед увольнением по собственной инициативе; среди прочих старинных бюрократических уверток, были там и совсем новые положения, например, о письменном разрешении вышестоящих властей на рождение детей. Разговор не клеился. Лумис провел небольшую разведывательную операцию, выясняя маршруты перемещения начальника по Макукута. Однажды, он подстерег цеховика, возле квартиры. Вошли они вместе. На следующее утро Магриита уволилась без проблем, вот только, у ее шефа возникла большая суета с заменой мебели во всех трех комнатах.

А как-то, явившись в очередной отпуск, Лумис обнаружил маленькое, невиданное им ранее розовое существо.

17. Города-курорты

Это был отдых на полную катушку, с прилагаемой в нагрузку культурно-просветительной частью. Однажды был даже ботанический сад. В рекламном плакате значилось: «Крупнейший на планете. Собственность Аббатства Блаженного Пришельца, пожалованный монастырю святейшим Пелимпоусом девятым. Почти все представители флоры. Уникальные экспонаты из Мерактропии – жующие растения. Просьба администрации: не кормить, цветы сытые».

– Ты здесь не бывал? – произнесла Магриита ступая на ползущую вверх ленту. – Кроме всего, это одно из немногих мест в городе, где человека нельзя подслушать.

Лумис изволил не поверить.

– Seriously, там официально запрещено ставить подслушивающую аппаратуру, так как это не государственная территория, – пояснила Магриита, замедляя шаг.

Но Лумис все равно не поверил.

Когда громадный автоматический единорог, копия давно истребленного человеком представителя фауны, хриплым голосом произнес: «Спасибо» и, проглотив плату за вход, добавил, голосом главы Аббатства епископа Регроса Святого: «Братья, лишь здесь вы познаете радость единения с природой», они ступили на черную, не тронутую стекломилметолом землю. Вокруг распускались самые причудливые цве-

ты, тихо шелестели разноцветные травы, а прямо перед ними вздымался, закрыв своей кроной все небо необъятный (Лумису пришлось повернуть голову, чтобы оценить его ширину), обвитый питонообразными лианами баобаб-великан.

– Самое старое дерево в мире, – заверещал невидимый в траве автомат, сработавший при их приближении. – Лишь три тысячи двести двенадцать человек взявшись за руки смогут охватить его ствол целиком. Это растение посажено собственной рукой Верховного кардинала Табаско Милостивого в честь Тройного Звездного Совпадения, когда все огненные светила сошлись в одной точке.

– Почему три? – спросил Лумис у всезнающей Магрииты. – Ведь звезду «три», вроде, вычислили не так уж давно?

– Так гласит легенда, – ответила Магриита пожатием плеч. – Я в конце-концов не астроном, и не историк. Вдруг когда-то давно тёмное солнце Лезенгауп было видимо? Или даже не так! Вдруг зрение у людей имело расширенную зону восприятия?

– Слушай, Магри, да тебя надо отправить в министерство Науки, – без притворства восхитился Лумис.

– Что мне там делать необразованной?

– Выдавать общие идеи, как я понимаю.

Они свернули на абсолютно безлюдную, заброшенную тропинку.

– Не так уж здесь одиноко, – проронил Лумис, когда где-то вдали монотонный ульма-схемный голос снова повторил

кому-то историю о самом старом дереве. Но наконец с расстоянием затих и электрический гид. Магриита взяла его под руку, теперь они не уместались на тропе и одной ногой ступали по зеленому ковру.

– Что мы будем делать дальше, Лумис? Я говорю о дальней перспективе, – пояснила она наклоняясь, чтобы не задеть большущую, в пол руки, колючку торчащую из ствола гигантского кактуса.

– Уверена, что здесь не подслушивают?

Она вновь пожала плечами.

– Значит рискнем, – и глядя в ее расширенные глаза, он высказал многое, что накопил за последние дни, а скорее всего циклы. То, что он не выражал вслух еще никому. Его словно прорвало и остановиться он не мог. Часто он переходил на крик и умолкал на время, только, когда она легонько толкала его локтем. Он прикусывал губу не из опасения, в эти минуты ему было все равно, а просто по привычке, ожидая пока очередной, случайный прохожий-флоралюб удалится на безопасное расстояние. И после его, не совсем связная речь, продолжалась:

– Тебе не кажется, ну хоть иногда, что мы ввязались в какую-то бессмысленную, безнадежную войну? Не зря ли, льют кровь «повстанцы», «потрясатели основ» и все остальные, не слишком ли силен, непобедим наш противник, и более того не поощряем ли мы его своими выходками на большее ожесточение? Не хочется ли иногда тебе, Магриита, бросить это

идиотское, не имеющее окончания занятие? Я знаю, нами движет прошлое, оно горит, не хочет тухнуть внутри, ищет выхода в действиях, но не есть ли это самообман? Да и ладно я, но ты? Женщина. Красивая женщина. Неужели даже тебе не хочется спокойствия? Прошлое? Оно ведь уже ушло, навсегда ушло. Я смотрю иногда на обычных, окружающих людей. Ведь они как-то живут? Вдруг мы обманываем себя и жизнь не так уж паршива. Возможно, хватит романтики великих целей. Может, даже режим смягчится сам по себе, некоторые утверждают, что он уже смягчился, и если бы не наша борьба, то совсем бы подобрел. Наши лидеры хотят перевернуть государство вверх дном, сотворить еще кучу вещей, в том числе вернуть семьи, но программа «выкорчевывания корней» вроде бы и так уже пятится обратно. Они хотят сделать всех равными перед законом, но ведь сильный так и останется сильным и слабый все равно будет пресмыкаться перед ним, – захлебываясь говорил Лумис, сегодня в нем проснулся ораторский дар. – Хорошо, допустим, я говорю «допустим» именно потому, что не знаю, как вы и мы это сделаем, ну путь: сброшен Император и разнесена в клочья финансово-милитаристическая машина. Я не буду распространяться о том, что после этого здесь окажутся браши, дело не в этом. Как изменить самого человека, – Лумис вздохнул свежего воздуха и речь его полилась с новой силой. – Все эти «антиритеры» и «потрясатели», сами же передерутся между собой, придя к власти. А головорезы Битса-Го, их

ведь более миллиона. Их не переделаешь и не привлечешь в союзники, вам придется их уничтожить, истребить физически. И садистов «патриотической полиции» или профессиональных убийц из «черного шлема», тоже не перевоспитаешь? Так? Может уедем куда-нибудь подальше, доживем своё циклолетие спокойно, без всякой политики, а? Пока это не предложение, Магриита, просто размышления вслух.

– Даже жаль, Лумис, а то я уж губы раскатала. Послушай, ты ведь знаешь, что все не так. Тот, кого давят сапогом, должен сопротивляться, потому что те, кто давит, наслаждаются именно самим процессом давления и доставлением боли, дальние цели у них тоже, конечно, есть, но и процесс достижения интересен. Ты знаешь наши силы, примерно, как и я, разумеется, имеешь представления о наших возможностях. В курсе ли ты, что сейчас усиленно прорабатывается вопрос координации действий всех партий и организаций оппозиции, это будет крупная сила. У нас появится шанс. Ну, а с точки зрения личных мотивов. Я никогда не брошу, клянусь. А на счет спокойной жизни, это мы с тобой уже пробовали. Никого мы не трогали, даже больше, ты сам был «черным шлемом», а нас все равно достали. Так устроен этот поганый мир и поэтому мне иногда хочется его взорвать.

Они оба замолчали, не получился этот разговор, слишком много за ним стояло, чрезмерно много и для каждого и для обоих вместе. А вокруг красивые цветочки с экваториального материка охотились за жуками.

18. Исторический срез по живому

Девять циклов в прошлое.

Новый слой бутерброда (Очень сухой, не поломайте зубы)

Лумис в охране: игломет наперевес, предохранители сняты, обойма ядовитая, каска надвинута поглубже, хотя, жарко, но так, тень козырька маскирует вершину лица, а ниже уже защитное забрало-намордник: и никто не прочитает твое нутро, у тебя его – нет.

От криков и плача детей, можно свихнуться, возможно, его мозг уже произвел с ним такой кувырок. Те, кто еще не устал (особо жизнеутверждающие натуры) – орут: впечатление слабое – приелось. Хуже с теми, кто тихонько всхлипывает, что-то бормочет невнятно, присел в сторонке: лучше не смотреть – легче вытаскивать дознание у десяти брашей одновременно, чем смотреть и слушать. Детей много, человек двести. Возраст в основном до двух циклов, некоторые, наверное, еще разговаривать толком не умеют, а не то что понимать. Лумис сам не понимает, просто несет охрану. Врачей человек десять, какие-то маленькие кабинки, приборы – переносные и большие громоздкие, но тоже с лямками для переноски двумя солдатами. Медики явно не справляются – запарка. Врачи обмениваются карточками с бездной цифр,

что-то метят ручками, кивают, смотрят отрешенно. У них тоже не лица – маски. Женщины-медики подводят детишек. Ощущение, что выдерживают без всякого плана. Иногда врачи встают, поворачивают маленькие тела спиной, часто кладут на столы, поднимают ножки, рассматривают половые органы, дети плачут, боятся. Не слышно ни каких шуток-прибауток, все серьезно, по возможности молча. Здесь делается *отбор*.

Кроме детей и военных медиков больше никого нет, но игломет на взводе – таково указание.

Если даже не знать цели проводимого действия, наблюдать такое несколько дней кряду... Он наблюдает – это самая тяжелая караульная служба в его жизни. Их подразделению не повезло. «Патриотическая полиция» еще, покуда, экзотическая новинка – не успевают они везде. Вот и приходится Лумису делать их работу. А поток детишек идет и идет – не иссякающая река.

Отбор жесткий. Лумис не понимает таинственных знаков в бирках, на шеях детей и не ведает, кого из них куда. Он просто знает, что не прошедшие отбор – ликвидируются. Официально – «очистка района эпидемии» или же «обеззараживание».

На третий день он решается спросить у врача, который отходит в сторонку покурить. Руки к медика в чернилах – дрожат.

– Господин доктор, вы, правда, никогда не ошибаетесь?

Метите только неизлечимо больных?

Врач смотрит на Лумиса снизу, как на ожившую статую. Неожиданно, губы его кривит нервная ехидная улыбочка. Свет потустороннего, верховного знания на мгновение прорывается наружу.

– Чёрти кого присылают охранять, ударь мне по башке Мятая луна, если не прав. Бараны вы бараны, – он отбрасывает недокуренную само-зажигалку. – Ты об эпидемии что ли, солдат? Не бери в голову, как пришла, так и ушла. Люди ей не болеют. Спи спокойно.

Лумис стоит, проглотивши лом.

А ночью, лезвие истины протыкает ему сердце.

19. Ширмы городов

Вообще, не смотря на вызывающую общедоступную роскошь города-курорта, города-порта Горманту, не смотря на быстрое привыкание ко всем этим длиннющие эскалаторам, стеклянным куполам, гигантским пляжам, всем этим выпячиваемым пышностям архитектурных и технических излишеств, так не вяжущимся с отсталостью и разоренностью других провинций Империи, и здесь, если смотреть внимательно, чувствовалась неотпускающая хватка-давление спецслужб. То, вырисовывался медленно едущий электромобиль с торчащим из окна раструбом-звукоуловителем, и приходилось спешно изобретать обыденную тему для разговора, что-то про вкусные бифштексы или макароны в криц-соусе, и пялится друг на друга дураками, а потом осматриваться, будто ненароком, ища новых соглядатаев. Не впервой им обоим было называть знакомых людей чужими именами, но в отношении друг друга это было неудобно вдвойне, но нужно было соблюдать конспирацию, продолжать изображать туристов-бездельников. И в шикарном номере гостиницы тоже следовало опасаться, может быть даже более, чем в толпе, а поэтому они много гуляли, катались по пневмо-станциям, город был слишком велик для хождения пешком, но и это они делали. И даже эти прерываемые разговоры, разговоры намеки, больше глазами чем ртом, при-

носили Лумису несказанную радость общения. Как долго он не встречал человека, сообщника по несчастью, того, кому можно было поведать свои мысли и кто разделял чувства.

Прошло так много времени и они расстались так давно, но вопреки времени и горю прошлого, а может благодаря ему, кто знает, они стали ближе, их судьбы оказались похожи до жути. Оба они пришли в тайные антиправительственные объединения своими путями, состояли в разных группировках, но ведь и тот и другой до этого, в глупой молодости, были примерными эйрарбаками, и пока жизнь не саданула по голове непосредственно, вовсе не думали о своем повороте-вдруг. Магриита призналась, что когда встретила его, почему-то подумала, что он теперь в полиции, где-нибудь в «патриотах», и даже ужаснулась тому, что его подослали ее арестовывать, поэтому и заговорила потом после кафе так смело – терять мол все равно уже нечего. А когда он сообщил, что сам увидев ее подумал о том же, только с разворотом теории на обратную, она не поверила. Наверное такое совпадение реакций было смешно, но они не засмеялись, слишком грустно это было одновременно.

20. Пирамида власти

«Выкорчевывание корней»

Что мешает государству более всего? Почему люди вместо того, чтоб ему служить, заняты другими делами? Зачем даже министры воруют, вместо того, чтобы все силы вкладывать на пользу стране? Не ведаете? Во всем виноваты личные интересы. Не будь их, Империя бы стала крепче кого угодно. Что такое личные интересы? Это семьи, это дети, это престарелые родители. Уберите все это, и у человека будет один интерес – родина. Почему возникают бунты, всякие роптания? Человек, может, сам и не преступает закон, но кто-то из его родственников делает противогосударственный поступок, а потом приходит полиция, арестовывает мерзавца и родня недовольна: забрали хорошего человека. Родственник важнее державы, разве это нормально? Разве может Эйрарбия процветать при таком положении дел? Разве может она победить брашей? Однако, как можно переломать эту веками процветающую традицию? Никто из подданных не согласится добровольно отказаться от своих жен и детишек, для многих это равносильно самоубийству. На кого опереться в этом скользком вопросе? И кто будет воспитывать следующее поколение?

Но ведь хорошо, когда родители душу вкладывают в формирование ребенка? Ясное дело, никто и спорить не будет.

Ну, а если нет? Сколько их пускают процесс развития на самотек? И ведь проконтролировать это практически невозможно. Сколько неимущих, не могущих прокормить себя, продолжают плодиться и обрекают на страдание маленьких людей? Им дают пособие на этих детей, пусть и мизерное, но и то они тратят на собственные развлечения и вредные привычки. Таких родителей по Империи Эйрарбаков наберется не один миллион. Как с ними бороться?

Одновременно с этим, уже давно, пожалуй, с момента образования технически развитых обществ, они сами часто заменяют многим детям пап и мам, не имеющим таковых. Почему не представить положение, когда все детки, независимо от происхождения, воспитываются по общим нормам необходимым правительству? Заодно, это навеки решит проблеме преступности. Откуда будут браться новые бандиты, если их не выкуют те, кто ими является сегодня? Дальше, больше. Для кого вообще нужны специалисты по атомным реакторам, или математики высшей пробы? Неужели для папаш и мамаш? Ясное дело, нет. Если бы это было так, они бы появились в первобытнообщинном строе, но эти профессии возникли гораздо позже и они в край потребны. Надобны они, опять же, стране, для того чтобы не отстать от конкурентов, а следовательно – не погибнуть. Так зачем же государство, само, занимаясь подготовкой специалистов, их раннее воспитание перепоручает людям, порой не имеющих даже подобия образования или понятия о том, что необходимо Эй-

рарбии в ближайшем будущем? Почему оно смотрит сквозь пальцы на то, как круг непосредственного общения ребенка делает из способного – дебила.

И ведь есть еще одна деликатнейшая проблема. Это молодые организмы подпадающие под определение: недоразвитые в физическом или умственном отношении. Все понимают, что они обречены на жалкое прозябание, а не жизнь, что здоровые люди вынуждены будут тратить время и силы на их обслуживание, а мощнейшая Империя, имея врагов неисчислимых, разбазаривать на это средства. Но попробуйте, массово применить по отношению к ним избирательный геноцид. Все поднимут вопль и неизвестно, чем это все кончится. Попробуйте, хотя бы локально, забрать ребят на поруки правительства у всех тять, ничем не оправдывающих своего названия, за исключением его самого. Всё снова кончится всеобщим безобразием. Семья устарела, как институт вырабатывания новых личностей, как ранее она устарела в качестве инструмента для приобретения профессии. Но ведь ко второму попризывли, и никто не пытается в малогабаритной квартире обучить обслуживать торпедный аппарат?

Значит если бы начать, и первый процесс, как и второй, полностью отдать в руки разума более высокого порядка, чем разум индивида, то сжились бы и с этим. Но как это начать?

Великий Император Грапуприс долго думал над этой проблемой и на первый взгляд она казалась неприступной (в переносном смысле связанном с альпинизмом, а не с наруше-

нием закона), но Вторая Атомная дала для осуществления задумки циклолетия просто прекрасный повод. Ведь радиационная обстановка, несмотря на применение слабых, тактического уровня боеприпасов, изменилась. На много или чуть-чуть, это, конечно, была секретная информация, но ведь это тоже к лучшему. Нельзя выселить всех взрослых из подвергнутой бомбардировке области: во-первых, производство не должно стоять, во вторых, куда их всех подеваешь, в третьих, организм у них сформированный, сильный, как-нибудь справится с некоторым повышением фона, в четвертых... Да и этого хватит. Ну, а детвору, все же, выселять надо, делать им там нечего, в производстве их использовать нельзя, организм у них молодой, сильно подвержен. Так что никуда не денешься. Ну, а когда в большинстве приграничных, действительно подвергнутых ядерным атакам областях, дело было сделано, тогда можно было и крупные города метрополии подчистить. Пытались, конечно, какие-то авантюристы-анархисты радостному движению к прогрессу помещать, но куда им против страны, доблестно уж вторую подряд, с пятнадцатичиковым перекурором, атомную войну выстоявшую, тягаться. Понятное дело, выиграть-то потасовку ядерно-ракетную снова не смогли, но ведь и не проиграли? Ведь и та страна-агрессор, ненасытный Федеральный Союз, ныне Республика, тоже раны не слабые вынуждена зализывать. Вот так, под шумок, Грапуприс Тридцать Первый и провернул, то, что до него даже придумать не могли.

Но к великому сожалению, копьё-то оказалось обоюдо-острое. Да, не плохо было всех этих взрослых, вместо квартир с удобствами в казармы рабочие загнать, семьи, временно – навсегда, отменить и энергию половую и на ребятню бессмысленно тратящуюся в государственное русло направить. А ведь правда, нерационально расходовали ее голубушку: только подумать, на одного дитяти – отец, мать, да еще предыдущее поколение. А в детском саду, однако: воспитатель, да повар, да еще, ясное дело, орган их контролирующий, может и много народу, но ведь и ребеночек далеко не один. Еще неплохо было, запретив взрослым, по разным поводам, типа потенциальной передачи инфекции, своих отпрысков посещать и информацию о том, где они и что с ними, получать, быстренько всех убогих, из колониального монстра за зря средства выколачивающих, поизводить, благо это на планете Гея, всегда умели делать на отлично. Вообще, рождаемость можно было теперь планировать, и даже соотношение полов регулировать, в связи с предположительными потребностями родины. Стало можно потери военно-людские скрывать и ни об какие союзы матерей не спотыкаться. Словом, многое в Эйрарбии пошло по-новому. Странно оказалось вот что: люди от всех забот освобожденные, работать за дарма все равно не слишком рвались. И еще: преступность противогосударственная возросла и не только в связи с предполагаемым женским противодействием устранению, отмененной законом и историей, ячейки об-

щества. Просто люди, которым действительно стало теперь нечего терять, переступая закон, обрели свободу риска только собой, исчезли те косвенные заложники, которые им просто, своим наличием на этом свете, связывали руки. Пришлось несколько увеличить полицейские силы, потом еще несколько и этот процесс потихоньку стал упираться в демографические барьеры. Но Империи это было не зазорно, она ведь Республикой себя не провозглашала и проблему народонаселения теперь крепко в руках держала.

21. Исторический срез по живому

Девять циклов в прошлое

или чуть меньше

Последний гвоздь

Затем началось осуществление программы «выкорчевывания корней». Первые эксперименты на периферии. Несколько добрых, отменных гвоздей в лояльность Лумиса.

Уже можно было делать кое-какие долговременные выводы. Вначале провинция – города среднего масштаба, затем, с накоплением опыта, – места покруче. Численность, недавно еще экзотической, «патриотической полиции» стремительно взлетает, она затмевает солнце. Лумис настоял на переезде Магрииты с сыном в маленький неприметный город на побережье, на всякий случай. Пришлось открыть некоторые секреты и методы осуществления силового прогресса: любимая в шоке, хотя слухи имели место. Они едва не порвали отношения – она в первый раз не смотрит на него, как на героя войны. Они переехали. Он еще не знал, что ошибся. Он в длительной командировке – специальная подготовка в лагере МКР (Министерства Континентальной Разведки). Прибытие письма к адресату – чистая случайность, но все давно привыкли к нерадивости почты, да и интересного никто давно ничего не пишет – была охота цензуру развлекать.

Когда он оказался дома, в новой квартире, в малюсеньком городке, он ничего не обнаружил. А вот город, вокруг его опустошенного мира, поделен на сектора, жители отсутствуют, наличествуют силы безопасности и «патриоты» – здесь город маленький, обходятся без спецов из «черного шлема». Попытки выяснить что-либо конкретное, ни к чему не ведут. Он и сам все может представить. Стандартный сценарий локального «выкорчевывания корней»: жители выселяются, дети изымаются в пользу государства, все перетасовываются и переселяются. Куда? Империя Эйрарбаков очень велика, самое крупное территориальное образование на планете. Он в полном недоумении, собственный палец угодил в вертящуюся мясорубку и она жует, жует, засасывая руку и хрустя жесткими фалангами. Этот обух по голове – последний гвоздь.

22. Джунгли городов

Забренчал где-то над головой не громкий, но настырно ввинчивающийся в уши зуммер, а из скрытого динамика выдал комментарии уставший голос: «Пассажиры, станция – площадь Героев Гиласа, шикарнейший район города, здесь расположены: гостиница «Бриллиантовая корона», торговый центр «Птичье молоко»... Лумис встал с газолитического сидения и протиснулся к выходу. Когда он вскочил на уходящие вверх ступени эскалатора, сзади прерывистый гудок и уставший затихающий голос проговорил: «Внимание! Освободите перрон! Пять, четыре, три...» Соскочив с исчезающей в полу ленты, он помог сойти уже немолодой женщине с двумя детьми. Теперь такое было редкостью, чтобы мать сама воспитывала детей. Официальная причина – явное преимущество универсальной школы, доказано всем. Он знал, как это было доказано, но, тем не менее, ему, воспитаннику «униш», было как-то дико смотреть на нее, держащую за ручки обоих смеющихся крошек. Редко какая мать теперь вообще знает, где рожденные ею чада, а если захочет узнать, так окружающие только удивятся ее наивности. Легче протаранить головой стену, не помявши шляпу, чем вывести что-либо у Демографического Министерства – ДМ, «демки» – по народному. Однако наличие настоящей мамы, наводило на размышления, не отпускает ли помаленьку, но на полном

серьезе, удавку приверженцы «выкорчевывания», вволю насосавшись кровушки и слез. Может, все-таки правы сторонники медленных гуманных реформ?

Солнце Фиоль грело даже сквозь прозрачный хрустальный купол станции. Все равно, здесь было прохладно – кондиционер работал на полную мощность. Не жалели здесь электричества на шик – главные морские ворота Империи, как ни как. Матовая створка люка ушла вниз, и на него сразу хлынул поток горячего воздуха. Лумис полетел вперед, быстрым, пружинистым шагом – уже несколько дней его распирало от счастья. Он скинул за это время циклов десять, как минимум, а может, гораздо больше – он превратился в наивного юношу видящего будущее в голубой, туманной дымке неизведанного блаженства. Сейчас он придет в номер. Интересно, что заказала Магриита на обед. Она всегда находит в меню какую-нибудь новую комбинацию блюд. Да, неплохо бы тушеного омара с крих-лепешками или соус из икры мигри, а потом, самое простое, яичницу из двухсот яиц симликлиса. Сегодня, впрочем, как и вчера, у него был бешеный аппетит.

Он прошел рядом с колоссальной витриной и двинулся в тени длинного ряда колонн подпирающих универмаг. Лумис немного напрягся, когда из-за ближней колонны шагнул щуплый маленький человечек:

– Одну минутку, – сказал неизвестный, прикладывая палец к губам, – я вас не задержу.

Лумис оглянулся вокруг на лес молчаливых каменных монолитов.

– Что вам надо, любезный?

– Всего за сто пятнадцать серебряных грапуприсов, – произнес незнакомец, вынимая из под полы трехствольный игломет-самоделку ручной работы. – Даром отдаю, и полный комплект игл. Заводские, свежеворованные, – добавил он скороговоркой, не увидев в глазах Лумиса особого интереса. – Необходимая вещь, для самообороны и всяких неожиданных случаев.

– Нет, мне такое не требуется, – проронил Лумис поворачиваясь.

– Ну, припугнуть кого-нибудь или еще чего, – все еще надеясь, говорил продавец, семена позади. Наконец, видя, что Лумис не реагирует, отстал, недовольно хмыкнув.

Да, – думал Лумис, – как не изгаляется полиция, а мелкая торговля, да еще запрещенным товаром, цветет. Может проявить гражданский долг и вызвать стражей законности и порядка, дабы на место кустарного ремесленника поставить? Пусть потом делает то же самое, но уже на нормальном станке, только бесплатно, да под присмотром дяди с дубинкой, и так циклов пять-шесть, тут уж как боги-солнца распорядятся. Чувствовал, чувствовал этот торгаш, к кому обращается: продать не продал, но ведь и не арестован. Выбравшись из тени огромного магазина, Лумис тут же забыл о происшедшем. Когда же он, наконец, вошел в знакомый просвет,

между двумя сверкающими спиралогритами – впереди ярко горел на солнце купол «Бриллиантовой короны».

«Сколько мы еще проживем здесь? – размышлял Лумис. – Денег хватит дней на семь, к тому же Магриита говорит, что долго здесь не задержится. А что потом? А плевать, что там, главное, сейчас будет что-то очень вкусное и Магриита на десерт». Не смотря на толкотню на станции «пневмо», прохожих вокруг не было, что неудивительно, в самый жаркий период суток в привилегированном районе города. Все сейчас отлеживались в креслах, уставясь скучающим взором в экраны стереовизоров. Он вдруг остановился. Что-то он упустил из виду, что-то такое маленькое и не заметное. Он оглянулся. Залитая светом, идеально гладкая поверхность стекломилметола была пустынна. Что же тогда удивило его? Нервы, нервы никуда. Мания преследования. Это после той ночи, после всех этих сумасшедших циклов конспиративной работы. Наверное будет правильно завязать с этим навсегда, бросить это занятие. Хватит, навоевались вволю. Пусть все эти «бунтующие цветы» и «повстанцы» воюют со всем миром, а он будет есть омаров и пить крапс и плевать на всю эту обреченную борьбу за рай на планете. Вот только Магрииту надо попытаться убедить.

Где-то впереди, над пирамидальными спиралогритами промчался по блестящей, тонкой нити монорельса, светящийся монотрон. Он, на мгновение, разорвал полуденную тишину и растворился, юркнул за полыхающую отражени-

ем Фиоль стену огромной гостиницы. И тут, словно яркая вспышка озарила память. Лумис ясно увидел то, мимо чего прошел несколько минут назад. Там, позади, на стекломилметоле, лежал клочок шерсти гиплихксиниса. Подкосились колени и сразу, куда-то на задний план, отодвинулись крихлепешки и соус из икры мигри. Словно раздался отрезвляющий удар, разверзлась небесная твердь, и на отупевшую от зноя землю хлынул холодный будничный дождь. Рухнул, так тщательно и кропотливо возводимый, воздушный замок. Он ускорил шаги, но внезапно остановился. Над головой навис, упирающийся в зенит, отель «Бриллиантовая корона». Сейчас он войдет в скоростной лифт, и когда, через мгновение, кабина зависнет на семьдесят первом этаже, и уйдет вниз створка люка, он сделает последний шаг к своей гибели. Интуиция, выработанная за долгие циклы работы в подполье, уже подсказала решение. Внешне совершенно безмятежный, он втиснулся в яйцеобразную, матовую камеру уличного кристаллофона городской связи и недрогнувшей рукой надавил нужные клавиши. Ритмично пульсировал экран и ярко горела красная лампочка над ним, а он, упираясь спиной в вогнутую стенку камеры, не мигая смотрел в одну точку, и, словно из необозримой дали, до него доходил монотонный повторяющийся голос из трубки: «Абонент не подключается. Пожалуйста, рассоединитесь. Не занимайте линию».

Он молча надавил клавишу и вышел на опаленный солн-

цем тротуар. Возникла нелепая, ужасно простая мысль: пойти купить у этого частника игломет, и вернуться сюда в отель; потом, забаррикадировавшись в номере, держать круговую оборону и убивать, просто убивать, подонков из «патриотической полиции», пока они не забросают его газовыми гранатами. Когда ее взяли? Может, ее арестовали только что, и он еще успеет? А что, собственно, он успеет? И подгоняемый каким-то внутренним чутьем, он двинулся назад к тому месту, где лежал клочок голубого меха с ее плеча. Он почти бегом проскочил в отходящий от главного тракта переулок и чуть не сбил с ног зазевавшегося пешехода. Тот испуганно шарахнулся в сторону, но Лумису уже не было до этого никакого дела, потому что в этот момент раздался смех, дикий и невероятно глупый в этой тишине. И когда Лумис повернул за угол, он сразу увидел...

Это были даже не «патриоты», это были обыкновенные «стражи безопасности». Двое полицейских волокли...

Ее волосы сбились на затылок и обнажили мертвенно бледное лицо, с кровавой ссадиной на левой щеке. С плеча свешивались остатки шкурки гиплихксиниса и раздвинутые ноги волочились по стекломилметолу.

Офицер стоял тут же, повернувшись в профиль, и ярко сверкал на предплечье выпуклый шеврон с изображением сжатой кисти. Жизнерадостный вояка наступил резной подошвой ботинка на разутую, бесчувственную ногу и вновь закатился диким хохотом. И добывала же Академия Поряд-

ка и Нравственности (АПН) где-то таких весельчаков.

– Ну и стерва, Мятая луна меня заberi, – вещал он, продолжая покатываться, – под благородную подделывается. Ну, мы тебе покажем.

– Вот же дерьмо, – проговорил один из полицейских и сплюнул, прямо на едва прикрытую грудь.

Лумис, глядя на все это, лихорадочно обдумывал дальнейшие действия. Их всего трое. Как просто. Нет, вон еще один – у будки кристаллофона. Что он там делает, у них ведь должна быть рация? Ладно, это не важно. Вначале, разумеется, начальника патруля: прямо в нос с горбинкой, с прыжка. Эти двое только и успеют, что бросить ее. И сразу левого – ногой, он ближе. Правый, тоже не проблема. Остается тот, у камеры связи. Интересно, кто быстрее? Пока будет отстегиваться игломет кого-то из упавших, этот тип уже нырнет за будку, и пучок ядовитых игл продырявит тело в нескольких местах, или полицейский побоится открыть огонь, чтобы не задеть своих, а будет просто держать нападающего на мушке до прихода подкрепления. Что же делать?

– Чего надо? – глядя на Лумиса звериным взглядом, осведомился лейтенант первого ранга.

Пора, подумал Лумис, и тут она открыла глаза. Их взгляды: ее, полный боли и отчаяния, и его, исполненный сострадания, встретились. Она попыталась улыбнуться, но это было слишком больно. В его взгляде она увидела и поняла все его намерения и отрицательно, чуть заметно, или как могла,

мотнула головой. Лицо ее скривилось в какой-то страшной гримасе, и глаза заблестели от набегающих слезинок. Затем веки закрылись.

– Вот же дерьмо, – снова повторил рядовой полицейский и харкнул себе под ноги.

У Лумиса пересохло в горле, и он расфокусированным взглядом уставился на офицера.

– Чего надо, клоун?! Мятая луна тебя заberi! – опять рявкнул тот.

Значит, она поняла всю бесполезность плана раньше, чем он сам, и спасла его от верной бессмысленной гибели. Она хочет, чтобы он жил. И пока мысли Лумиса вертелись беспорядочной чередой, другая часть его я ответила:

– Извините, господин лейтенант, – Лумис сам не узнал своего голоса, столько в нем было подхалимства и лести. – Разрешите пройти? Вижу, вы захватили врага Империи. Я просто восхищен вашей четкой работой. Вот так и мы, бывало, в старые времена, выискивали предателей. Тогда их хватало. А вот сейчас уж – на пенсии, здоровье подвело.

– Ну, ладно, дядя, проходи, а то мне недосуг тебя слушать, – произнес полицейский и самодовольно хмыкнул.

Лумис двинулся вперед, только через несколько шагов обернулся, выражая лицом само восхищение. Офицер теперь не смотрел на него – был занят, он наклонился над Магриитой и, со всего размаху, влепил пощечину по окровавленной щеке. Лумис пошел дальше, уже не оглядываясь.

Сзади что-то заревело. Он скосил глаза: из-за поворота вы-
рулил шестиколесный бронетранспортер и, визжа тормоза-
ми, остановился. Лумис ускорил шаги. Она знала, – крути-
лось в мозгу, – знала, что сейчас придет машина и что он не
успеет, а если и успеет, то все равно, их возьмут через один,
два квартала и тогда в лапы «патриотов» попадут сразу оба.
Сзади слышалась какая-то бессвязная речь и возня, и вдруг
голос, от которого все похолодело внутри, крикнул:

– Зачем ты отпустил этого парня? Ну-ка, давай его сюда.

И сразу, две пары ног застучали по стекломилметолу. Он
продолжал идти не оглядываясь. Кто-то схватил его за руку.
Можно было ударить и сбить с ног, затем бежать, не оборо-
ачиваясь, в течение времени, которое необходимо маленькой
иглолке, чтобы пролететь тридцать метров. Но он не уда-
рил, только поинтересовался:

– Что угодно «вашей безопасности»?

– Иди, иди, – нервно сказал молодой загорелый парень с
нашивкой «патриотической полиции» и, для порядка, под-
толкнул его прикладом.

И он молча пошел, тупо уставясь вперед, и перед глаза-
ми у него стояло лицо Магрииты, на котором была выражена
ужасная тоска и боль, и он знал, что очень скоро у него будет
такое же лицо. И когда его подвели к чьему-то мощному по-
кату затылку, все окружающее стало казаться совершенно
нелепым и не имеющим к нему никакого отношения сном.
Он слышал их грубую ругань и как кто-то спросил:

– Бас-капитан, грузить ее в машину?

И как, почему-то знакомый, голос приказал:

– Нет, Маклаин, допросить здесь. Если ее дружки где-то поблизости, то пока мы будем кататься, они успеют улизнуть, – и затем дружеским тоном добавил. – Да, лейтенант, как же ты ее распознал?

Начальник патруля раскатисто захохотал и весело ответил:

– Да вот, давеча, выходим мы из блей-бара. (Не-не, мы там просто перекусили, бас-капитан, что-то другое – ни-ни). Ну, глядь бабенка идет – ничего бабенка: по заду ведь не видно, что старовата, правильно? Обгоняем мы ее, она на нас нуль внимания. В лицо я ей глянул – да так и обмер... Не может, думаю, быть таких похожих людей. Забери меня луна Мята, если не так. Узнал я ее стерву, – он снова дико заржал, обнажив два ряда ровных здоровых зубов. – Это еще в цикл Обезьяньей стадии Эрр случилось. Был тогда налет «мангустов» на Перомст – «Санаторий для умных» – специальную тюрьму, знаете, капитан?

Мощный затылок кивнул.

– Вот же дерьмо, – на заднем фоне, снова повторил давешний полицейский.

– Так вот, я и говорю, была она там. Хотели они тогда своих дружков, от ума излечиваемых, освободить. Но мы, не лыком шиты. Выбили мы их тогда из тюрьмы, эти скоты только первую ограду преодолели. Сколько мы их тогда взяли... Но

не всех. Смылась она тогда, ну ничего, теперь попрыгает.

На Лумиса не обращали никакого внимания, как будто он стал пустым местом: наверное, так и было. И только загорелый полицейский все еще держал его за руку. Ну, вот и все. Разумеется, он будет молчать, но это уже не имеет значения. Сейчас они вытряхнут содержание его карманов и найдут жетон от номера, копию того, который имелся у Магрииты, и все станет ясным, как и его дальнейшая судьба. И будет «камера Гринсэтера» – из которой никто не выходил, «лошадка Бликс-Крис-Ру» – с которой никто не вставал, и много других веселеньких вещей, и будет счастливый хохот вот таких вот лейтенантов, и напоследок, в конце этого неминуемого туннеля, «резервуар Тоу-Пена», превосходно превращающий человеческий материал в тонкую пленку биомассы.

Покатый затылок впереди повернулся и тот же знакомый голос воскликнул:

– Вот так сюрприз! Лумис Диностарио!

У него все оборвалось внутри, но внешне он остался совершенно невозмутимым. Он молча взглянул в широкое грубоватое лицо и узнал...

– Здравствуй, Бэк, – выговорил он одним дыханием, когда огромные лапищи уже тискали его в объятиях.

В других обстоятельствах, он, наверняка, обрадовался бы этой встрече.

– Ну, как живешь? Сколько мы не виделись? – вопросы сыпались один за другим, но они не требовали ответа. – Не

могу поверить. Да ты ничуть не изменился. Звезда-Мать Фиоль милостива, раз мы встретились. Двенадцать циклов, с ума сойти, – он, наконец, отпустил Лумиса.

Тот только и выдавил из себя:

– А ты теперь в «патриотической полиции»?

– Да, уже третий цикл. Воюю с врагами Империи, как говорится.

– Вот как, – Лумис сразу забыл, что хотел спросить, потому что сзади послышался хлесткий удар – пытали Магрииту.

Пауза затягивалась.

– Ну, а ты где? – снова осведомился Бэк, бывший сослуживец по кличке Точило.

– Фирма «Эйрафт-Инджиран», – ляпнул Лумис первое, что пришло на ум, и поспешил перевести разговор на другую тему. – Воюешь, значит?

Он переборол себя, повернулся и глянул на Магрииту.

– И это твои враги? – сказал он с презрением – так было задумано.

– Да они только на вид овечки, а зубы такие... – произнес капитан не совсем дружелюбно. – Капуцины с брашами им в подметки не годятся. Тех можно понять, они чужаки и им нужна стратегическая территория, а эти, – он мотнул подбородком в сторону Магрииты, – лезут в самую душу. Дай им волю, они сотрут в порошок всех нас, а кого оставят, превратят в покорных им скотов. А сколько в них самоуверенности, одни названия чего стоят: «потрясатели основ», «об-

ратимцы», – Бэк даже плюнул, чтобы показать, как это глупо звучит. – Работа не сахар, но если бы не мы? Как говорится: «Если не я, то кто же?» Да, ты и сам знаешь. А вот ты, наверное, давно забыл наше старое ремесло? Или, все-таки, посматриваешь иногда на медальки? Пыль протираешь? Признайся? – он жизнерадостно посмотрел на Лумиса.

– С тобой мне, конечно, не сравниться, – заявил Лумис, чувствуя, что уже наметил окончательный план, – у тебя, все же, постоянная практика, но кое-что я еще помню.

Он быстро повернулся и, с наслаждением, ударил коленом ниже пояса ничего не ожидающего парня, все еще держащего его за руку, и когда тот, скрутившись калачиком, рухнул на тротуар, оружие было уже в руках Лумиса. Краем глаза он заметил застывшее во взгляде Бэка удивление, и смотревший на него сквозь прицельную планку глаз второго сопровождающего, и услышал, как клацнула ручка кистевого игломета, входя в ладонь Бэка.

– Мельчает народ, – тоскливо сообщил он, отдавая оружие Бэку и никак не реагируя на вдвинувшийся обратно в рукав желтой форменной рубахи миниатюрный игломет, и на то, как тяжело перевел дух бас-капитан спецполиции.

– Это что – допрос? – спросил Лумис, оборачиваясь, с таким удивлением, как будто только что это увидел. – Милосердие, только вредит *нашему* делу.

Он вплотную подошел к Магриите, не глядя на совершенно сбитого с толку лейтенанта, удивленно лупающего глаза-

ми.

– Ты же помнишь, Бэк, как это делали *мы*? – он сделал ударение на последнем слове и глазами строгого преподавателя глянул на младшего офицера «стражи безопасности».

Тот снова часто заморгал и ничего не ответил.

– Эй, мразь! – гаркнул Лумис на не подающую признаков жизни Магрииту. – Она что, откинулась? – справился он у держащих ее за руки полицейских.

Правый сплюнул, тряхнул женщину за плечо и хрипло ответил:

– Не должна. Вот же дерьмо с Мятой луны.

Они уже почти повиновались, он явно производил впечатлением своей наглостью и панибратством с большими шишками.

– Угу, – неопределенно промычал Лумис и шлепнул ее по щеке, раскрытой ладонью, не слишком больно, но эффектно.

Она открыла слезящиеся глаза и что-то прошептала, но он не расслышал. Можно было убить ее одним, точно рассчитанным, ударом, но тогда бы, он сам оказался на ее месте, и поэтому он только оскалился и заорал:

– Ну, гадюка, ты будешь говорить?!

Она не подыграла ему, не затрясла головой и не плюнула в него, может, просто не поняла, и это было к лучшему, потому что он держался на пределе, он мог сорвать весь спектакль, с на ходу разрабатываемым сценарием. Она все еще смотрела на него своими красивыми поблекшими глазами,

когда он ударил ее в живот. Ее разбитые губы скривились в страшной гримасе и он, чувствуя, что все окружающее тускнеет и расплывается, ляскнул прямо по окровавленной щеке еще одну увесистую пощечину. Ему хотелось обнять ее и крикнуть: «Магриита, девочка, это все для тебя, чтобы тебе не было во сто крат больнее, чтобы тебе не пришлось беззубым ртом шептать бессмысленные проклятия и корчиться в «постели новобрачных» под дрессированным шигримиарским леопардом». Но он не проронил не слова, а только с каменным лицом продолжал избивать ее и прежде чем Бэк выкрикнул: «Прекрати, Лумис, черт тебя дери вместе с Мятой луной! Что ты делаешь?», – он уже нанес тщательно взвешенный удар.

– Вот так, ребята, – подвел итог Лумис, хлопая кого-то по плечу, и отошел в сторону, потому что знал: у него в глазах блестели слезы. А в мозгу почему-то вертелась глупая песенка, которую он недавно слышал в блей-баре, когда они были там вдвоем, и откуда-то издалека доносились голоса.

– Жива?

– Жива, бас-капитан, – ответил удивленный голос. – Вот же дерьмо с Мятой, – и опять последовал смачный плевок.

– Слава богу Эрр, – проговорил Бэк и подойдя к Лумису положил ему руку на плечо. – Что это ты? Все-таки, время меняет людей. Я уж, по глупости, подумал, что ты ее того, – он сделал выразительный жест, словно отправляя рукой нечто невидимое в небесную высь. (Жест этот пришел

из древних, неизвестной давности времен, когда мудрые кочевники рассудили, что души всех нехороших людей после грешной жизни отправляются на вечную каторгу-искупление, в сторону Мятой луны). – Какой-то ты странный. Извини, я сейчас занят, а то зашли бы в кристаллотеку. У нас в курортном городе удовольствия с электро-наркотиками не запрещены. (Правда, на дому ни-ни). Или, в крайнем случае, бары всегда открыты. Сегодня, вечером я думаю быстро освобожусь: с *этой*, я надеюсь, большой канители не предвидится, – добавил он. – Тряхнем стариной. Ты как?

– Идет, – кивнул Лумис.

– Где тебя искать? – натурально обрадовано, спросил Бэк. – Посидим, поболтаем, вспомним былое.

– Отель «Бриллиантовая корона»... – он чуть не взболтнул лишнее.

– О, – присвистнул Бэк, – недурно.

– Но, лучше я найду тебя, – присовокупил Лумис, глядя в сторону. – Где это?

Бэк назвал код своего рабочего кристаллофона:

– Так договорились?

– Разумеется.

Лумис пошел по переулку, ничего не видя перед собой, потому что голубой туман застилал глаза и потому, что он знал: Магриита будет умирать еще некоторое время, но когда они довезут ее до тюрьмы, она уже будет холодным трупом. И зря бас-капитан надеется раскрутить сегодня новое дель-

це, и освободится он гораздо раньше, чем хотел, если, конечно, убедительно объяснит причину досрочного уюкоошива-
ния арестованной, а нет, так появятся у него дополнительные проблемы. Лумис обогнул спиралогрит и, зная, что его не могли больше видеть с бронетранспортера, молча присло-
нился горячим лбом к холодному полированному пластику, но глаза его уже были сухими.

23. Исторический срез по живому

Двенадцать циклов в прошлое

Имперские парашютисты

Малиновое солнце стремительно падало к горизонту. Они сегодня были довольны, довольны как никогда, наконец-то Чистюля оставил их в покое. Хотя, честно говоря, с чего бы это быть довольными? Разве лишь с того, что живы и никому до них нет никакого дела, и весь этот сумасшедший, тоталитарный кавардак, где-то далеко и, временами кажется, что его нет вообще. Они даже успели облениться за эти дни, по крайней мере раньше, они бы вряд ли позволили себе вот-так спокойно лежать на драных соломенных подстилках и ничегошеньки не делать. Вот, только Бобр портил умильную картину бестолкового наблюдения заката своим постоянным хождением из угла в угол, цель которого, особенно вкупе с бесконечными причитаниями, была безусловно одна: испортить идиллию сегодняшнего вечера.

– Это же надо, – заявил он уже по пятнадцатому или двадцать пятому разу, – крапс-виски – неслыханное дело. Эти вшивые капы даже не докумекали до такой простой штуки. А вокруг сплошной сушняк крапорбена.

Бобр обвел всех тоскливо-скучающим взглядом. Он явно ждал возражений – возражений не было. Но просто так Бобр,

конечно, отступать не мог, может, он встал не с той ноги, а может, просто переспал (за долгие годы военных баталий он привык спать не более двух часов за раз), и ему очень хотелось переброситься с кем-нибудь парой соленых словечек.

Лумис механически отслеживал зрачками фигуру Бобра, озаренную малиновым нимбом заходящего солнца. Посасы-вая пыльную соломинку, выковырянную из подстилки, Лумис лениво ждал новых тщетных попыток Бобра завязать разговор. В комнате их было шестеро: Бобр, Лумис, Точило-Бэк, малютка Таракан, Бельмо и Крэпстон, ровно половина команды. Всем было скучно, и говорить было не о чем, особенно с Бобром, все популярные темы разговоров: о женщинах, попойках и поножевщинах, были исчерпаны до дна.

– Нет, как все-таки эти капы обходятся без крапс-виски, а? – еще раз спросил Бобр.

– А, по-моему, крапс годится только слабым бабам, – внешне отозвался Бельмо. – Лично я не уважаю его абсолютно, – Бельмо обвел комнату своим единственным глазом, с видом явного превосходства, этим он показал, что ему наплевать на мнение штурм-капрала по кличке Бобр. Принижения своего «я» Бобр, обычно, не прощал и хотя, наконец-то, выдалась возможность поругаться, он был не очень доволен, с Бельмом было опасно связываться. Поэтому, он не осыпал его с налету грязными выражениями, а смолчал.

– Лично я предпочитаю мирандольский соус и ничто другое, – заявил Бельмо и снова осмотрел всех зрячим глазом.

– От этой слизи мозги выкручиваются шиворот-навыворот и так и остаются, – ответил Бобр, – а вот крапс-виски действительно можно насладиться, правда, Таракан?

Бобр переменял тактику, выбрав другую жертву. Таракан не любил беседы о выпивке и все это прекрасно знали. Его подтрунивали этим, но он не мог ничего с собой поделать, он ненавидел алкоголь лютой ненавистью, по вполне понятной причине: что-то в его желудке было устроено не так, как у всех, его тошнило даже от разговоров, Таракан очень мучился своей неполноценностью.

– Однако, это ты зря, – очень спокойно молвил Бельмо, – крапс-виски это помои и, как я сказал, годны только для тупого бабского организма.

Он опять отсканировал всех взглядом, уперся им в Лумиса и оскалился. Лумис не уважал Бельмо, потому что тот постоянно цеплялся к нему, похоже, завидовал его внешности и молодости, поскольку не имел ни того, ни другого. Он уставился на Лумиса своим правым немигающим глазом, без век и ресниц. Левый глаз отсутствовал вовсе, на его месте была какая-то большая, вся в трещинах бородавка величиной с монету, а вокруг нее громоздились несколько коротких, с четверть пальца, выростов самой неопределенной формы. Лумиса всегда подмывало спросить, как Бельмо лишился глаза. Но он этого не делал, не сделает и теперь. Он отвернулся, ему было наплевать на этот дурацкий спор, ткнулся лицом в солому, вдохнул запах раздавленного клопа и попы-

тался задремать.

— Крапс-виски величайшее достижение цивилизации, — выдал Бобр давно задуманный им аргумент, по его мнению очень веский и стоящий.

Лумису было искренне жаль Таракана, желудок которого уже, наверное, начинал возмущаться. Спор достигал своего апогея и с обеих сторон уже слышались отборные словечки, когда внезапно раздался стук за стеной. Посыпалась доисторически старая штукатурка и ослабленный кирпичной кладкой рык парашют-мастера Босли проревел:

— Эй, говоруны! Двести сорок тарантулов вам в глотку, дадите мне вздремнуть или как?

Все были рады неожиданной развязке.

* * *

Тогда, двенадцать циклов в прошлое, был кризис, кризис во всех отношениях. Фиоль, скатившись в апогей, вплотную приблизилась к красному гиганту Эрр, главной звезде системы. Такое противостояние не случалось более двух десятков циклолетий. Чудовищная жара выжгла почти всю растительность северного полушария, а кое-где почва пересохла настолько, что покрылась трещинами трехметровой глубины. Сельское хозяйство перестало существовать, как таковое. Крестьяне ушли с земли и нахлынули в города, и без того стиснутые намертво в тисках голода. Там, они пополнили

бесчисленные толпы безработных, бездомных людей, потерявших всякую надежду на что-либо, людей, которым было абсолютно нечего терять. Положение Империи Эйрарбаков стало катастрофическим. В этот момент Федеративный Союз Брашей, ныне называющий себя Республикой, находившийся в более выгодных климатических условиях из-за наклона планетарной оси, и давно уж готовый вцепиться в глотку главному конкуренту на мировой арене, направил флот в акваторию эйрарбаков. Бездомные, разорившиеся фермеры спешно пополняли гвардию Имперской пехоты и в, таком же темпе, еще одну не менее многочисленную армию – армию гангстеров. В королевской платили щедро, Масис Семнадцатый не жалел масисов, их печатали все больше и больше, обесценивались они еще быстрее. Бандиты даже брезговали ими при грабежах, брали только продукты питания и одежду, ее снимали с трупов. Их, почему-то, редко находили, возможно, потому, что в некоторых районах столицы пользовались спросом консервы из человеческого мяса, ему не с чем было конкурировать.

Расчет брашей на быстрое поражение эйрарбаков на море и полное признание своего лидерства не оправдался: атомные субмарины адмирала Рея порядком спутали им карты, обе стороны были втянуты в войну на истощение ресурсов. А такая война не устраивала Империю, которую без того затянуло в пропасть глубочайшего кризиса. Сделать войну более скоротечной могло только одно средство – атомное ору-

жие. Увеличение жертвоприношения в сотни и тысячи раз не слишком волновало имперских генералов.

Ответная мера брашей была не менее жестокой. Когда слепяще-яркие сияния и грибообразные черные столбы, видимые сквозь завесу смертельно ядовитых газов, вошли в привычку, начальники штабов и министры удивились, как на фоне таких грандиозных катаклизмов население, сидящее в убежищах и порядком поредевшее, все еще продолжает волновать проблема питания.

В это время на Берег Лунного Ожерелья высадились танковые легионы брашей. Подпалив «урановые свечи» над последними береговыми крепостями-дотами, они взяли в кольцо стотысячную группировку маршала Гоше и, обойдя вторую долговременную полосу обороны по насквозь высохшим Болотам Малярийной Проказы, вышли к Умброфену, центру переработки плутония. Все почувствовали приближение конца, конца этой войны.

* * *

Их подняли среди ночи, раньше обычного. Когда они, полусонные, выстроились перед домом, темнота была – хоть глаз выколи, а Босли почему-то запретил зажигать фонари. Небо имелось, но, как всегда, без звезд. Однако, когда глаза адаптировались к ночному мраку, Лумис сумел различить короткий одно-шереножный строй и еще кого-то стоящего

поодаль. Этот кто-то был Бобр, он скомандовал «смирно», после чего из темноты выползло что-то невразумительное о двух ногах. Что-то оказалось Чистюлей в костюме полной радиационной защиты. Без всякой паузы, он заорал, как душевнобольной, дабы они тоже напялили на себя пластиромеровые мешки, после чего обозвал Бобра кретином и недопечей. Его голос доносился глухо, ослабленный противогазом, но тем не менее Лумис расслышал в нем нервозность. За этим что-то крылось, потому как эйч-капитан Чистюля был всегда подчеркнуто спокоен. Все, положив на землю оружие, боезапас и вещь-ранцы, стали напяливать на себя «защиту». Когда Лумис, привычно быстро, защелкивал последние плечевые кнопки он услышал, как Крэпстон спросил, проходящего мимо Ключника:

– Что случилось, Олистер?

– Что-что. Ноги надо делать и поскорее, иначе крышка нам всем. На берег выползла «свиноматка» брашей!

Ключник был сегодня дежурным по связи – ему можно было верить. Лумис почувствовал, как мысли в черепе вышли из под контроля и поскакали куда-то обгоняя друг дружку. Ему стало жарко.

* * *

«Свиноматка», кошмарное порождение милитаризма, выползла на берег в двухстах километрах от имперских пара-

шютистов. Выключив воздушную подушку, этот сверх-танк, весом более миллиона тонн, имеющий более пятисот метров в длину и двести в ширину, врылся в грунт почти на двадцать. Его локаторы оплели электромагнитной сеткой всю Голубую Долину вплоть до Скалистой Гряды, орудия главной боевой башни, тридцатиметровой длины и калибром два с половиной метра развернулись в сторону моря – опасности с берега браши не чувствовали. Да и что могло им угрожать под толстенной многослойной броней с электронным распределением нагрузки? Похожую на приплюснутое куриное яйцо «свиноматку» могло поразить только прямое попадание атомной бомбы. Но на случай воздушного нападения «большая свинья» тут же выплонула в небо два дежурных истребителя.

Но то все относилось к внешней окантовке процесса, наблюдаемой извне. А вот по поводу внутреннего наполнения, у эйрарбакских военных спецов мнения разделялись. Видите ли, на планете Гея не проводилось международных выставок вооружений (если, конечно, не относить к ним сами боевые столкновения), так что имперские маршалы никак не могли попасть в нутро гигантского танка и осмотреть его хотя бы в режиме экскурсии. Не удалось покуда и захватить какую-либо из «гига-машин», хотя бы в качестве продырявленного атомной «подкалиберкой» сувенира. Потому о наполнении «свиной» даже северо-континентальная разведка кормилась слухами. По крайней мере, это относилось к точному коли-

чественному составу помещенной в сверх-танке техники. По одной из самых кошмарных версий, в недрах «свиноматки» мирно дремали восемьсот «поросят» – танков марки «циклоп», и столько же «кабанчиков» – броневиков для пехоты. Общее число танко-десантников варьировалось, в этой вариации, в пределах тридцати – пятидесяти тысяч особ.

Сейчас, конечно, ничего из этой гипотетической, и даже из засекреченной истинной «начинки» чудовищного техно-монстра никто не выпустил «прогуляться» – вся эта машинерия были нужны для других целей, и в другом месте: на берегу Лунного Ожерелья ждали подкрепления. Ведь здесь, «свиноматка» оказалась случайно: громадный грузовой, марки «корыто», транспортировавший ее по океану, повредила подводная лодка эйрарбаков. Сверх-транспорт был вынужден срочно освободиться от гигантского веса. Он достиг ближайшего берега и разгрузился. По казусу судьбы это оказалась Голубая Долина. Отсеченная от материка труднопроходимой Скалистой грядой и покинутая войсками Империи, она представляла собой идеальное место, в котором можно «отсидеться». Если бы браши знали о спецгруппе эйч-капитана Чистюли, и особенно ее снаряжении, они бы нашли ее в течение пары часов, подняв в небо все патрульные дирижабли. Одного снаряда главного калибра, начиненного напалмом, стало бы достаточно, чтобы их сжечь, заодно с квадратным километром геянской поверхности.

Ясное дело, в связи с таким глобальным изменением ситуации, ранее полученное, смехотворно простое, задание: взорвать, к чертям Мятой луны, свою же, имперскую приливную электростанцию, в своей же колонии находящуюся, начисто отменялось. Это чудо альтернативной энергетики, уже половину цикла никому не нужное, в связи с уничтожением питаемого им завода по производству тяжелой воды, Верховное Командование Стратегических Наступательных Операций (ВКСНО), сочло достойной целью для группы Чистюли и «будильника» – маленького ядерного фугаса. Теперь, нужно было делать совсем другое – уносить ноги. Веником – обух не перешибешь.

В остаток этой ночи работы им хватило. На заброшенном угольном каньоне, вырытом еще в период, когда это топливо было в моде, имперские парашютисты зарыли свой старенький бронетранспортер, предварительно сняв с него пулемет и выгрузив все необходимое. По умозаключениям Чистюли, в принципе имеющим смысл, двигаться на нем дальше было опасней, чем идти пешком: двадцатимиллиметровая сталь все равно не спасала от бомбы с лазерной подсветкой, а одиннадцать человеческих фигурок, закутанных в маскхалаты, цвета выгоревшей степи, может быть, и смогли бы безнаказанно выбраться из сферы возможной деятельно-

сти «свиноматки». В предутренних сумерках они еще протопали десять миль, прежде чем Чистюля распорядился делать привал, поскольку решил осуществлять передвижение только ночью. Здесь им повезло: в пятидесяти метрах на юго-запад, Бобр обнаружил брошенную нору муравья-путакмата. В сущности, это были пять нор, сходящихся к единому центру. В одну из них, можно было входить, лишь чуть-чуть нагибаясь. Похоже, гигантское травоядное насекомое, используя все накопленные в брюхе запасы влаги, уползло в сторону гористой возвышенности Кип, около которой еще не совсем высохли недавно глубоководные озера.

Глядя на отполированные стены пещеры, Лумис думал о том, сколько же циклов жило в ней это чудовище, прячась от солнца и людей здесь на десятиметровой глубине, лишь по ночам выползая в освещенную лунами степь, чтобы рвать своими громадными пяти-локтевыми лапами сочные молодые побеги, запихивать их в свой мешкообразный вырост под брюхом, и снова, скрываясь в глубине, перетирать зеленые стебли своими наждачными челюстями.

Все, кроме Босли и Бобра, которых Чистюля собрал на совещание, укладывались спать. Лумис спать не хотел, он вымотался именно до той степени усталости, когда тяга ко сну только-только пересилена и организм бодрствует чисто по инерции, отказываясь дремать наотрез. Положив голову на ранец с ручными гранатами, он молча слушал ворчание товарищей, дорисовывая воображением плохо видимые в по-

лумраке выражения лиц. Чистюля установил в углу электрический фонарь, и теперь что-то отмечал в развернутой на вытоптанном путакматом полу топографической карте.

— Какого мятого дьявола мы тащим с собой этот треножник? — жаловался Таракану Точилю-Бэк. — Нет, я спрашиваю, зачем?

— Действительно, — шепотом соглашался Таракан, он понимал, помещение слишком мало, чтобы его не услышал Чистюля, но вовсе игнорировать вопрос Бэка он не мог, они были товарищами и почти друзьями.

— Я еще могу понять, зачем нужен «будильник», но «Бетта-кью»... Скажи, Таракан, на фига она нам, эта странность.

Это он заметил точно, думал Лумис, «Бетта-кью 105» была действительно странная штука, да и весила она солидно: не даром Точилю жаловался, протащив ее десять миль на своем загривке. Толку от нее не было никакого, и они так и не смогли придумать ей хоть какое-то назначение. Странность ее была многогранной: прежде всего у «Бетта-кью» было три ноги, три шарнирные опоры сгибающиеся во всех возможных плоскостях. «Бетта-кью» выглядела, как казус абстракциониста, на ней размещались ряды одноцветных клавиш, куча кнопок, самых различных форм и размеров, несколько торчащих в стороны антенн и проводов, но более всего на ней было пломб, печатей и различных предупреждающих надписей. «Бетта-кью» им вручили перед самым отправлением. Штаб-майор, заставивший Чистюлю сделать де-

сяток росписей в кипе канцелярских книг, помеченных знаком «уж.секр.», предупредил, что эта штука поможет им в выполнении задания и, что специалист по ее эксплуатации встретит их на месте, его забросят морем из другого пункта. Целую неделю «Б-к » была темой дискуссий, наряду с по-прежнему живо интересующей всех тематикой женско-мужского общения. Выдвигались самые различные гипотезы по поводу ее предназначения. Они рождались спонтанно, на привалах и во время перекуров. Некоторые, а может быть и все, иногда, после особо оживленных споров, верили, что «Бетта-кью» поможет поставить ненавистных брашей на колени. Даже Чистюля украдкой прислушивался к этим разговорам, похоже он мучился загадкой в гордом одиночестве. Постепенно волнения несколько улеглись, они разгорелись, но не на долго, после того, как Бельмо, просто так, нажал одну из клавиш на корпусе «105». После этого с машиной что-то случилось. На вид она выглядела вполне пристойно, как и раньше, но когда ее ставили на ноги – она падала, как бы ее не размещали, казалось бы самым устойчивым образом, она все равно валилась, и, кроме того, что-то при этом, в неизвестных внутренностях «Б-к », начинало весьма подозрительно тикать, квакать и подмигивать. Вначале это всех взволновало, и даже напугало, некоторые не докурили сигарету по этому поводу, но со временем привыкли и успокоились. «Бетта-кью» осталась непонятной, но обыденной вещью.

Теперь Лумис слушал приглушенный холодный голос Чистюли, он тыкал двумя пальцами в карту, излагая свои мысли коротко и ясно, как в учебнике.

– Самое безопасное в нашем положении это мирно, тихо отсидеться где-нибудь, допустим, в этой норе. Браши вряд ли догадываются о нашем существовании, но если мы по-прежнему к Скалистой Гряде, есть возможность попасться. «Свиноматка» здесь долго не пробудет она необходима брашам в другом месте, первым же танковозом отбуксируют ее к Берегу Лунного Ожерелья. Поэтому, нам нужно затаиться, зарыться в песок и осторожно пыхтеть в две дырочки, пока это не случится. Разумеется, для этого потребно достать продовольствия и воды. Смотрите.

Бобр и Босли наклонились над картой.

– Вот здесь, в трех милях, деревенька, старая, как извержения динозавра, возможно, уже покинутая и мертвая, что, может, и желательно. Ты Бобр, с одним «мальчишкой», на брюхе следуешь туда, выясняешь обстановку. Если все в ажуре – капы на месте, делаешь все, чтобы комар носа не подточил. Главное вода и жратва. Если же капы вымерли или смылись, проходишь всю округу с влагоуловителем, не могут же пересохнуть все колодцы и скважины.

– Понятно, эйч-капитан, – браво отчеканил Бобр.

Чистюля скользнул по нему взглядом снизу вверх и снова ткнул палец в карту.

– В случае если воды и всего остального ноль тонн, ноль

килограммов, так же, на брюхе, делаешь еще шесть миль на северо-запад, только без всяких штучек, никаких следов, не дай дьявол окурочку оставите. Тут, еще одна деревня, эта понаселенней, по крайней мере, раньше была. Она, конечно же, и у брашей на карте значится. Будьте предельно внимательны, их надо опередить. Похоже, сегодня погода нам благоприятствует.

* * *

Это была правда, погода им помогала, в том смысле, что все небо было затянуто низкими темно-серыми облаками, вероятно, даже шел дождь, но, как всегда в последнее время, капли испарялись, не долетая до земли. Было ужасно жарко, да еще под маскировочным халатом, к тому же потеть было нечем и очень хотелось пить. Они проползли всю дистанцию, пробираясь сквозь сушняк крапорбенового кустарника и штурм-капрал Бобр целых три раза грозил Лумису кулаком, когда под туловищем громко, как выстрел, ломалась ветка и потом снова показывал «мальчишке», как надо отгибать сучья не ломая.

Когда Бобр раздвинул очередной куст, они увидели деревню номер один, по карте Чистюли. Она была действительно очень старая, даже на сваях, в какие это времена здесь бывали наводнения, а, может быть, раньше тут протекала река. Крыши были из того же сушняка, некоторые прохудились.

Людей видно не было, вполне возможно, что их не было вообще. Бобр обернулся и одними губами прошептал:

– Анализатор.

Лумис, лежа на боку, начал отстегивать привязанную к ремню коробку, но тут Бобр щелкнул языком, как сверчок кри-крих, не водящийся в данной местности, а беспечно живущий на южном материке. Лумис замер: это был условный сигнал – «опасность». Он начал медленно поворачивать голову и увидел...

Прямо над ними, из пелены облаков, вывалился «тянитолкай» брашей, он даже не появился оттуда весь, показалось только стальное брюхо, а над ним серый туман ходил волнами – это работали винты. Лумис почувствовал как из района желудка всплыл и застрял в дыхательных путях такой же серый клубок. Стало страшно. От его маскхалата до боевого дирижабля было триста метров по вертикали. Лумис не дышал. В лабиринтах извилин мозга маленькие невидимые часики стали равномерно, не торопясь отсчитывать секунды, последние секунды существования мира, а может только его в этом мире, его и Бобра.

«Тянитолкай» поплыл в сторону деревни по дуге, исчез в клочке облака, вновь возник и, сделав два круга, словно акула около жертвы, завис над самым центром деревеньки. Теперь он был виден полностью: в нижней части, под боевым отсеком медленно вращался темно окрашенный ящик ракетоброса. Отсюда он был похож на спичечную коробку с

четырьмя дырочками просверленными с одной стороны, но когда этот коробок поворачивался в сторону имперских парашютистов Лумису очень хотелось зарыть в песок хотя бы голову, как страусу породы би-бит. Все окружающее ощущалось очень четко, он даже различал намалеванный красным номер «тянитолкая». Было тихо: тихо как во сне, он удивился, что вспотел, лоб покрылся испариной, это было неожиданно после такой прогулки, кровь перекачивалась в висках с учетверенной скоростью, он чувствовал как отекает правая нога, а баллончик игломета настойчиво вдавливался в лопатку. Этот стреляющий на сотню шагов агрегат был абсолютно бесполезен, как и все их глупые старания затаиться: к чему весь этот спектакль и почему браши тянут, стреляли бы уж сразу. Фиолетовый отсвет в одном из четырех отверстий, ужасная короткая боль, две расплывшиеся лепешки в маскировочных халатах и маленькие часики в голове перестанут тикать. Но они все тикали, а «тянитолкай» парил под облаками и Лумис вдруг заметил, что игломет уже не на спине, а прямо перед носом и правая рука сжимает спусковую рукоятку. Этого делать нельзя. Он заставил предплечье расслабиться и осторожно вдохнул полные легкие горячего воздуха.

Прямо из середины брюха пехотного отсека отделилось большое металлическое ведро: в его верхней части Лумис разглядел множество желтых касок, этот лифт быстро спускался на трех, отливающих серебром канатах.

Потом в деревне стало шумно, оказывается, там еще водились живые капы. Правда, до Лумиса не долетали шипения иглометов и смех брашей, но он очень ясно себе это представлял. Иногда, доносились нечеловеческие вопли, браши носились от дома к дому, выволакивая на улицу людей: всех, от мала до велика. Лумис сжимал кулаки и поглядывал на Бобра. Бобр бездействовал. Ракетоброс вращался не переставая и Лумис уже начал терять представление о времени, когда внезапно раздался гудок и ведро, полное желтых касок, поплыло к облакам. Снизу к нему теперь было что-то подвешено на веревке, продетой через бойницу: что-то розовое, извивающееся словно червь на крючке. С такого расстояния было трудно определить что это. Лумис представил человека с содранной кожей и почувствовал, как страх перед ракетобросом отходит, он судорожно глотнул слюну, которой не было, а было стыдно за себя, за Бобра и за всех них, за всех генералов Империи, давших возможность брашам хозяйничать на родной территории. Лумис не отводил глаз и даже не моргал. Ведро втянулось в брюхо «тянитолкая». Похоже кто-то отвязал веревку или же ее перекусило створкой закрывшегося люка. Все также бесшумно извиваясь и корчась, розовая масса отвалилась от дирижабля и упала пробив крышу одной из хижин. Послышался треск и вновь стало тихо. Им бы сейчас обычную зенитную ракетку 48-го калибра: воткнулась бы она прямо в центральное крепление, промеж двух бронированных шаров, вспыхнул бы «тянитол-

кай», как свечка на пальме в день Святого Пришельца с луны Странницы, да еще перевернулся бы пару раз вверх тормашками, сыпались бы браши прямо в рубящие воздух пропеллеры, как в мясорубку, висели бы в небе, с подпаленными задницами, под своими ранцевыми спасательными баллонами, которые словно созданы для того чтобы лопаться, несло бы голубчиков ветерком прямехонько за свайные постройки, а здесь бы они сошлись на равных – не прикрыли бы подонков ни ракетоброс, ни 2500-миллиметровые калибры «свиноматки». Но не было ракеты и «тянитолкай» нагло висел на одном месте.

– Сейчас утюжить начнут, – на грани слышимости прошептал Бобр.

Лумис не понял, он понял потом, когда это случилось. Из боевого отсека дирижабля вывалилась бочка: бочка как бочка и ничего в ней такого не было. Шлепнулась она прямехонько по центру деревеньки и исчезла. А там, где упала она, возник столб огня. Сразу стало очень светло, заслезились глаза. Столб все рос и рос, как ночной кошмар, затем замер, словно неоновая реклама – это длилось вечность. Язык прилип к небу и все виделось будто в аквариуме. Лумис ощутил судороги всем телом, это наваливался, давя и разламывая организм, животный ужас. Не было даже тикающих часов в голове, все остановилось. Столб начал расходиться в стороны огненным валом, пожирая деревеньку. Лавина пламени съела ее всю и растаяла, как сон: там, где прошла, она

не стало ни хижин, ни прохудившихся крыш, только торчали кое-где обугленные головешки, раньше они были сваями. А за ней уже катилась следующая волна бездымного пламени. Медленно, как трогающийся поезд, белое пламя сожрало остатки построек, дыхнуло горячим ветром и сникло. А уже накатывалась следующая волна огня. Ей нечего было жечь. Бесшумно проскользнула она по огромной, черной, гладкой, как бильярдный стол поверхности. Когда последний отсвет пламени поблек Лумис почувствовал себя заблудившимся муравьем, перед которым раскинулся безбрежный, отполированный, черного дерева, стол. Он не заметил как скрылся «тянитолкай».

* * *

У них еще была надежда – деревня «два». Теперь по прямой до цели оказалось около семи миль на северо-запад. Они пропыхтели их молча. Как ни странно, с исчезновением дирижабля облегчения не пришло: мысленным взором он все еще видел огненный столб, а внутри было холодно, как в толще ледника. Недоброе предчувствие подтвердилось. Здесь их тоже опередили. Прямо перед деревней, на заброшенном высохшем огороде, прилип полозьями к потрескавшейся грядке «скакунок» – малый летающий катер десанта.

Похоже, Чистюля давно приглядывался к нему, другой причиной трудно было объяснить его выбор. Лумис и раньше замечал за собой нужные солдату ближнего боя качества: реакцию, меткость, он на лету схватывал приемы, но этот приказ его удивил.

Теперь все мысли ушли, была только сосредоточенность на текущем моменте. На любое изменение обстановки необходимо реагировать мгновенно и еще надо быть невидимым. Самый опасный объект – спящий летчик. Он, безусловно, дежурный, но на это ему начхать, то ли выпил, то ли просто устал. Голова без шлема покоится на локте, локоть на блоке управления, воротник расстегнут и из переплетения ремней торчит белая шея. Это очень удобно для Лумиса. Дверца «скакунка» настежь, потому как жарко. И это тоже очень кстати. Самое страшное там, на пульте управления. Где-то под дремлющей головой – кнопка. Стоит нажать, и за сотни километров отсюда вззоет сирена, повернутся в эту сторону главные калибры, взлетит дежурный истребитель-ракетно-носец. Но лучше не думать, этого не будет, на занятиях он никогда не промахивался из «удушки», надо бы только проползти еще пятнадцать-двадцать метров, чтобы было наверняка.

Духота, а потеть нечем. Маскхалат просто жжет и место

совсем открытое. Стоит второму брашу открыть глаза... А вдруг, он и так видит, неужели с полста метров нельзя разглядеть покрашенное коричневым кремом лицо, руки в боевых перчатках, а в правой «удушку». Может, Чистюля именно поэтому и послал его, Лумиса, чтобы он отвлек огонь на себя, а летчика щелкнет другой, допустим Колисман, его пулемет лупит всю обойму в фанерный щит с полутора миль. Правда, по плану Чистюли, он должен открыться только, когда брашей выбьет из деревни ударная группа и они побегут к «скаунку».

А этот браш совсем обнаглел, надо же, разделся донага, сидит куняет, если бы еще игломет отодвинул подальше... То ли они откопали здесь крапс-виски, то ли прихватили из запасов «свиноматки», с дисциплиной у них, однозначно, слабовато.

Лумис рывком прополз еще пару метров и снова замер. Игломет с предохранителя снят. Если что: Таракан должен прикрыть огнем. Сколько же брашей в пехотном отсеке? Он пододвинул локти, хотелось поправить каску, он не сделал этого, а снова бесшумно двинулся по потресканной почве. И тут голый браш открыл глаза... Их разделяла совсем малая дистанция, взгляды встретились. Лумис взял старт с положения лежа. Рука браша рванулась к игломету. Лумис не останавливаясь выстрелил «удушку». Резиновый зажим хлестнул словно кнут и, с невидимой глазу быстротой, потянул металлизированную бечевку. Через две десятых секунды он

ткнулся в сонную артерию пилота и резиновые створки охватили его шею, быстро стягивающимся кольцом. Лумис резко рванул рукоятку к себе, летчик вывалился из кабины, начав биться в судорогах. Голый браш заметил кроме Лумиса еще и выскочившего из кустов Таракана, запаниковал и кинулся к входному люку пассажирского отсека, на ходу поворачивая в Лумиса игломет. Лумис упал и перекатываясь открыл огонь очередью. Не смотря на быстро переворачивающийся силуэт вертолета, он не потерял ориентацию и, отстреляв треть обоймы, вскочил на ноги. Голый человек извивался на левой лыже «скакунка», брызгая кровью. Лумис бегом достиг пехотного отсека и вскочил внутрь. Ему на встречу ломанулся рослый детина в блестящей рыжей каске. Здесь было тесно и неудобно действовать прикладом. Лумис боевой перчаткой нанес ему прямой левый в середину лица. Детина тяжело охнул и, перекатившись спиной через ряд мягких спальных кресел, грохнулся каской об облепленную порнографией переборку, прямо под ноги одной из дамочек в прозрачной юбке. Больше в отсеке никого не было. Задача выполнена, подумал Лумис и перевел дыхание. Он посмотрел на безжизненно лежащего браша и обернувшись выглянул наружу. Таракан деловито освобождал шею пилота, лицо которого имело синий оттенок. Голый браш уже не шевелился, мертвой хваткой обнимая опорную штангу вертолета. В этот момент со стороны деревни послышался взрыв.

Лумис торопливо вынул из заднего кармана бечевку, про-

тиснулся между креслами, перевернул детину на живот, быстрым движением стянул ему руки за спиной, затем откупорил одну из бойниц, развернул и поднял кресло на нужную высоту, сунул в отверстие ствол, установил прицельную планку на максимальную дальность, хлебнул из фляги и стал ждать, когда из селения побегут выбитые ударной группой браши. Он слышал, как рядом примостился Таракан.

Ждать долго не пришлось, стрелять тоже. Шесть жалких фигур появились со стороны деревни. Слева, из кустов крапорбена, рывкнул пулемет Колисмана. Он срезал их всех одной короткой очередью.

* * *

Они расположились прямо посередине деревни. По-видимому. Чистюля считал, что раз уж заварили такую кашу, здорово маскироваться нечего и время терять тоже, разумеется. Всех пленных, их набралось семеро, усадили тесной кучкой лицом к Чистюле, спиной к деревянной хижине. Из имперских парашютистов не хватало только Бобра и Колисмана, они вошли в караул. Присутствие на допросе «мальчишек»: Лумиса, Крепстона, Таракана и Тауэра было обязательным. Выбор показательной жертвы Чистюля предоставил Босли. Вялой походкой, с полным отсутствием всякого выражения на лице, парашют-мастер приблизился к пленным. Лумис видел, как сразу посерели и без того бледные

лица. Босли сверлил их тяжелым взглядом, словно лучевой пушкой, всех по очереди, затем специально картавя язык выругался на браши. Он остановился напротив худощавого, совсем еще молодого лейтенанта, тот выглядел хуже всех, если не считать здорового штурмовика, которому Лумис превратил лицо в красную кашу. У офицера была сломана рука в предплечье и по этой причине губы выражали сплошную муку. Когда громадная фигура Босли нависла над ним, он торопливо отвел взгляд в сторону. Дико ухмыльнувшись, Босли рванул его за ворот комбинезона так, что молния разошлась до пояса.

– Начнем с этого гаденыша, – доложил он Чистюле.

Точило-Бэк и Бельмо в это время заканчивали приготовления к «спектаклю». Аккуратно, очень впечатляюще, на большом куске зеленой материи, были разложены шприцы, тубики, плоскогубцы, лезвия, ножницы, щипцы самых причудливых форм и размеров, тут же от огня паяльной лампы нагревались угловатые железяки непонятной формы.

Чистюля, дабышний раз продемонстрировать свой сомнительный аристократизм и отличное знание языка, приказал подвести к нему пленного.

– Слушайте, – сказал он на браши, – вы ведь понимаете, что все равно заговорите. У этих «детешек» еще никто не молчал. Поэтому, лучше сразу. Соглашаетесь отвечать?

Лейтенантик посмотрел на Чистюлю с каким-то отсутствующим выражением и смолчал. Чистюля, не показывая

досады, дал сигнал начинать и демонстративно отвернулся. Босли сорвал с пленного всю одежду, цепкими пальцами ухватил его за нижнюю челюсть у подбородка и здоровенной оплеухой отправил лейтенантика по касательной в объятия Точилю-Бэка. Тот согнул его пополам, а Бельмо быстрым отработанным движением воткнул под лопатку шприц с обезболивающим. Они действовали по сценарию «пытка-представление». При этом варианте жертву подвергали огромному количеству самых разнообразных мучений, выдержать которые во всей полноте любой организм был не в состоянии, но, так как, основной целью было запугивание остальных пленных, подопытному вводили лекарство, так он держался дольше, по крайней мере, это следовало из теоретической части «Справочника разведчика». Потом, когда испытуемый, наконец, соглашался отвечать на вопросы, следовала демонстрация лояльности и гуманизма, с предложением сигарет и т. п. ...

Пленного развернули лицом к зрителям. Голый, с перебинтованной рукой, он выглядел очень жалко и потеряно. Прежде чем начать, Бельмо поздравил Ключника.

– Слушай голубок, – осклабился он, буравя радиста своим единственным зрачком, – а что если ты щелкнешь меня на память с этим вот «крольчонком»? Это будет его последнее фото на этом свете, – добавил он на браши специально для лейтенанта.

Ключник запечатлел его в трех ракурсах.

– Мы пошлем это его птичке в «Брашию» по адресочку, который он нам оставит, правда парни? Может, мы даже заглянем туда, будет время.

– Бельмо, – прервал его парашют-мастер, – меньше база-ра, давай работать.

Точило-Бэк благодарно взглянул на него, он видимо уже устал ждать и резво набросился на жертву.

Рядом с громадным Бэком, лейтенант выглядел уже совсем ребенком. Точило взял его сломанную руку за кисть, чуть повыше локтя, и начал медленно выворачивать внутрь. Даже через комбинезон было видно как набухли гороподобные трицепсы Бэка. Лицо лейтенанта быстро наливалось кровью, все видели, что он кусает губу, но застонал он только, когда на локте лопнула кожа и оттуда показался розовый, оплетенный красными жилками, сустав. В полной тишине Босли снова спросил: будет ли он говорить? Ответа не последовало. Тогда Бельмо достал «дергунчик» и закрепил его зажимами на голове браша. С «дергунчиком» на голове тот стал похож на мотоциклиста. Бельмо повернул рычаг: лейтенант заорал так, что у многих заложило уши. Точило-Бэк, заткнув ему рот ладонью, ругнулся. Бельмо освободил крепления и ухмыляясь приподнял «дергунчик», демонстрируя его действие: лейтенант лишился половины волос, из некоторых проплешин на голове сочилась кровь. Это зрелище Ключник тоже увековечил. В момент съемки лейтенант потерял сознание и Бельмо ввел ему эуфиллин.

Лумис посмотрел на реакцию аудитории. Все молчали, никто не отвернулся, только у одного браша нервно подергивалась щека. Наблюдать мучения одного из бывших начальников им было, кажется, интересно. Скоро и вы окажетесь на его месте, подумал Лумис. Наверное, Чистюля назначит «тренировку» «мальчишкам». Кто достанется ему? Тот с дергающейся щекой?

Бельмо и Точило-Бэк последовательно, но в быстром темпе, превращали молодого человека в инвалида. Лейтенант оказался неожиданно стойким и несмотря на стоны отвечать на вопросы не хотел. Раскаленной железякой ему сожгли ягодицы; воткнув провода в половые органы, пустили ток переменной частоты; маленьким молоточком Бельмо мелодично выстукал на его пальцах марш имперских парашютистов.

Между тем, Босли произнес перед остальными пленными маленькую речь о том, что когда лейтенант заговорит остальные станут не нужны и умрут в муках, поэтому с признаниями следует поторопиться. Их не последовало, Лумиса это удивило, или же их вдохновил пример стойкости офицера или они действительно были убежденными патриотами. Босли это тоже обидело, на щеках у него заходили желваки, но он сдержался и не стал избивать их тут же, на месте.

Лейтенантика уже было трудно узнать: изо рта капала бурая пена, глаза провалились куда-то вовнутрь черепной коробки и смотрели, если еще видели, совсем тускло. Все вокруг него, в том числе Бельмо и Бэк были в темных кро-

вавых пятнах, потому что Бельмо боевым топориком отсек ему несколько пальцев на правой руке, да не просто так, а по фалангам. Под ногти другой руки Бельмо, все также ухмыляясь, вогнал ему половину комплекта иголок, когда внезапно лейтенант сдался. Он сказал, что ответит на все вопросы, лишь бы ему дали умереть быстро. Ему подали самовоспламеняющуюся сигарету (он не мог ее держать) и оттащили за угол хижины, а там за него взялся Чистюля. После этого сразу заговорили еще двое захваченных. Всех остальных строптивых распределили «мальчишкам». Лумису достался пилот. Вокруг его шеи синел рубец, след оставленный «удушкой». Бельмо вручил Лумису карманную электропилу фирмы «Дровосек» и показал в каком месте делать разрез. Лумис избег встречи с глазами привязанного к доскам человека и включил пилу. На радость Лумису пилот согласился сотрудничать, как только лезвие вспороло кожу на голени. Его ответы нужны были Чистюле для проверки данных полученных от лейтенанта. Лумис рукавом вытер мельчайшие капли крови с лица и почему-то вспомнил розовое извивающееся под «тянитолкаем» тело.

* * *

«Циклоп» пер прямо на них и, кажется, не собирался сворачивать. Лумис даже решил, что маскарад их раскрыт и сейчас танк, не сбавляя скорости, прокатится по ним все-

ми четырьмя гусеницами. Какой-то слишком жизнерадостный вояка назвал это чудовище «поросенком», производное от «свиноматки». Сюда бы его на наше место, подумал Лумис. С низкой покатой башни, раскрашенной пятнами, грозно торчали два пушечных ствола (левый укороченный для стрельбы навесом), а сверху вяло амортизировал при движении станковый огнемет. Лумис напрягся, быстро взглянул на сидевшего рядом Тауэра: в форме браша тот выглядел совсем по новому и по его лицу было видно, что он сомневается в этом очередном замысле Чистюли. Земля под ними уже дрожала, гусеницы вгрызались в нее как бульдозеры. Лумис нащупал под вещмешком газовые гранаты, они были теплые. «Циклоп» взревел, как раненый динозавр и остановился в десяти шагах. Сверху задребезжало: откинулся командирский люк. Вставать для отдания чести нельзя, иначе придется нагибаться за гранатами и браши успеют закупориться, прикинул Лумис. Наверху башни показалось что-то непонятное, круглая голова и огромный глаз во все лицо. Глаз моргнул и уставился на имперских парашютистов. Лумиса передернуло, к такому он был морально не подготовлен. Экипаж танка – чудища! Генетические мутанты! О господи Великий Эрр! И пленные об этом не рассказывали. Из люка выявились плечи, затем все остальное: нормальное человеческое туловище, ноги, руки, игломет наперевес. Лумису стало легче – это был просто специальный шлем, новинка, рассчитанная на подавление психики. Браш спрыгнул с

брони и подошел к ним.

– Где главный? – спросил он совершенно беспечно и, понятное дело, на не родном Лумису языке.

А Лумис уже окончательно пришел в себя. Чистюля – гений тактики, подумал он. Ничего не ответив брашу, боясь, что их с головой выдаст акцент, он показал рукой в ближайшую хижину. Танкист хмыкнул, досадуя на недисциплинированность пехоты, и пружинистым шагом двинулся в указанном направлении. Наверное, он устал сидеть в неудобном кресле и теперь радовался возможности размяться. Лумис, не оборачиваясь, считал шаги. На пятнадцатом он, также, не оборачиваясь, метнул боевой топорик. С неприятным хрустом топориче вошло в позвоночник чуть ниже лопаток и чуть выше рукоятки топорика Тауэра. Было слышно, как браш с тяжелым стоном осел и сразу в люке зашипели газовые гранаты. Лумис, напяливая противогаз, рванулся к танку.

* * *

План Чистюли по уничтожению «свиноматки» был гениален, но слишком громоздок и зависел от множества непредсказуемых факторов, случайности и мизерные вероятности его, цепляясь друг за дружку, висели в воздухе. Но тем не менее, может быть именно благодаря своей несуразности, план удался. Слепо выполняя приказы, они сделали то, что было

не под силу всем остаткам стратегической авиации Империи.

Они заставили пилота выйти на связь со «свиноматкой», сообщить туда, что в деревне обнаружен механизм невыясненного назначения. Там заинтересовались. Пилот подробно описал внешний вид «Бетта-кью-105» и сообщил: будто бы при попытке поднять механизм в воздух, он начинает вести себя очень подозрительно. После этого со «свиноматки» выслали «циклоп», к счастью, только один. Имперские парашютисты загрузили в него «Бетта-кью» и «будильник», для этого пришлось выбросить из танка весь боекомплект. Затем бросили жребий: одной трети суждено было стать героями посмертно. Ими стали эйч-капитан Чистюля (вне конкурса и без всякого жребия), парашют-мастер Босли, штурм-инструктор Бобр и Крэпстон. Они должны были взорвать «будильник» в чреве «свиноматки». По данному случаю выпили за общим столом и уничтожили ненужных пленных, воткнув в них чешуйчатые кортики (теперь они медленно умирали, на окраине злополучного селения, имея в боку эти, не привлекаемые подарки). «Смертники», одетые в форму противника, затолкали в танк оставленного в живых браша танкиста и задраили люк. Бобр лихо взял с места, на ходу уменьшая клиренс двух внутренних гусениц. Танк со скрежетом и лязгом покатился по своему собственному следу и вскоре скрылся из глаз. Восемь усталых людей долго еще смотрели в ту сторону, а через пять часов Ключник, выйдя в эфир, сообщил на базу, что внутри «свиноматки» взорван ядерный

боеприпас, но, на всякий случай, ее надо добить с воздуха. Это тоже была задумка Чистюли.

Когда Ключник выключил рацию, Бельмо нехорошо оскалится и сказал, что теперь уж браши их запеленговали и сейчас на деревню посыпятся сверхтяжелые снарядики. Это была плохая шутка. Но он ошибся: не взорвались снаряды, и не прилетел «тянитолкай», брашам было не до них, Чистюля все-таки осуществил свои честолобивые замыслы. Они собрали амуницию и двинулись на восток, в сторону Скалистой Гряды.

24. Легенды леса

Тяжелая машина ползла вперед, по только что прорубленной тропе, сминая и превращая в кашицу папоротники и еще уцелевшие деревца, а впереди, в зеленом сумраке, медленно переваливался через поваленные стволы громадный покатый корпус «мастодонта». За спиной мирно похрапывал Пексман и это, вместе с гудением двигателя, навевало дрему, но Браст только иногда встряхивал головой, отгоняя сонливость, и, не отпуская рычаги, смотрел в перископ воспаленными глазами. За эти несколько суток они прошли по сельве сотни миль, и полковник Варкиройт был доволен: все шло по плану. Для этих непролазных джунглей, проделанное ими, своего рода рекорд. Первые поселенцы, появившиеся на Мерактропии, вообще не отходили от берега дальше чем на десять. Были конечно смельчаки, ослепленные призраком мекра – таинственного растения увеличивающего продолжительность существования на этом свете, или фанатики науки, которые, захватив с собой максимальный запас огнеметной смеси, хинина и продуктов питания, надвинув на лицо смоченную антикомарином сетку, уходили в зеленое море, но сохранились лишь имена тех, кто вернулся. Их было не много и если они не лишались рассудка, и не умирали от малярии или укусов дотоле неизвестных насекомых, их рассказы обрастали постепенно многочисленными

подробностями и становились неисчерпаемым источником для многотомных научных трактатов с громкими красивыми названиями, как то: «Мерактропы как они есть», «Биологические сокровища Мерактропии», «Ядовитые паукообразные третьего континента». И все это с героическими призывами освоить и покорить «необузданный материк», чтобы завоевать тысячи тонн мекра, моря нефти и неисчислимые запасы руды. И подстрекаемые этими мифами, то одно, то другое правительство, снаряжало вооруженные по последнему слову техники экспедиции, стоившие значительных средств и воздержания от многих жизненно необходимых государственных расходов. И когда из многосотенного экспедиционного корпуса на берег возвращалась лишь горсточка полуживых людей, еще держащихся на ногах, тащивших на себе товарищей, находящихся одной ногой в могиле, кусочки мекра и утверждавших, что они вынуждены были повернуть, лишь чуть-чуть не дойдя до богатейших залежей платины и серебра, государи и парламентарии лишь подсчитывали убытки и назначали скудные пенсии первопроходцам и их семьям, благо семейных было не слишком много, и лишь монархи-конкуренты злорадно усмехались. Но проходили циклы и горечь поражений исчезала, и снова, облаченные в защитные комбинезоны, рыцари удачи, с новейшими вибрационными ножами в руках и полными антибиотиками ртами, в высоких, до пояса, сапогах из не трущегося материала фирмы «Капликхаузе-экл» вклинивались в сель-

ву: все начиналось сначала. Но затуплялись механические секиры из лучшей стали и не спасали медикаменты, и рвались сверхпрочные сапоги, и когда в пятидесяти шагах от берега из листвы вываливался саблезубый леопард и топорщилась, отливающая зелению, шерсть, или на голову падал ядовитый краб-мураус и не успевал сгнить труп последнего товарища, а оставался лишь обглоданный термитами-секачами скелет, тогда, не выдерживали ни железные нервы, ни тренированная психика и чавкающее болото, медленно поглощающее, пережившего всех остальных «счастливчика», лишь подтверждало, что эти места не для человека, и что Мерактропия так и осталась непокоренным материком.

И все же здесь жили люди: мерактропы – самая таинственная загадка и самая страшная сила противостоящая колонизаторам. Некоторое время никто о них и не подозревал: не вернувшихся на корабль считали погибшими в схватке с безмозглым хищником или заживо съеденным мышами-вампирами, в основном, конечно, так и было. Лишь кое-кто из вынырнувших из зеленого ада, утверждал, что наблюдал диких голых людей, следующих по пятам и бесследно растворяющихся в прорве зелени, когда к ним пытались приблизиться, но конквистадорам либо не верили, считая все это галлюцинацией или побасенками, либо, просто не принимали всерьез, потому, что главное в их рассказах были рощи мекра и открытые залежи угля, а поэтому столкновение с мерактропами оставались неожиданностью. И только постепенно

все поняли, что людям противостоит какая-то титаническая непонятная сила, равная, а может быть превосходящая мощь цивилизации, и что все жертвы нельзя считать простой случайностью. Но лишь гораздо позже пришло осознание, что эта апокалипсическая сила – местное население. Сколько их всего на материке, не знают и поныне. Составляют ли они единую общину, живут ли отдельными племенами или же, вообще, как отшельники, лишь иногда сходящиеся вместе – не известно. Остается открытым и вопрос, как они сами сосуществуют с этой опасной природой. Наверняка выяснено лишь то, что туземцы убивают колонистов и уничтожают любые плоды человеческой культуры, будь то нижнее белье или потерпевший аварию автожир. С людьми джунглей пытались бороться, но обычные методы истребления аборигенов не годились и после таких попыток противодействие человеку резко возрастало. Терпели провал тактика и стратегия, когда после многосуточной непрекращающейся стрельбы, почти в упор, по мелькающим в зарослях обнаженным телам, солдаты выползали из баррикад пустых ящиков от боеприпасов и расширенными от ужаса, воспаленными от бессонницы, глазами не видели на салатном ковре ни одного поверженного врага, а лишь лишившиеся коры вековые деревья. Какой-то умник полтора-два цикла назад предложил невероятно дорогой проект минирования материка: при этом двадцать пять миллиардов противопехотных мин должны были разместиться в несколько сплошных поясов, повто-

ря рельеф берега на расстоянии сорока километров, в результате чего ошастливленное геанское человечество могло бы свободно пользоваться хотя бы береговыми богатствами Мерактропии. Но проект, разумеется, отвергли и несистематическое освоение продолжалось. Затем «мекра-лихорадка» утихла, во всяком случае патрульные дирижабли не давали оперативного простора отдельным старателям и на некоторое время зеленое море оставили в покое. Но когда Геабекс Лоук обнаружил вблизи Гибельного озера урановую аномалию, сюда снова устремились тяжелые транспортные самолеты брашей, дрексов, эйрарбаков и утлые суденышки мелких королевств и республик, рвущихся к ядерной автономии. Но браши, первые добились значительных результатов и это послужило побочной причиной Второй Десятицикловой войны. Кончилось все Аберанским миром и за брашами так и остались урановые рудники Гибельного озера, а основная территория материка официально и поныне является зеленым пятном планеты – нейтральной зоной. Но практически весь континент причислен к колониям Республики и следовательно, механизированная группа эйрарбаков движется по вражеской территории.

Браст резко нажал на тормоз: впереди, перед застывшей машиной, мелькнула и отскочила в сторону человеческая фигура. У него даже кольнуло где-то в позвоночнике от неожиданности. «Мастодонт», ползущий впереди, тоже замер. Кто-то забарабанил в левый боковой люк и Браст по-

тянул за ручку: в отсек просунулась чья-то темная физиономия:

– Браст, Пекс, глушите мотор, – посыльный перевел дыхание. – Максимальное охлаждение, – теперь Браст узнал его, это был Бикс – адъютант Варкиройта.

– А что стряслось? – еще не совсем проснувшись спросил Пексман.

– Где-то поблизости аэростат брашей, – объяснил Бикс. – «Лавочка» Вербека перехватила их радиопередачу на базу. Ну, бывайте, – он отодвинулся.

В перископе заднего вида Браст видел, как адъютант спотыкаясь бежал к следующей машине. Зачем было посылать человека, когда все можно сообщить по закрытой связи, Браст не знал. Наверное, чтобы без дела не засиживался. Как вырвалось однажды у полковника Варкиройта, в присутствии Браста: «Когда я вижу солдата Империи без лопаты – я зверею». Пексман потянулся и выругался, а Браст включил охлаждение и отсек «питание» всем остальным приборам. Теперь можно полчасика вздремнуть, подумал он, все равно никто не двинется с места, пока не будет стопроцентной уверенности, что их не обнаружат.

– Браст, – произнес Пексман и высморкался, словно специально для этого позвал его, – как ты считаешь, это тот же аэростат или другой? – спросил явно не из интереса, а от нечего делать. – Мне уже начинает казаться, что это шарики на праздничной пальме, а тебе?

– А мне все равно, – признался Браст, устраиваясь поудобнее в откинutom кресле, – один он или несколько, главное теперь можно поспать.

– Нет, ты не прав, – пояснил Пексман свою мысль, – если их много, то это просто случайность, но если один, – он сделал значительную паузу, – то тогда он нас засек своим инфракрасным детектором и ведет наблюдение.

Последних слов Браст не услышал, он уже погрузился в сияющие быстрые сновидения.

25. Пирамида власти. ГГ

«Группа Гематоген» или ГГ – не представляла из себя, что-то принципиально новое в истории человечества, в той, либо иной форме, подобные организации присутствовали в любом государстве, а уж существовать в тотальных монстрах, охватывающих своим контролем целые континенты, они обязаны были по сути. Всякая долговременная система управления, невольно подчиняется каким-то правилам, лишь на начальной стадии формирования, она может шарахаться из стороны в сторону, занимая и осваивая свою нишу власти, вписываясь в ареал, потесненных поначалу, исторических традиций; притираясь к другим ветвям бюрократических щупальцев, растущих сверху – чем дальше тем тоньше, слабее и уязвимей, до тех счастливых для истинных чиновников дней, пока толстеющие щупальца, не обращаются в корни, постепенно засыхающие, начинающие разлагаться червями коррупции и кумовством. «Группа Гематоген», иначе, могла бы именоваться Службой Ликвидации. Но это было слишком прямолинейно, само появление данной формы управления, на первый взгляд демонстрируя силу государства: «Что хочу, то и творю и плевать на вас хотело!», по сути, обнажало немощь. Грамотному наблюдателю оно говорило о том, что существующие и жрущие из имперского кармана исполнительные ветви власти, совсем заброси-

ли свою работу. Ведь, по большому счету, идеальная полицейская структура способна выловить всякого преступника однозначно, приволочь его на суд и, подождав не слишком долго, осуществить приговор. Здесь же, завал произошел в самом начале: создав ГГ, имперская машина расписалась в бессилии. Она неминуемо призналась, что не способна осуществить наказание-возмездие по отработанному сценарию, то есть, призвать преступника к ответу и вынести ему приговор по закону. «Группа Гематоген» занималась тем, что выслеживала и устраняла подозреваемого в преступлении без суда, прямо на месте, там, где это удавалось. Хотя формально ГГ, являлась подразделом ПП – «Патриотической Полиции», ветви ее управления тянулись выше, а поскольку это была довольно свеженькая государственная структура, то работу она вела на редкость продуктивно и качественно, в отличии даже от существующей десять циклов ПП, несколько ороговевшей и покрывшейся коркой лени, а уж тем более, эффективней, чем обычная полиция: эти структуры давно забыли, что такое качество – они гнали вал. Название свое служба получила с подачи любителя пошутить начальника тайной полиции барона Гуррара, настаивать на другом никто не стал, спорить с шутником было опасно, да и маскировка подходила, эдакое милое несерьезное наименование. После, имечко объясняли тем, что сотрудники нового ведомства, вроде бы, получали, дополнительно к пайку килограмм гематогена, но это было версией притянутой за уши.

Зато, известно точно, что некоторое время назад, служба ликвидации Эйрарбии получила лицензию на отстрел, бывшего «черного шлема», а ныне террориста Лумиса Диностарио. Субъект был признан достаточно опасным и его отслеживанием, с последующим, документально фиксирующимся, уничтожением, занялся целый штат сотрудников. По всем признакам, жить ему оставалось недолго.

26. Спокойные маленькие города

Солнце Фиоль палило нестерпимо, полностью затеняя гиганта Эрр. Уже несколько недель жара пытала мир сухостью, не балуя дождями, и как-то это понятие все больше уходило в предания. Не смотря на жужжащий перед лицом миниатюрный вентилятор Лумис периодически вытирал шею платком, не хотелось пропитывать потом крахмальный воротник, он держал марку, маскировался под значительного человека. Он вновь осмотрел очень низкое полусферическое здание с куполом, сотканным из тысячи маленьких блестящих шестигранников солнечных батарей.

– Это здесь, господин, – доложил шофер – номпиатроп и заискивающе улыбнулся, указывая на электрическое табло пульта.

Лумис, не взглянув на счетчик, бросил в его жадную ладонь платиновую головку Грапуприса 31-го и открыл дверь. Ведь глупости все эти пропагандистские байки про низшую расу, однако, глядя на этого шоферюгу, в глубине души, он верил.

– Господин очень-очень добрый, – глядя на него по-собачьи преданными глазами, сказал абориген и быстро одну за другой бросил в жерло автоматического счетчика нужное количество серебряных ликов императора.

Лумис уже уверенно поднимался по широким закруглен-

ным ступеням. Он на секунду замер перед люком и почувствовал, как бешено заколотилось сердце. Мерно урча, позади развернулся электромобиль и, мигнув подфарниками, скрылся в зелени сквера. Лумис поднес руку к светочувствительному звонку и только теперь понял, какую ошибку он допустил: шофер знает куда он ехал.

– Кто? – прямо в ухо гаркнул динамик.

– Мое имя Лумис Диностарио.

– Что тебе надо? – так же резко спросил невидимый собеседник.

– Это я скажу только, когда увижу с кем разговариваю, – заявил Лумис безразличным тоном.

– Ну, тогда оставайся на пороге, а я вызываю полицию, – голос начал затихать и удаляться.

Этого еще не хватало, – подумал Лумис, глядя на безликий динамик, – а была не была.

– Я от Магрииты.

И не успели эти слова затихнуть, в душном воздухе, как люк ушел вниз. Он шагнул вперед. Тихонько щелкнув, дверь-люк втиснулась на прежнее место. Тело обтекала приятная прохлада и в тусклом, после дневного, свете ламп он прищурившись разглядел стоящего человека. Единственной одеждой того были шорты, но зато на запястье висел, крепко пристегнутый ремешками, небольшой игломет. А их здесь, видимо, не слишком донимают «патриоты», сделал выводы Лумис и, подняв растопыренную руку вверх, выговорил об-

щепринятое приветствие:

– Да будут солнцеликие боги благосклонны к хозяевам дома.

– Будь и ты счастлив в нем, пришелец, – ответил скуластый парень, глядя на него в упор. – Есть ли у тебя оружие?

– Нет, – теперь Лумис продемонстрировал обе раскрытые ладони.

– И тем не менее, я должен тебя обыскать, – он подошел и профессионально прощупал всю одежду Лумиса, затем, хмыкнув, снова отодвинулся. – Так чего тебе надо?

Фамильярное обращение этого охранника резала Лумиса по ушам, хотелось схватить его за выступающие скулы и поучить манерам, но он уже понял, что это не тот человек, который ему нужен и, презрительно оглядев его с головы до пят, утопающих в шерсеновом ковре, холодно отрезал:

– Я не собираюсь говорить с тобой на эту тему.

– Неужели.

– Кретер, надень на него наручники и впусти ко мне, – прогрохотал, неизвестно откуда, голос от которого стало как-то не по себе.

Кретер извлек из-за пояса резинометаллические наручники, похоже в шортах у него был целый арсенал. Лумис не сопротивлялся и когда щелкнул маленький замок, сопровождающий, пряча в своих бесчисленных карманах миниатюрный блестящий ключик, молча указал ему на узкую лесенку ведущую на второй этаж. Не оборачиваясь и не имея воз-

возможности держаться за перила, Лумис поднялся наверх. Там было множество запертых и только одна открытая дверь. Он оказался в кабинете, полностью заставленном полками, наполненными настоящими книгами из бумаги, лишь противоположная стена представляла собой громадное стерео фото главы Империи. Станные они какие-то, – решил Лумис, – оружие носят в открытую, а своего главного врага, для маскировки, развешивают в комнатах. За грудой хронопластин на столе Лумис, не сразу, разглядел щуплого, не первой молодости эйрарбака, который, утопая в огромном, обшитом шкурой тигра-сипигана, кресле, смотрел на него бесцветными глазами, перегоняя языком из одного угла рта в другой маленькую сосательную палочку.

– Никак не могу избавиться от этой привычки, – пояснил он вынимая ее изо рта, однако сесть Лумису не предлоила. – Так кто вы такой?

– Я уже отвечал, – проронил Лумис, глядя ему в глаза. Он вновь назвал имя.

– Это мне ни чего не говорит, – собеседник отвел взгляд в сторону. – Что вы собой значите?

– Вы вообще не представились, я не знаю, с кем имею дело.

– Резонно, – подытожил хозяин, макая палочку в вазочку с зеленым магрисовым вареньем. – Но пришли ко мне вы.

Он оперся кулаком о папку и привстал в кресле. Только теперь Лумис заметил, что его правая рука безжизненно све-

шивается с плеча. Она была гораздо короче левой, а видимая часть имела темно-синий цвет. В стране пережившей две атомные бойни довольно нелокального масштаба врожденные калеки и уродцы не представляли дефицита, но это был тот, кого он искал.

– Вы должны знать обо мне, я несколько циклов работал на «повстанцев», но это сейчас не имеет значения, – сказал Лумис, глядя на его острый подбородок. – Вы тот самый знаменитый Хромосом?

– Да, тот самый, есть у меня такое прозвище. Так какое у вас дело?

– Я был последним, кто видел Магрииту, – почти по складам выговорил Лумис.

Этот калека, с такой странной кличкой, был главарем одной из самых известных среди подпольщиков террористической организации, и слава ее носила очень кровавый оттенок. Люди, состоящие в ней, называли себя «мангусты».

Хромосом снова сел, пронзительно взглянул на Лумиса и выплевывая палочку-соску заявил:

– Ты мне начинаешь нравиться, Лумис. Для нашего времени ты даже слишком прямой, как штурмовой танк. Выкладывай свое дело.

– У меня нет к вам дела, – сообщил Лумис, – я просто приехал поведать, как она умерла. Она долгое время состояла в вашей организации и вашим людям нужно это знать.

Лумис тяжело вздохнул, перевел взгляд на переносицу

императора на портрете. Потом он начал подробно рассказывать о том, как взяли Магрииту, понимая, что его рассказ звучит путано и ужасно неправдоподобно. Вначале сидящий, ни на секунду не прекращая сосать свою «соску», только рассматривал его своими бесцветными глазами, затем этот взгляд сменился каким-то любопытством, смешанным с презрением, причем по мере рассказа во взгляде все более начинало преобладать последнее. Лумис, с какой-то отрешенностью, прекрасно понимая что вредит себе, поведал об убийстве Магрииты, о разговоре с Бэком. Рассказ оказался не слишком длинным.

– Вот и все, – он все еще смотрел на точеный нос императора Граупприса, но не видел его, он заново переживал те страшные минуты.

– Все, – как-то глухо повторил человек с недоразвитой рукой.

С его лица будто спала маска и Лумис невольно поежился, увидев в его глазах ненависть.

– Кретер, – громко позвал он, вставая с кресла и подходя к Лумису вплотную.

– Однако не слишком хорошо тебя проинструктировало «патриотическое» начальство, могло бы выдумать что-нибудь более путное.

Лумис не нашелся сразу, что ответить, хотя заранее знал – ему не поверят.

– Тем не менее, в этом есть свой резон и ты хороший ар-

тист, – продолжал инвалид, – но ты просчитался, ты загубил все дело с самого начала, никакой истинный подпольщик не подъедет на явку в такси.

Что можно было ответить на это, то что он отвык от индивидуального транспорта, который канул в прошлое в большинстве городов Империи, кроме самых крупных, да вот еще здесь, в колонии, случайно сохранился, но как же тогда циклы конспиративной работы «повстанцем». Когда с тихим свистом ушел вниз люк и он ясно ощутил затылком три спаренных ствола игломета, он окончательно понял всю бесполезность оправданий.

– Вот так, голубчик, – прошипел калека. – Ты убил Магрииту и этим подписал себе смертный приговор, – глаза его пылали. – Даже если ты не убил ее, то, во всяком случае, бил. Ты должен был это делать, так как в «патриотической полиции» понимали, что мы проверим, по возможности, каждое твое слово. Не знаю, сколько сведений вы смогли выжать из Магрииты, но из тебя, парень, мы вытянем все, хоть у нас и нет вашего «седла» и «укорачивающей линейки».

Лумис почувствовал, как в горле возник огромный комок, и сразу пересохло во рту: в действиях Хромосома отсутствовала логика, если они подозревали его в связях и полицией, то убивать было совсем нелогично, они ведь выдавали себя с головой, но, если они шли ва-банк и все равно засыпались, то терять им стало уже нечего. И только встретив взгляд Хромосома, и прочтя в его бесцветных глазах свою судьбу, Лу-

мис внезапно понял мотивы – этот человек любил Магрииту. Такого поворота он вовсе не предвидел.

27. Рутина леса

Браст занимался сантехникой. В изобретенную специально для экспедиции доработку конструкции танка–мостовкладчика – туалет (пришлось в свое время тратить кучу электричества на прожигание дыры в противоминном днище), в отводящую стоки трубу, забралась некая флора-сорняк, удобно там разместилась, зазеленела на отходах жизнедеятельности двух местных млекопитающих, нахально выставила из раковины стебель, желая в дальнейшем расширить экспансию на весь отсек, а главное полностью забила выход для сбросов. Поначалу, среди общего вонючего фона, родился специфический запахек, потом, перестало проваливаться вниз то, что должно, а теперь еще родился новый непривычный запах, ни чуть не лучше всех остальных – это повествовало о своем триумфе растение-паразит. Брасту пришлось выпрашивать у штаб-сержанта Метли специальный химический реактив.

– Противогаз не забудь надеть, – ворчливо сказал Метли напоследок, как какому-то салаге, – а то отвечай потом за тебя. И не вздумайте эту гадость пить с Пеком на пару – она спирта совсем не содержит.

– Что я тебе больной? – огрызнулся Браст. – У нас ведь образцовый экипаж.

И вот теперь Браст был занят: он убивал много природных

воней и их первопричины одной, рожденной химией-мамой, вонюю. Интересно творить и изобретать что-то новое, но не меньший трепет испытывается при посещении музы разрушения, здесь апогей даже выше: при сотворении – можно быстро вернуть все в первоначальный хаос, поэтому творчество создания – имеет невольное продолжение – разрушение, а вот последнее не имеет эпилога, оно и есть эпилог. Как красиво булькало и шипело в трубе, а листочки чернели, шли серыми пузырями – красота!

– Ну, что, – спросил Пексман, – ср... можно будет сегодня?

Вот всегда так, какая-нибудь сволочь испортит всю малину наслаждения мощью.

– Пошел бы ты, Пек, к Мятой луне, погулял: мешаешь экстазу.

28. Большая стратегия. Урок первый

К вопросу о сущности пехоты

Очень давно, еще когда Лумис сам был зеленым новобранцем, один старый человек, отставной морской пехотинец, рассказывал Лумису о том, что много циклов назад, когда Гея находилась в наибольшем удалении от светила случались очень сильные морозы. Самое интересное, что температура иногда падала резко, на много градусов, при этом в природе происходили фазовые переходы – свойства предметов и сред менялись скачкообразно. Воинственные браши, как обычно в тяжелое время, решили пожить за счет соседей по планете, может, не так на трофеи рассчитывая, как в надежде отвлечь народ от смуты. На длительную агрессию ресурсов было маловато, посему, напали на небольшую жертву – королевство Мирандолу, вопреки договоренности с эйрарбаками о разделе сфер влияния, благо у оных забот в эту зиму хватало. Третья Союзная Армада приблизилась к берегу маленькой страны, прикрытая, разумеется, Первой с Восемнадцатой и неизвестным количеством подводных армад, от теоретически возможного вмешательства Империи. Линкоры брашей, одни из самых мощных, на то время, могущие превратить побережье в пыль с загоризонтной дальности, демонстративно подошли на прямую видимость. Малочисленная флотилия Мирандолы бесстрашно бросилась на врага и

славно погибла под градом крупнокалиберных снарядов. Но, тем не менее, маленький народ, известный с древности своими ратными традициями, не выбросил белый флаг. Четыре линейных корабля, подошли к столице королевства, городу Пиршекл до глубины предельной для их осадки. В течение часа они смели несколько кварталов вокруг порта, хотя могли бы снести и сам порт, явно надеялись его в дальнейшем использовать, а после этой демонстрации силы, дали правительству Мирандолы час на размышление. Этот час решил судьбу линкоров.

Начался новый, не виданный ранее катаклизм. Температура воздуха, и без того низкая, начала резко падать. Люди, дежурившие на внешней палубе, не выдерживали, смены пришлось менять каждые десять минут, вместо положенного часа и все равно появились обмороженные, но это было не самое страшное: мелкие воды залива начало прихватывать льдом. Адмирал Хап-Рор почуял неладное и, собрав штаб в кают-компании, предложил отвести корабли подальше от берега, но не отдал приказ в категоричной форме, опасаясь реакции РНК (Расового Наблюдательного Комитета), могущего обвинить его в пособничестве поверженному врагу. Пока длилось совещание, выслушивали специалистов, техников, метеоролога, самого адмирала: температура падала. Когда, наконец, объявили приказ – было поздно, произошел фазовый переход: в течение нескольких минут тоненькая ледовая корка превратилась в многометровый монолит – все четыре

гигантских корабля встали, как вкопанные. В определенном плане им повезло, если бы лед образовывался обычным порядком, их, не смотря на броню, неминуемо раздавило, но лед возник мгновенно, железные гиганты остались целы, но потеряли ход. О происшедшем сообщили другим соединениям. После этого суда, находящиеся в глубоких водах, бросились уходить из опасного района, каждое судно занималось собственным спасением и на некоторое время об эскад্রে Хап-Рора забыли. Однако город, дымящийся в развалинах, о ней помнил. Планировщики боевой операции многого не предвидели, и не только чудес природы, они не учли, кто правил королевством в то время, а правил тогда Текеш-Ха Седьмой, выходец из старинного воинственного рода.

Через некоторое время, в свете прожекторов, часовые, с верхней палубы флагмана, заметили маленькие приближающиеся точки; одновременно, к радистам поступило истерическое сообщение с ближайшего к берегу корабля о нападении. Адмирал приказал отстрелять непрошенных гостей из иглометов, не задействуя корабельные орудия, он уже знал, по докладу инженера, о том, что смазка внутри поворотных мелкокалиберных платформ замерзла. Всех не занятых членов экипажа, а почти никто во время «стоянки» занят не был, попытались выгнать на верхнюю палубу, но не тут-то было: некоторые из моряков уже получили разные степени обморожения; другие это видели и, ясное дело, не жаждали испытать на себе; реальной опасности никто не предчув-

ствовал – военная компания считалась выигранной, да и не обещала ничего страшного по заверениям политических лидеров, посему, многие попрятались по теплым местечкам и темным углам. Офицеры сбились с ног, собирая команды. Самые добросовестные и дисциплинированные из нижних чинов, услышав сирену, заняли места согласно боевому расписанию, но оно не предусматривало абордажных боев: акустики прослушивали глубины, разыскивая подводные лодки; торпедисты проверяли торпеды; почти все специалисты были заняты, но сейчас все это стало не нужно. Пехота приблизилась. Не слишком многочисленные защитники флагамена, закутанные, кто во что горазд, взирали на них более с интересом, чем с опасением, никто не догадывался, что это «бессмертные» – десятитысячная личная гвардия короля Текеша-Ха, да почти никто из брашей про них и не слыхивал.

«Бессмертные» тоже были закутаны как попало, но не это сейчас являлось главным: они шли в бой, зная о том, что он последний, героическая смерть была их привилегией, кроме того, они шли, желая сойтись в рукопашной, длинные искривленные мечи, выкованные по древним рецептам, украшали их одежду, они несли с собой наспех сколоченные лестницы и веревки с крючьями на концах, лица их блестели от толстого слоя жира, покрывающего все тело кроме рук (жир защищал от холода и не доставлял неудобств – это была такая мелочь в сравнении с приближающимися мгновениями боли). Внутрь, перед ледовым переходом, они приняли «буи-

йю», древнее, очень сильное наркотическое вещество, убыстряющее процесс кровообращения и почти на сутки увеличивающее общую работоспособность организма, которая у наследственных воинов итак превосходила все мыслимые нормы. Издав воинственные кличи, которые словно зависли в мертвом, без ветерка, воздухе, пехотинцы перешли на бег. На борту раздалась команда на открытие огня, но тут, выяснилось следующее: газ в баллонах иглометов замерз. Произошло замешательство, в процессе которого, команды одних офицеров противопоставлялись другим. Кто-то требовал принести другую партию оружия из тепла, другие, дать залп боковыми пушками, а в это время лестницы приставлялись к бортам и метательные крюки цеплялись за поручни: парганы начали штурм. Часть их отрядов обходила корабль с другого борта. Линкор был огромен, но все равно, им потребовалось не более пяти минут, чтобы начать осаду со всех сторон и, главное, с более низкой кормы. Первые «бессмертные» перевалили через ограждения и сразу же пустили в ход свои залежавшиеся без дела мечи: за борт полетели отрубленные головы моряков. Созданная по секретным рецептам сталь, наводясь быстрой, умелой кистью, отсекала руки и расчленяла туловища пополам: кого вдоль, а кого и поперек. На людей, привыкших сеять смерть на расстояниях сорок-шестьдесят километров от кораблей: брызги крови моментально превращающиеся в лед и подобно снегу медленно опускающейся на палубу; мгновенные, невозмож-

но уследить, багряные лезвия колющие и режущие мягкую, податливую живую плоть вокруг, даже слишком мягкую для них, предназначенных рубить доспехи и кольчуги, это произвело ошеломляющее впечатление. Передние ряды, в ужасе, побросав иглометы, отхлынули от нападающих. В страхе, лишь бы не видеть, люди поворачивались к противнику спиной и, сквозь ряды своих сослуживцев, продирались ко входам в отсеки, подсознательно ища защиту там, под броней. Здесь, они сталкивались с бегущими наверх, выполняющими еще те приказы, о доставке новых иглометов. Офицеры тщетно пытались навести порядок – время было не на их стороне. Парганы, видя смятение во вражеском стане, не дожидаясь остальных, бросились преследовать морских волков, сокрушая все справа и слева, им некогда было анализировать схватку, да они в этом и не нуждались, действуя на подсознательном уровне, вот только лезвия стали входить в жертвы не так глубоко, но не потому что затупились, а просто, они покрывались коркой спекшейся, замороженной крови. Но когда «бессмертные» ворвались на крутые лестницы, идущие в трюмы, картина изменилась: здесь было теплее и сабли быстро нагревались в телах несчастных.

Новые и новые воины взбирались на палубу, они мигом оценивали обстановку, им не надо было команд, они были профессионалами, этот бой проводился по самым древним методам, то есть, без оставления резерва, все силы сразу вводились в сражение и с первым воинственным кличем, зову-

щим вперед, начиналось и заканчивалось управление битвой, остальное шло по накатанной колее.

Внизу, под палубой, из стрелковых ячеек ударили мелкокалиберные пулеметы, они стали целенаправленно косить отставших от основной массы наступающих, но сотни «бессмертных» поднимались и поднимались мимо них, вне зоны огня, а кто-то уже крушил предательские прожектора, и пулеметы продолжали поливать лед не видя цели. А там, внизу, в отсеках, длилась и длилась резня, смерть собирала богатый, спелый урожай. Невооруженные для ближнего боя техники пытались обороняться тем, что под руку попадется – все было тщетно, с распоротыми животами они оставались валяться в коридорах и через них шагали свежие ряды королевских гвардейцев. Моряки, несущие наверх иглометы по десять штук зараз, гибли, не успев выстрелить, а парганы умели пользоваться и стрелковым оружием, они брали его из еще теплых отсеченных рук и пускали в дело. Кое-где возникали очаги согласованного сопротивления. «Бессмертные» не везде лезли на рожон: добычи хватало. Корабль имел бесчисленное количество помещений и отсеки дающие отпор обходились по другим уровням, да и не много их было. Почти сразу, после проникновения врагов внутрь, линкор перестал представлять собой цельную боевую единицу, мало того, что отряды парганов появились сразу в нескольких местах, они еще резали все кабели и провода попадающиеся на пути, то есть оставляли корабль без средств коммуникации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.